

4/2026

Путеводная звезда

12+

школьное
чтение

Великий
сказочник

ГУМАНИТАРНЫЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
РЕКОМЕНДОВАН МИНИСТЕРСТВОМ
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
ДЛЯ ПРОГРАММНОГО
И ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАЛ ПИСАТЕЛЬ

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
в 1996 году

Главный редактор:
ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ

Редакционная коллегия:
ИРИНА АРЗАМАСЦЕВА,
критик, доктор филологических наук

ВЛАДИСЛАВ БАХРЕВСКИЙ,
писатель

ЛОЛА ЗВОНАРЕВА,
критик, доктор исторических наук

ИРИНА КРАЕВА,
писатель

ЕЛЕНА НЕСТЕРИНА,
писатель

Обложка, титул:
ПЕТР ЛЮБАЕВ
Художник:
АНАТОЛИЙ СЕМЕНОВ

Над номером работали:
ПОЛИНА МОРДОВИНА,
СВЕТЛАНА МОРОЗОВА

Корректор:
ОЛЬГА ЗАЙЦЕВА

Адрес редакции:
101990, Москва, Армянский пер., 11/2а.
Тел.: (495) 625-8200, 623-5868,
факс: (495) 624-2490.
pzyv@defond.org

Отпечатано в ООО «Кировская областная
типография».
610004, г. Киров, ул. Ленина, 28.
www.printkirov.ru
Тираж 3000 экз.

Журнал зарегистрирован МПТР РФ.
Свидетельство ПИ № 77-5947
от 21.12.2000 г.

Журнал издается при финансовой
поддержке Министерства цифрового
развития, связи и массовых коммуникаций
Российской Федерации.

Рукописи, присланные в редакцию,
не возвращаются и не рецензируются.

При оформлении журнала использованы
иллюстрации с сайта www.pixabay.com

Учредитель:
Международная ассоциация детских
фондов, Д.А. ЛИХАНОВ
© «Путеводная звезда. Школьные чтения»,
2005

Почему я советую вам прочитать именно это

**Лола
ЗВОНАРЁВА,**
доктор исторических наук,
академик РАЕН и ПАНИ,
автор книг про иллюстраторов
Андерсена (в соавторстве
с Л. С. Кудрявцевой)

Волшебство

Дорогие читатели! Десять лет мы с Лидией Степановной Кудрявцевой жили в мире Андерсена, писали про него и его иллюстраторов три большие книги. И это было настоящее волшебство. Прикасаться к творчеству и жизни этого великого человека, который своими словами согрел и дальше будет согревать миллионы читателей по всему миру, – это все равно, что прикасаться к подлинному чуду!

В апреле 2013 г. нас с Лидией Степановной пригласили в Данию. На поезде из Копенгагена мы отправились в Оденсе, на остров Фюн. Там волшебным образом мы получили приветы от самого Андерсена, и решили – наши книжки ему понравились! Первое чудо случилось у дома-музея Андерсена. В начале апреля в Дании холодно. Мы пришли заранее. И вдруг... На ветку дерева, растущего рядом с музеем, села маленькая серая птичка и начала петь... Мы поняли: датский сказочник приветствует нас! Вскоре нас пригласили войти... Мы подошли к хижине, в которой родился и жил до пятнадцати лет Андерсен. Сегодня её хранят под стеклянным куполом. В крохотной комнатке уместились небольшой стол и узкая кровать – будущий известный писатель до пяти лет спал в ногах у родителей. Так бедно жила семья! На другой день мы гуляли по Оденсе. В центре города увидели старинный храм. Двери открылись сами, будто приглашая войти. Мы приняли приглашение и оказались под высокими сводами готического собора. Звучал орган. В храме – никого. Наверное, органист репетировал очередную мессу. И вдруг мы поняли: это же собор, в котором крестили нашего героя! А через несколько дней мы готовились к отъезду. Шли вечером через весь город на прощание с сотрудниками музея и переводчицей. И вдруг в вечернем тёмно-синем небе увидели двенадцать больших птиц, кружившихся над городом, словно прощаясь. Вспомнили сказку «Дикие лебеди». Мы поняли: это Андерсен прощается с нами.

Но Андерсен всегда с нами, с теми, кто хотя бы раз прикоснулся к его сказкам и узнал об его жизни. Добрый свет Андерсена навсегда в нашем сердце!

Мария Бекетова

**Г. Х. АНДЕРСЕН
(ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ)**

Константин Паустовский

Великий сказочник

Лола Звонарёва, Лидия Кудрявцева

**Приключение сказок
Андерсена в России**

Мария Бекетова
Г. Х. АНДЕРСЕН
(его жизнь и литературная деятельность)

ГЛАВА I

Введение. – Детство Андерсена. – Его отец и мать. – Первые впечатления. – Мечтательность и фантазерство. – Игры и занятия. – Начало учения. – Смерть отца Андерсена. – Новые знакомства. – Первые попытки писать. – Конфирмационная школа. – увлечение театром. – Отъезд из родного города.

.....

Немногие писатели пользуются такой популярностью, как Андерсен. Он написал очень много, но русской публике хорошо известно только собрание его сказок, составляющее лучшую, но меньшую часть его произведений. Сказки эти, переведенные на все языки и выдержавшие множество изданий, и доставили главным образом славу своему автору. Несравненная поэзия в соединении с тонким юмором, с чистотой и искренностью чувства является особенностью этих оригинальных произведений. Умение одушевлять все существующее и представлять в живых образах решительно все окружающие нас предметы делает сказки Андерсена особенно близкими сердцу,

так сказать интимными. В них нет ничего грандиозного, ничего величавого, но тем не менее всякая подробность их бесконечно интересна. Способность Андерсена наделять человеческими чертами неодушевленные предметы вроде какого-нибудь уличного фонаря и вызывать сочувствие к ним читателя и составляет особенность его таланта. Если прибавить к этому широкую гуманность, необыкновенно простой и сжатый язык и самое светлое миросозерцание, то всемирная известность Андерсена будет вполне понятна.

Родился Андерсен в 1805 году, а умер в 1875. Родина его – датский город Оденсе на острове Фюн. Андерсен был единственным сыном своих родителей. Мать его, простая женщина без всякого образования, отличалась нежным и любящим сердцем, отец же являлся в своем роде очень замечательным человеком. Занимаясь сапожным мастерством, он всю жизнь не мог помириться с тем, что плохие семейные обстоятельства помешали ему получить то образование, о котором он мечтал. Супруги очень любили друг друга и жили в полном согласии. Тем не менее отец Андерсена не чувствовал себя счастливым. У него была совершенно исключительная натура, глубоко поэтическая и вместе с тем склонная к анализу. Жена не понимала его, окружающая среда была бесконечно ниже его по развитию. Он чуждался людей, мало-помалу уходил в себя и год от году становился все угрюмее и сосредоточеннее. Любимым его занятием было чтение вслух. Кроме того, он охотно делал игрушки, рисовал и вырезал картинки для сына. Летом он часто брал его с собой за город в лес и проводил там многие часы, погруженный в размышления. Мальчик занимался один: он рвал цветы и ягоды, плел венки и так далее. Эти одинокие прогулки повторялись все чаще и чаще. Мать Андерсена участвовала в них только раз в год, перед весенним праздником. Она ходила в лес лишь для того, чтобы нарвать свежих веток и убрать ими комнату. Муж, по-видимому, старался развить жену чтением вслух, но из этого ничего не вышло. Она не скучала за книгами, но и только. Это была женщина неинтеллигентная, хотя не без некоторого поэтического чутья.

Молодой отец все больше и больше сближался с сыном и проводил с ним все свободное время. Первые книги, которые он читал Гансу, были басни Лафонтена, комедии датского писателя Хольберга и сказки из «Тысячи и одной ночи». И мать, и отец нежно любили сына и позволяли делать все, что ему хотелось, но от этого не происходило никаких неудобств. Унаследовав от

отца мечтательный и вдумчивый нрав, мальчик был еще вдобавок мягок и тих, как девочка. Он не любил никаких шумных игр и даже не водился с детьми. Играл он постоянно один, причем фантазия его работала неутомимо. Наклонность к мечтательности развилась в нем еще сильнее под влиянием обстановки. Оденсе – старинный город, и во времена детства Андерсена в нем сохранялись многие средневековые обычаи, праздники, оригинальные процессии и так далее. Все это действовало на воображение ребенка, но еще больше почерпал он из сношений со своей бабушкой – матерью его отца. Это была кроткая и печальная женщина. Муж ее, когда-то зажиточный фермер, испытал целый ряд неудач и сошел с ума после пожара, истребившего почти все его имущество. Бабушка Андерсена переселилась в Оденсе вместе с мужем и сыном. Там купила она на оставшиеся деньги маленький домик при больнице для умалишенных, где и жила вместе с больным мужем. Помешательство его было тихое, так что он никому не делал вреда и не требовал постоянного ухода жены. Бабушка нежно любила внука и заходила к его родителям каждый день хоть на несколько минут, чтобы его поглядеть. По субботам бабушка всегда приносила своему любимцу цветов из госпитального сада, чем доставляла ребенку большую радость.

Мальчик и сам часто бывал у бабушки. Бродя по двору госпиталя, он часто видел там тихих помешанных. Со страхом смотрел он на них и с любопытством слушал их странные речи и песни. Раз, оставшись совсем один в госпитальном коридоре, по обеим сторонам которого шли больничные камеры, мальчик лежал на полу и увидел в дверную скважину голую женщину с распущенными волосами, сидящую на пучке соломы. Несчастная пела пронзительным голосом, потом вдруг с криком бросилась к двери и ударила в нее с такой силой, что раскрылось оконце, через которое подавали ей пищу. Выглянув в это отверстие, она увидела мальчика и протянула к нему руку. Тот закричал от страха, ничком упал на пол и пролежал так до тех пор, пока не подросли сторожа. Это страшное впечатление навсегда осталось в его памяти. Маленький Андерсен часто ходил в комнату, где пряли госпитальные старушки. Они очень его любили и говорили, что мальчик так умен, что едва ли долго проживет на свете. Это очень льстило его самолюбию, но еще больше нравились ему длинные сказки, которые рассказывали ему старушки.

Странная обстановка больницы, вид сумасшедших, ранние книги, своеобразные игрушки

и картинки, которые дарил ему отец, и сказки госпитальных старух – все это образовывало в голове маленького Андерсена какой-то смутный хаос с удивительно поэтической и таинственной окраской. Мальчик жил в мире фантазии, и это сделало его очень нервным и впечатлительным. Он стал так боязлив, что с наступлением темноты не соглашался выйти из дому. Как только закатывалось солнце, Ганс ложился в большую постель своих родителей. Лежа под ее цветным пологом, он чувствовал себя вполне хорошо и безопасно. Сквозь занавески мальчик видел свет и слышал все, что говорилось в комнате, но это только успокаивало его. Сам же он был вполне уединен за своим цветным пологом в большой постели и предавался бесконечным мечтам. Ребенок лежал очень смирно, и мать приписывала это его благонравию. «Как тихо лежит дорогой мой мальчик», – говорила она. А мальчик ее в это время уносился в роскошное царство своей фантазии и мало-помалу засыпал, убаюканный несвязными золотыми грезами.

Так прошло почти все детство Андерсена. По целым часам занимался он игрушками, которые делал ему отец. Особенно же любил шить платья своим многочисленным куклам. Для этого мальчик усаживался под кустом ежевики, который рос у стены, и расстилал над ним материн передник, прикрепляя его к стене. Этот передник защищал его от непогоды. Ребенок тихонько сидел под ним со своими куклами. Сладкие и фантастические грезы до того одолевали его, что у него явилась привычка закрывать глаза, и близкие начали даже думать, что у Ганса слабое зрение, между тем как на самом деле мальчик видел прекрасно.

Вообще Андерсен был странный ребенок, не похожий на обыкновенных детей, что не мешало ему быть очень счастливым. Мать и отец баловали его на все лады. При всей их бедности мальчик ни в чем не терпел недостатка. Его старались особенно хорошо одевать, для него нарочно звали старую швею, которая шила ему наряды из разного старья. Странно, что читать выучили Андерсена не дома. Его отдали для этого в школу. Там старая учительница сидела на стуле, окруженная детьми, с длинной розгой в руках. Дети произносили буквы и читали хором, а старуха водворяла между ними порядок посредством своей розги. Маленького Андерсена мать отдала в школу с тем, чтобы его не били. В первый же раз, когда розга дошла до него, он встал со своего места, взял книгу и, придя домой, попросил, чтобы его отдали в другую шко-

лу. Мать отдала его в школу Карстенса, где училась, между прочим, одна крошечная девочка, но Андерсен оказался еще меньше ее. Карстенс был добрейший человек и очень любил Андерсена. Он дарил ему цветы и пирожные, ласкал его и во время игр постоянно держал за руку, чтобы старшие ученики как-нибудь его не обидели. Впоследствии старик очень любил называть себя первым учителем знаменитого Андерсена.

У Карстенса в школе маленький Андерсен подружился с той девочкой, о которой уже была речь. Он принялся рассказывать ей фантастические истории вроде тех, которыми восхищал прежде госпитальных старух, но на этот раз эффект получился иного рода. Девочка была практическая особа и мечтала о том, как она сделается со временем фермершей в большой барской усадьбе.

– Ты будешь служить у меня в замке, – сказал ей на это ее маленький товарищ.

Он даже нарисовал ей свой замок и рассказывал еще, как к нему приходят разговаривать золотые ангелы и какой он вообще счастливый мальчик.

Услышав это, девочка сказала кому-то из товарищей:

– Он сумасшедший, как его дедушка.

Такой вывод очень огорчил и удивил Андерсена: он думал поразить девочку своим умом и уж никак не ожидал прослыть сумасшедшим.

Андерсен был еще очень мал, когда родители в первый раз повели его в театр. Представление давалось на немецком языке, и вероятно поэтому мальчик не вынес никакого впечатления. Увидев массу зрителей, он сказал: «Если бы у нас было столько бочек масла, сколько здесь людей, вот уж я бы поел!» Это прозаическое замечание показывает, что маленький Андерсен рос здоровым ребенком и его чрезмерное фантазерство не заключало в себе ничего болезненного, а свидетельствовало о задатках поэтического таланта. Как бы то ни было, театр скоро сделался любимым местом маленького Андерсена, хотя его водили туда только раз в год. Он подружился с разносчиком афиш, и тот каждый день давал ему театральную афишу. Сидя где-нибудь в углу с этой афишей, мальчик разыгрывал целые комедии, которые сочинял, используя названия пьес и имена действующих лиц. Это было начало творчества.

Сильно походя на отца по натуре и по складу ума, Андерсен очевидно больше любил мать и находился под ее влиянием. Мать его была очень суеверна и совсем необразованна, отец

же, напротив, отличался здоровыми понятиями и своим недюжинным умом понимал многое, недоступное его жене, родным и знакомым. Он много думал над тем, что читал, и высказывал иногда своеобразные и очень здравые суждения, пугавшие его жену и мать как нечто новое и непонятное.

– Нет никакого черта, кроме того, что живет в нашем сердце, – сказал как-то отец Андерсена.

Эти слова, понятые буквально, привели в ужас его маленького сына. Со страхом думал он о душе отца. Страх этот еще усилился, когда однажды отец его проснулся с двумя ранами на руке. Вероятно, он укололся во сне иголкой, воткнувшейся в постель, но соседка говорила, что это посетил его ночью черт, чтобы показать, что он есть на самом деле, и маленький Андерсен этому вполне верил.

Когда появилась комета 1811 года, мать передала сыну все страшные сказки, существовавшие на этот счет. «Нет никакого черта, кроме того, что живет в нашем сердце», – сказал как-то отец Андерсена, и ребенок находился под их впечатлением. Раз вечером мальчик стоял на площади с матерью и с соседками и со страхом смотрел на комету, ожидая светопреставления. В это время мимо проходил его отец и объяснил происхождение кометы, думая рассеять суеверные страхи, но слова его ни к чему не повели: все смотрели на него, покачивая головами, и никто ему не верил. Видя это, он засмеялся и пошел своей дорогой. Маленький Андерсен почувствовал какой-то ужас при виде неверия отца. Вечером к ним пришла бабушка, и невестка рассказала ей случай с кометой. Мальчик сидел на коленях у бабушки, смотрел ей в глаза и ожидал, что вот-вот комета заденет землю хвостом и наступит конец мира. Он не понимал того, что говорили женщины, но был заранее во всем с ними согласен. Очевидно, отца его считали еретиком и безбожником, хотя он был глубоко религиозный человек, часто читал Библию и много над ней думал.

Рознь с окружающими его людьми очень тяготила отца Андерсена. Он всячески старался найти выход из своего положения, но это ему не удавалось. Любимой его мечтой было жить в деревне. Ему представился даже раз прекрасный случай, но и тут вышла неудача. Один богатый землевладелец на острове Фюн пожелал иметь своего сапожника, причем давал ему домик и землю в деревне поблизости от замка. Андерсены были в восторге, маленький Ганс молился о том, чтобы отцу его удалось получить желанное место. Тот взялся шить хозяй-

ке замка бальные башмаки, но работа его не понравилась, и все мечты разом рухнули. Между тем его лесные прогулки повторялись все чаще и чаще. Душа его не знала покоя и жаждала уединения. Мечтательный сапожник увлекся личностью Наполеона и решил поступить солдатом в один из союзных полков, мечтая о том, как вернется лейтенантом. Жена плакала, соседи его осуждали; но человеку этому очевидно хотелось чего-нибудь необычного, не похожего на окружавшую его жизнь. В то утро, когда должен был двинуться полк, отец Андерсена казался очень веселым и оживленным, только порывистая страстность, с которой он прощался с сыном, выдавала его волнение. Мальчик лежал тогда больной. К нему пришла бабушка, а мать со слезами провожала мужа. Это первое печальное утро, которое помнит Андерсен в своем счастливом детстве. Отец его скоро вернулся с полком, не побывавши в деле, так как в то время заключили мир. Он дошел только до Голштинии, но непривычные переходы тяжело отразились на его здоровье. Недолго пожил он со своими. В одно прекрасное утро он проснулся в горячке, бредя войной и Наполеоном. Мать послала сына к знахарке. Та проделала с мальчиком много разных таинственных вещей и под конец сказала ему: «Иди домой вдоль реки; если отец твой должен умереть, ты встретишь его призрак». Со страхом вернулся маленький Ганс и рассказал матери, что сказала ему знахарка.

– И ты никого не встретил? – спросила мать.

– Нет, – ответил он с бьющимся сердцем.

Отец его умер на третий день после этого случая.

После смерти отца мальчик был еще больше прежнего предоставлен себе самому. Мать ходила на работу в чужие дома, а Ганс по целым дням оставался один и играл в кукольный театр. В это время он свел знакомство с семьей одного умершего пастора, который считался довольно известным датским стихотворцем. Это было первое образованное семейство, в которое попал Андерсен. Здесь он впервые услышал слова «поэт» и «писатель», произносимые с большим почтением, и возмечтал сам сделать писателем. Здесь же ему пришлось прочесть Шекспира, который остался на всю жизнь одним из его любимых авторов. Сейчас же принялся он разыгрывать шекспировские пьесы на своем кукольном театре, несколько видоизменяя подлинник. Чем больше лиц умирало в трагедии, тем больше она ему нравилась. Дети,

как известно, любят катастрофы. Потом он сочинил трагедию, заимствовав ее сюжет из одной старой песни. В конце трагедии все умирали. Андерсен воображал, что написал прекрасную вещь, и многие поддерживали его в этом заблуждении. Только одна соседка посмеялась над его произведением, что его очень обидело.

– Это она оттого говорит, что ее сын не может так написать, – утешала его мать.

Мальчик успокоился и принялся за другую трагедию. То было произведение высшего полета. В нем участвовали только коронованные лица. Андерсен видел, что у Шекспира короли и принцы говорят так же, как простые смертные, но ему казалось, что это неверно. Он спрашивал об этом у матери и у соседок. Те могли ему сказать только, что король, который был когда-то в Оденсе, говорил на иностранных языках. Мальчик понял это по-своему. Он достал где-то книжку с французскими, немецкими и английскими вокабулами и составил речь своих королей так, что вышла какая-то мозаика из иностранных языков. Вот что говорила, например, одна принцесса своему отцу: «Guten Morgen, mon pere, haben sie gut sleping?» И в таком роде написаны все диалоги. Андерсену было, вероятно, лет десять, когда начались эти литературные упражнения. Вообще, он не делал тогда ничего похожего на то, что делают обыкновенно мальчики его звания. Он и не начинал еще работать, а только забавлялся, забавы же эти были совсем особого рода: игра в театр и в литературу... В один прекрасный день матери пришлось в голову отдать его на фабрику, куда ходил сын одной ее знакомой. «По крайней мере, я буду знать, где сын», – говорила она. На фабрику отводила Андерсена бабушка, которая делала это очень неохотно и была, по-видимому, права. Там оказалось много немецких рабочих. Они работали с песнями и шутками очень грубого свойства. Маленький Андерсен скоро заслужил всеобщее расположение. У него был прекрасный, необыкновенно высокий голос. Он охотно пел не только разные песни, но и целые сцены из Шекспира и Хольберга с импровизированной музыкой. Это производило большой эффект. Мальчику аплодировали и делали за него работу. Первые дни ему было превесело. Но вот однажды, когда он увлекся своим пением и выводил необыкновенно высокие ноты, кто-то из рабочих сказал про него: «Да это совсем не мальчик, это, наверно, девчонка!» – и грубо схватил его. Шутка понравилась. Мальчика схватили за ноги и за

руки. Он с громким криком вырвался, убежал с фабрики домой к матери и больше уж не возвращался.

Между тем мать Андерсена вторично вышла замуж. Новый муж ее, тоже сапожник, совсем не походил на первого. Это был простой и добрый малый очень веселого нрава. Он нисколько не вмешивался в воспитание пасынка и предоставлял ему полную свободу. Мальчик ходил в семью пастора-поэта и читал там книги, а дома занимался своим кукольным театром и упражнялся в шитье. Это было нужно для кукольного театра. Особенно нравилось ему сшивать вместе разноцветные куски материи. Мать его находила, что такое занятие может пригодиться в будущем. Она полагала, что сын ее создан быть портным; он же, со своей стороны, говорил, что будет комедиантом. С этим мать решительно не соглашалась. Она понимала под словом «комедиант» только плясунов на канате и странствующих актеров, причем ставила тех и других на одну доску.

Слова матери не производили на Андерсена никакого действия. Он продолжал делать все, что хотел, и между прочим пел по целым часам все, что приходило ему в голову. То было своеобразное пение, но прелестный голос и фантазия поэтического ребенка, вероятно, создавали при этом нечто прекрасное и оригинальное. Пел он очень часто и на улице. Особенно любил он забираться на большой камень в реке, протекавшей поблизости от их дома, и, стоя на камне, заливался своими странными песнями, как жаворонок, «упоенный зарею и светом», по выражению Франциска Ассизского. Но не одна страсть к пению играла роль в этом препровождении времени. Мальчик был очень самолюбив. Он отлично знал, что его слушают из соседних домов и сада, и это придавало ему еще больше азарта. Многие в городе обращали внимание на странного и интересного ребенка, и у него завязалось немало знакомств среди богатого населения Оденсе.

Особенно участливо относилось к нему семейство полковника Гульдберга. Сам полковник был знаком с наследным принцем Христианом, который жил в то время в Оденсейском дворце. Полковник стал первым покровителем Андерсена. Он настолько заинтересовался своим маленьким другом, что захотел свезти его к принцу Христиану, причем дал Гансу следующий совет: «Если принц спросит вас, чего вы хотите, отвечайте, что самое большое ваше желание попасть в высшую школу». Андерсен не чувствовал никакого влечения к наукам, но послушно сказал прин-

цу то, что внушил ему его покровитель. Принц ответил не особенно ободряющим образом. Он заметил, что ученье – вещь очень трудная, что петь и хорошо говорить стихи еще не значит быть гением и что лучше бы мальчик выбрал себе какое-нибудь хорошее ремесло.

Этот совет не очень-то понравился маленькому Андерсену, мечтавшему о славе и о сказочном счастье. Таким образом, из разговора с принцем пока ничего не вышло. Поэтому мать вторично отдала Андерсена в школу. На этот раз это была школа для бедных, где учили только Закону Божьему, письму и счету. Школа была плохая, и Андерсен пробыл в ней недолго. Во время пребывания там он сочинил стихи в честь дня рождения школьного учителя и рассказывал товарищам интересные истории своего сочинения. Но рассказов этих было недостаточно, чтобы установить хорошие отношения между Андерсеном и его товарищами, завидовавшими его привилегированному положению в богатых семействах. Дело дошло до того, что в один прекрасный день, когда он вышел из школы, уличные мальчишки побежали за ним толпой с криками: «Вон идет комедиант!» Чувствительный и трусливый мальчик убежал домой, забился в угол и со слезами стал молиться Богу.

Тем временем ему шел уже четырнадцатый год. Он был высоким худощавым мальчиком с кудрявыми белокурыми волосами. Мать начала подумывать о том, что нужно бы ее Гансу делать «что-нибудь разумное», как она выражалась. Она хотела подтвердить его, а после отдать в портные, полагая в этом его призвание.

Для подготовки к конфирмации мать отдала Андерсена к пастору, у которого обучались дети из дворянских семейств. И сам пастор, и дети смотрели свысока на сына бедного сапожника. Пастор считал его выскочкой, товарищи сторонились. Бедный мальчик оставался постоянно один. Он нимало не завидовал богатству своих товарищей и вздыхал только по книгам, которых у них было гораздо больше, чем у него. Раз Андерсен вздумал декламировать сцену из какой-то комедии в присутствии пастора и его знакомых. Пастор строго остановил его и сказал, что если он еще раз повторит то же самое, его отправят домой. Андерсен не понял, за что на него напали. Единственным существом, относившимся к нему хорошо, была одна девочка, готовившаяся к конфирмации у того же пастора. В знак особого внимания она даже раз подарила ему розу, о чем Андерсен помнил всю жизнь с благодарностью.

На этот раз Андерсен благополучно выполнил свою задачу и подтверждался вместе с другими. После конфирмации мать хотела отдать его в ученье к портному, но сын упросил ее этого не делать. За последние годы он накопил из денег, которые ему иногда давали, небольшую сумму в 30 риксдалеров (23 рубля). Считая себя настоящим богачом, он просил мать отпустить его в Копенгаген искать счастья, думая, что это первый город в мире.

– Что же там из тебя выйдет? – спросила его мать.

– Я сделаюсь знаменитым, – ответил мальчик и начал пересказывать ей то, что он читал в книгах про великих людей.

– Сначала они ужасно много страдают, а потом делаются знаменитыми, – заключил он.

Движимый каким-то непонятным, инстинктивным влечением мальчик, со слезами и рыданиями умолял мать исполнить его желание. И мать уступила ему, предварительно посоветовавшись со знахаркой, которая сказала:

– Ваш сын сделается великим человеком, в его честь будет иллюминация в Оденсе.

Мать заплакала от радости и больше не противилась желанию сына ехать в Копенгаген.

Между тем четырнадцатилетний Андерсен составил в голове нечто вроде плана. Он не сомневался, что будет счастлив и знаменит, и думал сделаться актером. Летом, перед его конфирмацией, приезжала в Оденсе труппа актеров из Копенгагена. Они играли оперы и комедии, и Андерсен в качестве друга разносчика афиш не только видел все пьесы, но часто бывал за кулисами, перезнакомился со всеми актерами и даже исполнял раза два роли пажа и пастуха. На актеров смотрел он как на богов, а им нравился его живой и восторженный нрав. Они были с ним очень ласковы. Раньше еще его голос и способность разыгрывать наизусть целые сцены навели его на мысль поступить на сцену, теперь же он окончательно решил, что будет актером. Андерсен слышал, между прочим, что-то такое о балете и о копенгагенской танцовщице Шаль. Из рассказов этих он заключил, что балет еще лучше оперы и комедии, а танцовщица Шаль нечто вроде царицы. Восторженный юноша хотел поехать в Копенгаген познакомиться с ней и с ее помощью попасть на сцену. Для этого он предварительно отправился за рекомендательным письмом к старому книгопродавцу Иверсену, который знал всех приезжих актеров и должен был, по мнению Андерсена, знать также танцовщицу. Остальное не беспокоило нашего

театрала. Старый Иверсен, в первый раз в жизни видевший Андерсена, с участием выслушал просьбу мальчика, но отговаривал его ехать в Копенгаген, советуя заняться каким-нибудь ремеслом.

– Это было бы большим грехом! – ответил ему Андерсен таким тоном, что старик сейчас же им заинтересовался.

Он не знал лично танцовщицы, но все-таки написал рекомендательное письмо к ней, которое и дал Андерсену. Получивши желанное письмо, Андерсен был в восторге и считал, что уже нашел ключ к счастью.

Мать уложила в узелок его пожитки, взяла ему место в дилижансе и со слезами проводила до ворот, где стояла его бабушка. В момент прощанья с матерью и с бабушкой юноша испытал большое горе, но скоро развлекся новизной места и всего, что его окружало. Полный надежд и без всяких опасений за будущее пустился он в свет со своими тридцатью риксдалерами в кармане. Когда Андерсен очутился на пароходе и оставил позади родной остров, он почувствовал одиночество, но простодушная и жаркая молитва тотчас же вернула ему спокойствие.

ГЛАВА II

Жизнь в Копенгагене. – Первые шаги. – Знакомство с Сибони. – Новый круг знакомых и покровителей. – Сношения с театром. – Танцевальная и хоровая школы. – Критическое положение. – Неудачные попытки писать для сцены. – Отъезд в Слагельсе.

Четырнадцати лет от роду приехал Андерсен в Копенгаген. По незнанию жизни и безграничной вере в будущее он походил на ребенка, смело ступающего в пустое пространство в полном неведении опасности и в уверенности, что его кто-нибудь поддержит. Андерсен начал с того, что, имея в кармане меньше десяти риксдалеров (8 рублей), взял номер в гостинице, конечно, самой скромной. Потом он пошел бродить по улицам. Городская суeta его не смутила. Это отвечало его представлению о первом городе в мире. Главной целью его прогулок был театр. Он осмотрел со всех сторон это наиболее интересное для него здание, которое он считал в некотором роде своим будущим отечеством. На площади какой-то барышник стал предлагать ему билет. Андерсен горячо поблагодарил

его, будучи уверен, что тот дарит ему билет. Человек этот подумал, что Андерсен над ним смеется, и так рассердился, что мальчик испугался и убежал.

На следующий день Андерсен нарядился в свой конфирмационный костюм, который считал верхом изящества и великолепия, надел между прочим и шляпу, доходившую ему до самых глаз, и отправился с рекомендательным письмом Иверсена к танцовщице Шаль. На лестнице перед дверью ее квартиры он встал на колени и начал горячо молиться Богу. Тут пришла служанка с провизией. Увидев Андерсена, она приняла его за нищего и с улыбкой протянула ему какую-то мелкую монету. Мальчик был очень оскорблен, возвратил деньги и потребовал, чтобы его впустили в квартиру. Танцовщица смотрела на него с большим удивлением. Она не знала того, кто рекомендовал Андерсена, а вид мальчика и манеры показались ей очень странными. Нимало не смущаясь, заговорил он о том, как счастлив, что может поступить на сцену. На вопрос ее, в какой пьесе он хочет играть, он сказал: «В "Сандрильоне", – я так люблю эту вещь». Он видел эту пьесу в Оденсе и знал наизусть всю главную роль. Желая показать свое искусство, он тут же попросил позволения снять сапоги для большей легкости, взял в руки шляпу вместо тамбурина и принялся танцевать по комнате и петь какое-то место из роли Сандрильоны. Необычайная живость и решительность его манер в соединении со смешным костюмом производили странное впечатление. Впоследствии Андерсен узнал, что танцовщица приняла его за помешанного и поэтому постаралась скорее спровадить, но тогда он ничего этого не понял. После визита к Шаль он отправился к директору театра. Это был довольно важный господин, что нимало не смутило мальчика.

Директор сказал ему, между прочим, что он слишком худощав для сцены.

– О, – возразил Андерсен, – если я буду получать хотя бы тысячу риксдалеров за ангажемент, то я, конечно, потолстею.

Это очень не понравилось директору. Он строго посмотрел на мальчика и сказал, что принимает в труппу только тех, кто хорошо воспитан.

Андерсен не понял, в чем заключалась его вина, и был очень огорчен. С горькими слезами молился он Богу и думал, что, вероятно, уже начались те страдания, которые должны привести его к славе. В утешение горячий театрал взял себе билет на представление оперы «Поль

и Вирджиния». В момент расставания влюбленных он горько расплакался, чем возбудил участие двух соседок. Они стали его утешать, а одна даже дала ему порядочный кусок бутерброда с колбасой. Андерсен объяснил, что плачет о своей собственной судьбе, представляя, что театр – его Вирджиния, и зная, что расстаться с мечтой о нем ему будет так же тяжело, как расстаться Полю с его возлюбленной. Женщины не поняли его слов. Когда же он объяснил им свое положение, не нашли ничего лучшего, как дать ему еще бутерброд.

На другой день Андерсен пересчитал свои деньги, у него оставался один риксдалер (75 копеек). Тогда он решил поступить в ученье к столяру. Там с ним случилось нечто вроде того, что уже было на фабрике. Его привели в ужас грубые шутки товарищей, которые стали дразнить новичка, заметив его стыдливость. Мальчик со слезами убежал из мастерской и объявил хозяину, что не хочет у него оставаться.

Тут он вспомнил, что читал в какой-то газете об итальянском певце Сибони, который был директором Копенгагенской консерватории. Андерсен отправился к нему учиться петь, заранее уверенный в успехе. Он попал к Сибони во время большого званого обеда и на кухне рассказал служанке свою историю. Та приняла в нем о большое участие, передала гостям все, что от него слышала, и привела его в столовую. За столом сидели, между прочим, композитор Вейсе и поэт Баггесен. Сибони повел Андерсена к фортепьяно, чтобы попробовать его голос. Мальчик пел и декламировал стихи. Последнее стихотворение было очень печальное. Андерсен вспомнил о своем одиночестве и кончил стихи настоящими слезами. Это произвело большой эффект. Ему стали аплодировать. Баггесен сказал, что из него выйдет толк, а Сибони обещал заняться его голосом, выразив надежду, что со временем он сможет петь на королевской сцене. Мальчик был на седьмом небе! Он плакал и смеялся от радости и ушел совсем счастливый.

Служанка Сибони посоветовала ему пойти также и к композитору Вейсе, что Андерсен и исполнил, а так как Вейсе сам начал свою карьеру таким же бедняком, как Андерсен, то тем охотнее принял в нем живое участие и прежде всего позаботился о том, чтобы обеспечить юного ученика в материальном отношении. Он собрал для него одновременно 70 риксдалеров (52 рубля) и, кроме того, обещал давать ему ежемесячно 10 риксдалеров (8 рублей). Для Андерсена это было настоящее богатство. Полный надежд, написал

он домой длинное радостное письмо.

Со своей стороны Сибони не только занимался с Андерсеном пением, но также разрешил мальчику проводить целые дни в его квартире. Как сам Сибони, так и жившая у него племянница прекрасно относились к новому ученику. Его кормили и обращались с ним как с равным, но особенно хорошо чувствовал он себя на кухне, в обществе двух веселых служанок и повара-итальянца. Сибони был прекрасный учитель и хороший певец итальянской школы, но не имел в Копенгагене никакого успеха, так как в то время в Дании не признавали итальянской музыки, вошедшей несколько позже в большую моду. Несмотря на истинную доброту и деликатность, Сибони имел суровый вид, что очень пугало впечатлительного мальчика во время уроков пения, продолжавшихся около года. Голос Андерсена находился в то время в переходном состоянии и потому требовал особенно осторожного обращения. Между тем приходилось ходить на уроки в холодную и сырую погоду в дырявых сапогах и легком платье, так как мальчик не имел возможности купить новые вещи. От этого он потерял голос, и уроки пения пришлось оставить. Сибони сказал ему прямо, что из него не выйдет певца, и посоветовал вернуться на родину и заняться каким-нибудь ремеслом. Таким образом, надежды Андерсена на карьеру оперного певца рухнули, и он остался без всякой поддержки. Другой на его месте, вероятно, упал бы духом или бросил бы всякие смелые мысли. Но Андерсен обладал удивительной верой в себя и в людей. Это его и спасло. Он вспомнил, что в Копенгагене живет поэт Гульдберг, брат того самого полковника Гульдберга, который покровительствовал ему в Оденсе и водил его к принцу Христиану. Андерсен написал ему письмо, в котором рассказал про свое бедственное положение, затем отправился к нему лично. Гульдберг принял его самым лучшим образом. Увидевши из письма Андерсена, как плохо его правописание, Гульдберг обещал учить его по-датски и по-немецки. Немецкому языку мальчик уже пробовал учиться и прежде, чтобы объясняться с Сибони, который совсем не знал датского, по-немецки же говорил, хотя и плохо.

Добрые люди не дали умереть с голоду бездомному и беспомощному скитальцу. Гульдберг, Вейсе и некоторые другие, сложившись, составили известную сумму, на которую Андерсен мог жить некоторое время. Ему выдавали 16 риксдалеров (12 рублей) в месяц. За эти день-

ги ему удалось получить у хозяйки дома, где он жил раньше, большую пустую комнату без окон и обед. Андерсен был несказанно рад этому новому своему жилищу. Хозяйка потребовала сначала 20 риксдалеров (15 рублей), и, прежде чем она согласилась на 16 риксдалеров, он успел вынести немало горя. Его огорчала не столько возможность остаться без крова, сколько перспектива расстаться с хозяйкой, к которой юноша уже сильно привязался и на которую смотрел как на мать. Его мягкое сердце располагалось сразу решительно ко всем, с кем сводила его судьба.

Итак, он поселился у этой женщины, но платил ей все свои деньги. Она посылала его иногда с каким-нибудь поручением и за это давала ему 19 пфеннигов в месяц. На них он покупал себе бумагу и старые книги. Без платья Андерсен продолжал обходиться точно так же, как и прежде. За это время круг его знакомых очень расширился. С одной стороны, он приобретал знакомства через Сибони, а с другой, — через Гульдберга и старую свою знакомую г-жу Лунд, замужнюю даму, жившую в Копенгагене. Это была та самая девочка, которая ласково обращалась с ним во время его пребывания в конфирмационной школе. Познакомился он, между прочим, с профессором Нирупом, но этим знакомством обязан был только самому себе. Узнавши, что Нируп сын крестьянина и учился в Оденсе, Андерсен без церемонии явился к нему и объяснил, что он тоже из Оденсе. Старый ученый заинтересовался своеобразным характером мальчика. Он позволил ему брать книги из своей библиотеки; «только с тем, чтобы снова ставить их на место», — говорил он. Андерсен исполнял это правило, и таким образом под руками его очутилось целое богатство. Это было для него большой радостью, но скоро испытал он новое удовольствие. Гульдберг познакомил его с актером Линдгреном, который начал готовить его к сцене. Они вместе изучали несколько ролей простаков и смешных слуг. Эти роли были, вероятно, по плечу Андерсену, но он ими не удовольствовался и вздумал выучить большую трагическую роль Корреджио из какой-то драмы. В один прекрасный день он с жаром продекламировал ее перед актером. Линдгрэн с улыбкой потрепал его по плечу и сказал: «У вас есть чувство, но едва ли из вас выйдет актер. Один Бог знает, что из вас выйдет. Скажите Гульдбергу, чтобы он научил вас латыни. Латынь поможет вам сделаться студентом». Эта мысль показалась Андерсену очень странной и

совершенно новой. Тем не менее он поговорил об этом с Гульдбергом, и тот нашел ему дарового учителя латинского языка. Кроме драматического искусства Андерсен имел возможность познакомиться также и с танцевальным. Здесь помог ему танцмейстер Дален, в доме которого он был принят. Жена Далена была талантливая актриса и добрая женщина, так что Андерсен очень приятно проводил у них время. Он поступил в танцевальную школу Далена, но танцевальное искусство не пошло на лад. Андерсен оказался к нему неспособен. Тем не менее в качестве ученика школы Далена он имел доступ за кулисы и часто посещал театр. Этого было достаточно для его счастья. Время от времени он исполнял какую-нибудь выходную роль, и одно то, что он появлялся на сцене, приводило в восторг маленького мечтателя. Его имя стояло несколько раз в афише, и это тоже было для него источником великих радостей.

Между тем время шло, а средства Андерсена не увеличивались. Платье его окончательно износилось, сапоги развалились. Он часто голодал и сильно мерз в своем худеньком платье, но это не мешало ему чувствовать себя счастливым. Его поддерживала твердая вера в Бога, в людей и в свои силы, а фантазия окрашивала весь мир в самые радужные цвета.

Года через два к юноше вернулся голос. Его взяли в хоровую школу, которая была при театре. Это позволило ему еще чаще бывать на сцене. Он жил в театральной атмосфере, бредил театром и артистической карьерой.

Между тем его латинские книги были в полном загоне. Он беспрестанно ходил в театр, где у него постоянно бывали даровые места, и раз от разу забывал про латинскую грамматику, повинаясь исключительно влечению своего сердца, говорившего ему, что латынь скучнее театра.

Когда Гульдберг открыл этот грех юного Андерсена, он очень рассердился и сделал ему строжайший выговор, который совершенно ошеломил нашего беспечного фантазера. Первый раз в жизни довелось ему услышать подобное внушение.

Выговор Гульдберга до некоторой степени подействовал. Андерсен стал заниматься латынью, но не особенно прилежно, так как начал писать комедию, щедрой рукой заимствуя материал из своих любимых авторов. Жена поэта Рабека, которой он прочел свое произведение, заметила ему во время чтения: «Но ведь у вас целые сцены взяты целиком у Ингемана и Эленшлегера». — «Да, но они так восхититель-

ны!» — наивно ответил Андерсен и продолжал свое чтение.

Та же г-жа Рабек однажды шутя назвала его поэтом. Это было, когда он собирался идти от нее к г-же Кольбьернсен, а она дала ему букет роз со словами:

— Г-же советнице будет, конечно, очень приятно получить цветы из рук поэта.

Слова эти произвели на Андерсена необыкновенно сильное впечатление и глубоко запали ему в душу, так как он принял их за чистую монету, а поэтом его называли первый раз в жизни.

Эта фраза г-жи Рабек хорошо рисует отношение к Андерсену копенгагенских дам. Его живость, чудачество и большие претензии, которые он в простоте душевной выражал совершенно открыто, забавляли многих. Над ним смеялись и дали ему в шутку прозвание «маленького декламатора». Андерсен был настолько наивен, что не всегда умел отличить насмешку от правды, но иногда его самолюбие сильно страдало.

Одной из лучших его знакомых того времени была старушка Юргенсен, умная, тихая и очень добрая женщина. Андерсен находил у нее ласку и участие. Ее беседа была очень занимательна и приятна. Она любила вспоминать старину и часто рассказывала о ней своему юному другу. Андерсен читал ей, между прочим, свою детскую комедию. Это была слабая и вполне несамостоятельная попытка. Тем не менее, прослушав комедию до конца, старушка сказала самым серьезным тоном:

— Может быть, вы такой же поэт, как Эленшлегер; лет через 10, когда я умру и буду уже в могиле, вспомните обо мне.

При этих словах Андерсен почувствовал такое волнение, что слезы навернулись у него на глазах, но воображение его отказывалось верить в возможность того, что предсказывала ему старушка.

— Вы непременно должны учиться, — прибавила она. — Все дороги ведут в Рим, и вы будете там же.

Многие говорили Андерсену, что нужно учиться. Он и сам начинал серьезно об этом подумывать, только не знал, где бы взять на обучение денег. С этой целью он начал писать трагедию для театра. Сюжетом послужил какой-то переводный немецкий рассказ, прочитанный им в журнале. Трагедия, написанная в стихах, вскоре была окончена. Но Андерсен никому не сказал о своей новой затее. Он посвятил в свою тайну одну только г-жу Лунд. Она нашла ему

переписчика, и трагедия была послана в театральную дирекцию. Через шесть недель, после ряда дней, полных тревожного и сладкого ожидания, она была возвращена автору с замечанием, что дирекция желала бы не получать более пьес, свидетельствующих в такой мере, как эта, о полном отсутствии у автора самого элементарного образования. В то же время Андерсен получил из дирекции другое письмо неприятного содержания: его увольняли из хоровой и танцевальной школ, находя, что дальнейшее обучение не принесет ему никакой пользы. Таким образом, Андерсен остался, так сказать, за бортом. Положение его было довольно затруднительно, но он и тут не пал духом и решил непременно написать такую пьесу, которую примут и поставят на сцене. Скоро новая трагедия под названием «Ассоль» [В современной литературе эта пьеса именуется обычно «Альфсоль», или «Солнце эльфов»] действительно была готова, причем сюжет ее Андерсен заимствовал из рассказа одного датского писателя. По своим достоинствам произведение это стояло не выше двух первых его трагедий, но сам он был от него в восторге и читал направо и налево, не стесняясь даже тем, что не всегда был знаком с теми, кому хотел прочесть свою пьесу. Так, однажды он явился к известному переводчику Шекспира на датский язык адмиралу Вульфу, который потом сделался одним из его лучших друзей. Сам Вульф вспоминал впоследствии про это оригинальное посещение, несколько сгущая краски, но в общем очень верно рисуя характер Андерсена.

Юный поэт без церемоний явился к этому незнакомому человеку и сейчас же объявил ему:

– Вы переводчик Шекспира, который мне так нравится, но я также написал трагедию. Вот послушайте.

Вульф пригласил его сначала позавтракать, но Андерсен ничего не хотел есть и тотчас же принялся за чтение. Покончив с трагедией, он сказал:

– Не правда ли, из меня кое-что может выйти? Я бы так этого хотел!

Потом он положил рукопись в карман. Когда Вульф пригласил его прийти в другой раз, он ответил:

– Да, я приду, когда напишу другую трагедию.

– Но в таком случае мне придется вас долго ждать, – сказал Вульф.

– О нет, – ответил Андерсен, – вероятно, я напишу ее через две недели. – И с этими словами он исчез.

Трагедия «Ассоль» нашла доступ в дирекцию театров через посредство пастора Гутфельдта, с которым Андерсен встретился у физика Эрстеда. Пастор Гутфельдт настолько заинтересовался трагедией «Ассоль», что дал Андерсену рекомендательное письмо к директору театров Йонасу Коллину. Трагедия была послана в дирекцию вместе с рекомендательным письмом, и опять начались для Андерсена дни ожидания и надежд.

Все это время терпел он нужду, но никому в этом не признавался. Дело в том, что наш поэт не особенно страдал от своей бедности, находя утешение в мечтах и в книгах. Он прочел первый раз в жизни романы Вальтера Скотта. Это чтение привело его в восторг и открыло ему новый мир. С тех пор он стал охотно тратить на покупку романов любимого автора те деньги, которые должны были идти на пищу или на платье.

Трагедия «Ассоль», разумеется, не была принята на сцену, но Андерсена призвали в дирекцию и от имени Рабека объявили, что нашли в его произведении немало «золотых блесков» и надеются, что при помощи серьезных научных занятий из его таланта может выработаться нечто замечательное, так что со временем произведения его будут достойны датской сцены.

Кроме такого сравнительно лестного отзыва, трагедия Андерсена доставила ему случай познакомиться с директором театров Коллином. Этот в высшей степени почтенный и образованный человек принял в нем такое живое участие, что может считаться в некотором роде его вторым отцом. Правда, первое впечатление было неприятно: Коллин показался Андерсену сухим и холодным человеком, но впоследствии он убедился, что под наружной сдержанностью Коллина скрывалось по-настоящему доброе сердце. Коллин выхлопотал Андерсену королевскую стипендию для обучения в слагельсейской школе.

Андерсен был совершенно поражен таким исходом, но поражен не неприятно. В тот же день он отправился в Слагельсе, и новое, неизвестное будущее показалось ему заманчивым. Перед отъездом он еще раз посетил Коллина, чтобы поблагодарить его за участие. На этот раз Коллин произвел на него лучшее впечатление; он просил Андерсена писать ему о своих нуждах и вообще о новой жизни в школе. Уезжая, Андерсен успел поместить к какому-то издателю две рукописи: трагедию «Ассоль» и один рассказ. Обе вещи были напечатаны под псевдонимом

«Уильям Христиан Вальтер». Таким образом наивный поэт хотел соединить свое имя с именами любимых авторов: Шекспира и Вальтера Скотта.

Перед отъездом он написал матери очень веселое письмо. Этим заканчивается период отроческих скитаний Андерсена, полный мечтаний и золотых грез, буквально заменявших ему порою насущный хлеб.

ГЛАВА III

Жизнь в Слагельсе. – Директор школы. – Поездки в Соре. – Переход в Хельсингер. – Поездки в Копенгаген. – Первые стихи Андерсена. – Отношение к нему директора и угнетенное состояние Андерсена. – Возвращение в Копенгаген. – Занятия со студентом. – Поступление в университет. – Новые знакомства. – Хейберг и Эленслегер. – Стихи Андерсена появляются в печати. – Пристрастное и неприязненное отношение общества. – Первая книга Андерсена. – Успех его первой пьесы. – Университетский экзамен.

Андерсен поступил в слагельскую школу почти 17 лет от роду и был до такой степени плох в науках, что его определили в предпоследний класс. Он поселился у какой-то вдовы в прехорошенькой комнатке с видом на лес и на сад. В школе ему пришлось сидеть на одной скамейке с маленькими мальчиками. С полным смирением и с большим прилежанием принялся он за дело.

Способности у него были хорошие, и ученье пошло очень успешно. Тем не менее оно давалось Андерсену нелегко вследствие непривычки к правильным занятиям. Товарищами и учителями был он доволен, город ему нравился, но несчастье его составлял директор школы, талантливый и знающий человек, но совсем не педагог по натуре. Его саркастический ум и насмешливая манера пугали и обескураживали учеников и в особенности чувствительного и мягкосердечного Андерсена, который, несмотря на свое самолюбие, отнюдь не был самоуверен и постоянно сомневался в своих силах. Впоследствии Андерсен узнал, что директор очень высокого мнения о его способностях, но пока он не видел от директора ничего, кроме строгости и самых обидных насмешек. Андерсен бывал у директора дома, куда тот приглашал

его вместе с остальными учениками. Там директор становился другим человеком: играл с детьми в солдатики, смеялся и шутил с ними очень добродушно, но в школе все боялись его насмешек и строгого вида. Он любил ставить учеников в тупик, например, тем, что на экзамене, если они недостаточно бойко отвечали, внезапно оборачивался к печке и начинал задавать ей вопросы.

В школе Андерсен писал стихи на разные торжественные случаи, но вообще слушался своих друзей и покровителей, которые все в один голос твердили ему, чтобы он поменьше сочинял и побольше думал об ученье. Под влиянием школьной жизни юноша совершенно утратил свою ребяческую отвагу и беспечность.

За время пребывания Андерсена в школе умерли его дед и бабушка, оставившие ему в наследство всего 20 риксдалеров (15 рублей), что, однако, казалось Андерсену большим богатством. Он с восторгом мечтал о том, как отправится в родной город, и осуществил свою мечту на праздниках. Мать очень гордилась его успехами в жизни. Все в Оденсе знали, что Андерсен воспитывается на королевский счет, и это внушало большое уважение к его особе. Когда он шел по улице, на него смотрели из окон домов. Мать с гордостью говорила: «Сын башмачницы Марии совсем уж не так глуп, как думали люди!» Пребывание в родном городе оставило в уме Андерсена впечатление какого-то величия. Но все это исчезло, как только он вернулся в Слагельсе. Директор не давал ему заноситься. Бедный Андерсен все больше и больше терял мужество под его строгим и насмешливым взглядом. Единственным утешением были праздники. В эти дни он ездил по окрестностям Слагельсе и скоро изучил все памятники старины, разумеется, не как ученый, а как поэт. Но лучшим местом его путешествий был городок Соре, где жил его копенгагенский знакомый поэт Ингеман со своей молодой женой. Юноша проводил каждое воскресенье в их уютном домике поблизости от моря. Обитатели его были интересные, живые и добрые люди. Жена Ингемана обращалась с Андерсеном как добрая старшая сестра. Он совершенно отдыхал там, среди веселого общества молодежи. Ингеман занимал место профессора в так называемой «рыцарской академии» города Соре. В числе его слушателей были два молодых поэта, которые скоро сошлись с Андерсеном, несмотря на большое различие в характерах. Насколько Андерсен был мягок и женствен по натуре, на-

столько те были мужественны и решительны. Все, чего недоставало Андерсену в школе, находил он у Ингеманов. Здесь даровитый юноша не боялся насмешек, не прятал своих мыслей и чувств и наслаждался интересной беседой.

Андерсен выдерживал один за другим переходные экзамены и дошел до четвертого класса, когда ему минуло 20 лет. В это время он вел дневник, по отрывкам из которого можно видеть, что его тогда занимало и до какой степени он был детски наивен и чист душой. Его интересовали исключительно книги и ученье. Вперемежку с упоминаниями о вновь прочитанных книгах попадаются замечания вроде следующих: «Хорошо выдержал из математики. Боже, благодарю Тебя от всего сердца!» или: «Великий Боже, я слаб, но Ты видишь мою душу. Помоги мне перейти в четвертый класс!» И так далее.

В это время директора школы перевели в Хельсингер по его собственной просьбе. Каково же было удивление юноши, уверенного в том, что директор считает его дураком, когда тот выразил желание, чтобы и Андерсен перешел вместе с ним и продолжал курс под его руководством. Андерсен написал об этом Коллину, который все время переписывался с ним и следил за его успехами, и действительно переехал в Хельсингер, хотя ему было очень жаль расставаться со Слагельсе, где у него все-таки были знакомые, а главное, такие приятные соседи, как Ингеманы. Но робкий юноша не осмелился возразить директору и покорно исполнил его волю.

Вначале в Хельсингере директор несколько оживился под впечатлением новой обстановки, стал охотнее заниматься с учениками и проявлял больше теплоты, но потом это прошло: он сделался саркастичнее чем когда-либо и совершенно замучил Андерсена своими издевательствами. Тому и в голову не приходило, что директор самого лучшего мнения как о его способностях, так и о его поведении и характере. В письмах к Коллину директор прямо называет Андерсена выдающимся, талантливым юношей. Непонятно, что заставляло его скрывать свое настоящее мнение. Андерсену было бы необыкновенно полезно всякое поощрение, а он не видел ничего похожего на это. Его поддерживал только Коллин, постоянно писавший ему ободряющие письма.

Андерсен страдал все больше и больше. В Слагельсе у него были товарищи, прогулки и веселые поездки в Соре. Здесь же ни одного знакомого. Гулять ему не позволяли. Когда

кончались занятия, он сидел в четырех стенах. Товарищи не смели к нему ходить, боясь строгого директора. Однако на праздники его отпускали из школы. В такие дни он ездил в Копенгаген и останавливался там обыкновенно у адмирала Вульфа, в семье которого его принимали всегда как родного. Эти поездки казались ему чем-то сказочным, до такой степени унылая школьная жизнь не походила на жизнь в Копенгагене. Здесь был у Андерсена обширный круг знакомых. Если он и страдал иногда от сознания своей неловкости и плохого костюма, то это искупалось с лихвою интересными разговорами и обществом таких людей, как поэт Эленшлегер, которого он боготворил. Над Андерсеном нередко смеялись за его угловатые манеры, провинциальное произношение и излишнюю откровенность. Вообще он-таки немало терпел в копенгагенском «свете» из-за своей бедности и низкого происхождения. Следы перенесенных юношей, жившим всегда более или менее на чужой счет, уколов самолюбия и горечи зависимого положения можно видеть во многих его произведениях. Но в общем поездки в Копенгаген были для него истинным счастьем, и он всю жизнь вспоминал о них с благодарным чувством.

Никогда не дремавшая фантазия, которую парализовали в школе насмешками и которую Андерсен сам старался держать на привязи, все же иногда прорывалась наружу. Во время своего пребывания в Слагельсе и Хельсингере он написал-таки несколько стихотворений. Два из них – «Душа» и «К моей матери» – вошли впоследствии в собрание его сочинений. Другие два – «Новогодняя ночь» и «Умиряющее дитя», единственные, написанные в Хельсингере, – он читал в Копенгагене. Многим они понравились, но большинство старалось ему внушить, чтобы он не зазнавался и не мнил себя поэтом. Одна дама выразила это в такой форме: «Ради Бога, не воображайте себя поэтом оттого только, что вы написали несколько стихотворений. Ведь это делается у вас *idee fixe*. Ну что бы было, если бы я вообразила, что я бразильская королева!»

Грех сказать, что Андерсена поощряли в дни его юности. Редко, редко доставалось ему услышать слово сочувствия. В своей автобиографии он уверяет, что в то время не считал себя поэтом, но мы думаем иначе. Без сомнения, Андерсен чувствовал в себе присутствие таланта, но, как все истинные художники, часто сомневался в своих силах.

Один из немногих ободрявших Андерсена своим хорошим отношением был Эленшлегер, который считался в то время первым датским поэтом, так что малейшее внимание с его стороны принимали за великую честь. На каком-то вечере в ярко освещенном салоне Андерсен чувствовал себя настолько неловко в своем плохом сюртуке, что спрятался за длинные занавеси. Проходя мимо него, Эленшлегер остановился и дружески пожал ему руку. Андерсен был совершенно счастлив. Он никак не ожидал такого внимания со стороны знаменитого поэта. Вообще он вращался в то время в очень блестящем интеллигентном кругу, где постоянно встречался с выдающимися литераторами, учеными и музыкантами.

После одной из поездок в Копенгаген, оставившей в его уме впечатление сказочного сна, Андерсен вернулся в Хельсингер. Там ждала его большая неприятность. Директор узнал, что он читал в Копенгагене свое стихотворение «Умиряющее дитя», и с самым суровым видом потребовал, чтоб оно было ему показано, причем благосклонно заметил, что если найдет в нем хоть искру поэзии, то простит своему дерзкому ученику его страшный проступок.

Андерсен дрожа подал стихи. Директор прочел их, осмеял и объявил, что они бессмысленны и сентиментальны. Потом сделал строгий выговор бедному поэту.

Тяжелый гнет, который он испытывал вследствие отношения к нему директора, был замечен другими учителями. Один из них написал об этом Коллину, прося как-нибудь изменить положение бедного юноши. Коллин сейчас же решил, что Андерсену нужно выйти из заведения, вернуться в Копенгаген и там частным образом готовиться к университетскому экзамену. Такое решение очень огорчило директора. Этот странный человек, по-видимому, искренно жалел, что ему приходится расставаться со своим талантливым учеником. Тем не менее он остался верен себе и при прощании сказал Андерсену, что ему никогда не быть студентом, а стихи его, если их напечатают, пойдут на макулатуру. Можно себе представить, какое впечатление произвели на юношу эти жестокие слова. Много лет спустя, когда вышел в свет первый роман Андерсена «Импровизатор», имевший большой успех, его бывший директор встретился с ним в Копенгагене и, дружески протянув ему руку, сказал, что он в нем ошибался и неверно о нем судил.

Итак, Андерсен переехал в Копенгаген. Там

нашли ему прекрасного молодого учителя. Это был студент-богослов Мюллер, впоследствии пастор. Он готовил Андерсена по всем предметам и нашел, что его ученик слаб в тех науках, в которых считался сильнее в Хельсингере, и наоборот. Молодой студент с жаром занимался со своим даровитым учеником. В промежутках между занятиями они вели длинные богословские споры и были очень довольны друг другом.

Андерсен поселился в маленькой мансарде с далеким видом на городские башни и крыши. Обедать Андерсен ходил к знакомым по очереди, занимался очень прилежно и, кроме того, много читал. Два раза в день ходил он к своему учителю, причем по дороге на урок думал только о книгах, на обратном же пути давал волю своей фантазии. Теперь он позволял себе писать, когда ему хотелось. Но школьные годы не прошли для него даром.

Привычка подавлять сердечные порывы так в него въелась, что юный поэт усвоил обыкновение смеяться над собственными чувствами. Все его стихотворения того времени носят иронический характер, что не свойственно его натуре. Когда больные места его сердца несколько зажили, он стал проще. Но вначале это налагало на него отпечаток известной неестественности. Редко находились люди, понимавшие его натуру. В числе этих немногих Генриетта Вульф, дочь адмирала Вульфа, которая до самой смерти была верным другом Андерсена и имела на него большое влияние.

В то время в датской литературе было немало талантов. Особенно много удачного в новом роде писалось для сцены. Хейберг впервые выступил с водевилем и веселой комедией. С этим талантливым человеком Андерсен познакомился за обедом у физика Эрстеда, известного работами по электричеству. Хейберг необыкновенно понравился Андерсену своим изяществом и остроумием и был с ним очень любезен. Андерсен стал бывать у него в доме, и вскоре юмористические стихотворения молодого поэта начали появляться в еженедельной газете «Летучая почта», издаваемой Хейбергом. Тут началось то, что долгие годы отравляло жизнь Андерсена. Стихи его, как и большинство его первых произведений, имели успех только тогда, когда они появлялись без подписи, но как только делалось известно имя автора, интерес ослабевал. Удивительно, сколько недоброжелательных и несправедливых суждений пришлось выслушать Андерсену, прежде чем его имя стало известно во всем образованном мире

Старого и Нового света. Критики, светские знакомые и даже близкие друзья – все, точно сговорившись, втоптывали в грязь его талант. Изредка выпадал на его долю незначительный и мимолетный успех, но вообще он видел только самое слабое поощрение. Без сомнения, его первые произведения гораздо ниже его сказок, но и в них уже заметен сильный и свежий талант, поэзия и оригинальность, а известную наивность их можно простить автору ввиду его молодости. Вначале стихотворения Андерсена появлялись в газете Хейберга под инициалом Г... Это значило Ганс Христиан Андерсен; но публика, которой очень нравились эти стихи, думала, что они написаны самим Хейбергом. Раз случилось, что Андерсен был в гостях у одних знакомых, которые не признавали его стихов и давали понять ему это в вежливой форме. Вдруг в комнату вошел хозяин дома с номером «Летучей почты» в руках и с сияющим видом объявил всему обществу: «Сегодня напечатаны в газете два прелестных стихотворения. Что за чудный человек этот Хейберг!» И он прочел вслух два стихотворения Андерсена, причем автор сидел в углу с бьющимся сердцем, но ничего не сказал. Одна девушка, присутствовавшая при этом и знавшая, кому принадлежат стихи, не выдержала: «Это стихи Андерсена!» Тут последовало неловкое молчание, а хозяин дома не нашел ничего лучшего, как выйти из комнаты.

В то время Хейберг был один из немногих, открыто признававших талант Андерсена. Он постоянно печатал его стихотворения и даже охотно перепечатывал их из других изданий, куда они изредка попадали.

В сентябре 1828 года, то есть 23-х лет от роду, Андерсен поступил в университет. Сбросив с плеч тяжелое бремя экзаменов, он дал волю своей фантазии, и тут все пестрые образы, толпившиеся в его голове во время приготовления к экзаменам, вылились в форме оригинальной фантастической повести, полной мысли и юмора. Эта первая его книга называлась «Путешествие пешком от Хольмен-канала до острова Амагер». Не найдя издателя, Андерсен напечатал ее сам, и вскоре после ее выхода в свет у него купил право второго издания книгопродавец Рейцель, который впоследствии издал ее в третий раз. Книга эта была вскоре переведена на шведский язык и имела большой успех в Копенгагене. Андерсен стал студентом и признанным писателем. Какое счастье после стольких лет обидного презрения и недоверия к его силам!

Весь этот год был благоприятен для Андерсена. Все ему удавалось. После удачных экзаменов и первой книги, имевшей успех, он написал небольшую вещицу для сцены. Это была одноактная пьеса в стихах под названием «Любовь на Николаевой башне, или Что говорит партер». Пьеса эта, принятая на сцену, имела неожиданный и громадный успех. Студенты устроили Андерсену шумную оvation, которая привела его в неописуемое волнение. Чувствительные нервы молодого автора не выдержали такой радости. Точно преследуемый фуриями, выбежал он из театра, добежал до квартиры Коллинов и там разразился истерическим плачем. Дома была только хозяйка, относившаяся к Андерсену как мать. Видя его состояние, она думала, что его освистали, и стала его утешать, говоря, что не надо так близко все принимать к сердцу, что освистывали даже великих поэтов и даже самого Эленшлегера.

– Но меня не освистали, – рыдая воскликнул Андерсен, – мне аплодировали и кричали ура!

На другой день Андерсен, совершенно счастливый, переходил от одних знакомых к другим, празднуя свою победу над публикой. На этот раз его встречали сочувственно и не портили его радости кислыми замечаниями.

В тот же год Андерсен издал первый том своих стихотворений, тоже имевших успех. Точно судьба хотела его побаловать перед началом испытаний. В конце года он прекрасно сдал переходные университетские экзамены. Литературные занятия не мешали ему очень усердно заниматься и правильно посещать лекции. Так завершился этот счастливый год жизни Андерсена.

ГЛАВА IV

Летнее путешествие по Дании. – Несчастливая любовь. – Угнетенное состояние. – Путешествие по Германии. – Оперные либретто. – Отношение критики и публики. – Новый сборник стихов. – Pamфлет Терца. – Получение путевой стипендии.

А в том 1829 года Андерсен совершил небольшое путешествие. Он объехал Ютландию до Северного моря и весь остров Фюн и узнал теперь более подробно свое отечество. Путешествие произвело на него самое лучшее впечатление. Между прочим, он убедился в

том, что имя его известно уже во всей Дании. Путешествие это Андерсен описал в двух книгах – «Картины западного берега Ютландии» и «Фантазии Северного моря». В это же время он написал несколько юмористических стихотворений и принялся за исторический роман, который никогда не был окончен. Но тут начинается новый период в жизни Андерсена. Произошло событие, которое имело большое влияние как на него самого, так и на характер его произведений. На возвратном пути он остановился в одном маленьком городке, где увидел девушку, в которую страстно влюбился. Потом он встретился с ней в Копенгагене и вскоре узнал, что она любит другого и выходит за него замуж.

Это простое обстоятельство произвело сильнейшее впечатление на Андерсена. Его глубокая и нежная натура была болезненно потрясена. Но потрясение имело и свою хорошую сторону. Недаром говорит Гейне, что художник – то самое дитя, которое плачет жемчужинами. Страдания Андерсена тоже породили перлы. Принужденная ирония, несвойственная его характеру, совершенно исчезла из его произведений, он сделался вполне самим собой, не стыдился заставлять звучать все струны своего сердца, отчего все выходившее из-под его пера сильно выигрывало.

Тогда же Андерсен впервые прочел только что появившиеся стихотворения Гейне, которые, разумеется, пришлись ему особенно по сердцу, так как необыкновенно подходили к его настроению. Гейне, Вальтер Скотт и Гофман производили на него наиболее сильное впечатление во времена его молодости, но Гейне остался его любимцем на всю жизнь.

Первое, что вышло из-под пера Андерсена в этот новый период его жизни, были сборник стихотворений «Фантазии и эскизы» и комедия «Разлука и свидание», которая впоследствии игралась на сцене. Это была история его собственной любви с благополучным концом. И то и другое написано в 1830 году.

Несчастливая страсть Андерсена продолжалась довольно долго. Вследствие этого он стал мрачным и чувствительным до болезненности и склонен был видеть во всем только печальные стороны. Такое настроение могло бы развеяться под влиянием ободряющих впечатлений, так как Андерсен был по природе оптимист и глубокий поэт, способный к чистейшим и бескорыстным наслаждениям художника, но в это трудное переходное время своей жизни он

встретил мало поддержки. Одно, по-видимому пустое, обстоятельство причинило ему массу неприятностей. Дело в том, что Андерсен отличался очень плохим правописанием. Известно, что это искусство дается не всем. Многие образованные люди до конца жизни пишут с ошибками. То же было и с Андерсеном.

И как же доставалось ему за эти несчастные ошибки!

Дело доходило до того, что совсем забывали обращать внимание на поэтическую сторону его произведений. В критике и в частной жизни повторялось одно и то же. Нередко в каком-нибудь знакомом доме в присутствии поэта осмеивали его стихотворения, причем не оставляли в них камня на камне и каждое слово читали в искаженном виде. Такая бесцеремонность «друзей» Андерсена объясняется, вероятно, тем, что он постоянно вращался в высшем кругу или во всяком случае среди дворян, где очень часто смотрели свысока на плохо одетого, неловкого и некрасивого юношу. То, что он обедал за одним столом с ними и вообще был принят в их обществе, вероятно, считалось уже достаточно большой честью и, по их мнению, давало право бесцеремонно издеваться в его присутствии над его стихами. В своей автобиографии Андерсен осторожно умалчивает об этих причинах своих неудач в Дании, хотя и жалуется на несправедливость публики. Но в его произведениях часто встречается тип талантливого человека, вышедшего из народа и страдающего среди покровительствующих ему аристократов. Это заставляет думать, что он прекрасно понимал и чувствовал свое зависимое положение.

Среди множества знакомых Андерсена попадались иногда люди, искренно его любившие. Участие их было необыкновенно утешительно для страждущего сердца и измученного самолюбия бедного поэта. К числу лучших друзей Андерсена принадлежал сын Коллина Эдвард. Эдвард Коллин был человек мужественный и трезвый, и эти черты его характера, по преимуществу отсутствовавшие в женственной натуре Андерсена, оказывали на него подчас прекрасное влияние, хотя, по-видимому, уроки здравого смысла и житейской мудрости нелегко доставались болезненно чувствительному и нервному Андерсену и действовали наподобие полезных, но мучительных операций.

Между прочим, Эдвард Коллин был очень полезен своему непрактичному другу при сношениях с издателями, при держании корректур и так далее.

Еще одним другом Андерсена была г-жа Лэсе, дочь поэта Абрагамсона, уже пожилая женщина, отличавшаяся умом и образованием. Благодаря своей чуткой женственной натуре она понимала все сокровенные струны души Андерсена. С ней он был откровенен, не сожалел об этом. Она умела его утешить в самые тяжелые минуты, относилась к нему совершенно по-матерински и имела на него большое влияние. «Если мне удавалось нарисовать тип женственности и чистоты, то этим обязан я ей», — говорит он в своей автобиографии.

Угнетенное состояние Андерсена начало беспокоить его друзей. Эдвард Коллин посоветовал ему съездить за границу. За время своего студенчества Андерсен скопил небольшую сумму денег, которая и пригодилась ему для этой цели. Он съездил в Германию, побывал в Гамбурге, Любеке и Берлине, свел несколько полезных и приятных знакомств и вернулся домой значительно освеженный. В Германии он сошелся с поэтом Шамиссо, который понимал датский язык и был первым переводчиком стихов Андерсена в этой стране. Свои путевые впечатления поэт запечатлел в книге «Теневые картины путешествия по Гарцу и Саксонской Швейцарии». Книга эта была впоследствии переведена на немецкий язык, но у нас так же неизвестна, как и большинство произведений Андерсена, кроме его сказок. Кое-где раздавались голоса, находившие, что в последней книге Андерсена есть шаг вперед, но в большинстве случаев он встречал только насмешки и мелочные придирки. Несмотря на это, он имел бестактность постоянно читать в обществе свои произведения, прекрасно зная, что это считается большим самомнением с его стороны. Такую беспечность можно объяснить только тем, что Андерсен, искренно любя тех, кто постоянно задевал самые чувствительные струны его сердца, не мог удержаться от чисто детской болтливости и по привычке сообщал знакомым все, что с ним случалось.

Раздраженный постоянными насмешками и полным непониманием его натуры и таланта, Андерсен написал сатирическое стихотворение, за которое ему сильно досталось во всех журналах и газетах, а также и в обществе. Среди всех этих невзгод он прекрасно кончил курс в университете со званием кандидата философии. Начиная с 1829 года Андерсен перестал получать какие бы то ни было пособия и жил исключительно литературой, а так как платили ему очень немного, то средства его были весьма

невелики. Он едва перебивался, да еще должен был заботиться о приличном костюме, так как постоянно бывал в богатых кругах, и если бы не даровые обеды у знакомых, то ему пришлось бы очень плохо.

Андерсену противно было работать только ради денег, для этого он избрал особый род литературы: он перевел ряд французских пьес и начал писать оперные либретто. Андерсен имел несколько знакомых композиторов, которые охотно сочиняли музыку на предложенные им тексты. Сюжетами для либретто послужили ему, между прочим, романы Вальтера Скотта «Ламмермурская невеста» и «Замок Кенилворт». Андерсен очень рано научился владеть стихом; простота и сжатость его языка и поэтичность его образов служили порукой тому, что он сможет хорошо обработать для оперы взятые им сюжеты. Композиторы были им очень довольны, но публика смотрела на эти работы как на плагиат, везде раздавались негодующие голоса и презрительные речи. На Андерсена посыпались даже анонимные письма самого оскорбительного содержания.

Несмотря на все это, он издал в свет новый сборник стихотворений «Четыре времени года». Тогда эта книга не имела никакого успеха, но впоследствии она была признана едва ли не лучшим сборником стихотворений Андерсена.

Одним из самых завязанных его врагов в критике был историк Мольбек. Сам Андерсен описывает его как человека талантливого, но очень пристрастного и одностороннего. Мольбек являлся одно время директором театров, и, разумеется, Андерсену это было крайне невыгодно. Но когда его сменил поэт Палудан Мюллер, сверстник и товарищ Андерсена по университету, то стало еще хуже. Мюллер просто ненавидел Андерсена. Причиной этому была отчасти авторская зависть, а отчасти и личная антипатия.

В период студенчества Андерсена, то есть в самом начале тридцатых годов, в Дании появилось произведение поэта Генрика Герца, наделавшее много шума и послужившее поводом для нового унижения Андерсена. Герц написал нечто вроде памфлета в стихах, где оценивалась вся датская литература. Поэты Баггесен, Эленшлегер и Хейберг были выставлены в наилучшем свете, но Андерсену сильно досталось. Опять вспоминались его орфографические грехи, и сам он был представлен в комическом виде. Эта вещь имела необыкновенный успех благодаря ловкому приему автора, написавшего свое произведение стилем покойного Баггесена

и давшего ему название «Письма с того света». В этих письмах Баггесен будто бы полемизирует с живущими на земле. Удачное подражание его языку приводило датчан в восторг, и на некоторое время произведение это положительно вскружило им головы: никто не замечал его слабых сторон и пристрастных суждений.

Конечно, «Письма с того света» еще более понизили авторитет Андерсена. Тем не менее после их появления он издал сборник стихов «Фантазии и эскизы», выбрав эпиграф из произведения Герца. Сам он отдавал должное таланту автора, втоптавшего его в грязь. В этом отношении Андерсен безупречен. Он всегда умел отделять талант от личности человека и судил людей не по их отношению к себе, а по всей их жизни.

«Письма с того света» недолго пользовались безусловным успехом. Скоро нашлись критики, оценившие их по достоинству и указавшие на их слабые стороны. Тем не менее они сильно повредили Андерсену в глазах публики. «Фантазии и эскизы» и изданные вслед за тем «Виньетки к датским поэтам» не имели никакого успеха. Последний сборник был не что иное, как характеристика всех датских поэтов в ряде мелких стихотворений. Критика даже не упомянула о нем. Такое положение длилось несколько лет. Андерсен едва перебивался, живя на скудный доход от своих книг, издания его не шли, и он видел со всех сторон полное пренебрежение к своему таланту.

Друзья посоветовали ему просить у короля так называемую «путевую стипендию», дававшуюся выдающимся поэтам и ученым. Андерсен начал с того, что посвятил недавно вступившему на престол королю Фридриху IV свою книгу «Четыре времени года». Затем, по совету друзей, ему следовало явиться к королю с прошением и, преподнеся книгу, объяснить ему свое бедственное положение. Церемония эта сильно не нравилась Андерсену, но он решил сделать все, как ему советовали. На приеме у короля произошла забавная и характерная сцена. С бьющимся сердцем преподнес Андерсен свою книгу. Король взглянул на нее мельком и спросил, что это за книга.

— Это цикл стихотворений, — ответил Андерсен.

— Цикл! Цикл! Что вы этим хотите сказать? — спросил король.

— Это несколько стихотворений про Данию, — ответил поэт.

— Это должно быть очень хорошо, — с улыбкой сказал король, — благодарю вас! — и он сделал

прощальный поклон.

Тут Андерсен приступил к нему с рассказом о том, как он учился и пробивал себе дорогу.

— Это очень похвально, — сказал король. Андерсен прибавил, что он хотел бы получить путевую стипендию.

— В таком случае подайте прошение, — ответил король.

— Да, Ваше Величество, — сказал Андерсен, — оно уже со мной. Это ужасно, что я принес его вместе с книгой, но мне сказали, что так принято, и я должен был это сделать. По-моему, это отвратительно, мне это так противно!

При этих словах даже слезы навернулись на глаза у наивного поэта. Король громко засмеялся, приветливо кивнул головой и взял прошение.

Андерсен получил стипендию, но ему пришлось представить письменное свидетельство знакомых литераторов в подтверждение того, что он действительно поэт. Они составили нечто вроде аттестата, в котором высказывались за их подписью мнения о разных свойствах его таланта. Ни одному из датских писателей не пришлось испытать такого унижения. Их произведения сами по себе служили достаточной гарантией для признания их дарований. И подобного рода рекомендация понадобилась тому, кто впоследствии затмил своей славой всех, благосклонно согласившихся поддержать его своим словом.

В конце мая 1835 года (28 лет от роду) Андерсен уехал на пароходе из Копенгагена в самом печальном настроении. Он не подозревал, что путешествие это будет началом его славы.

ГЛАВА V

Путешествие по Европе. — Жизнь в Риме. — Знакомство с Торвальдсеном. — Поэма «Агнета и водяной». — Письма с родины. — Возвращение в Данию. — Роман «Импровизатор». — Сочувствие публики и нападки критики.

Андерсен путешествовал больше года. Он посетил Германию, Швейцарию, Францию и Италию. Путешествие в экипаже (в то время еще не было железных дорог) чрезвычайно его утомляло. По-видимому, здоровье его никогда не отличалось особенной крепостью. Тем не менее он страстно любил

путешествовать и умел наслаждаться окружающей природой и жизнью, причем все производило на него чрезвычайно сильное впечатление. Андерсен остановился месяца на два в Париже, довольно долго жил в Швейцарии и провел с месяц в Вене (на обратном пути). Но дольше всего он оставался в Италии. Эта страна была предметом его мечтаний и превзошла все его ожидания. Андерсен начал с Милана и проехал с остановками по несколько дней до Рима, где основался на несколько месяцев. Он осмотрел окрестности, а также ездил в Неаполь, где прожил довольно долго, но после опять вернулся в Рим. Все путешествие в целом произвело на него самое лучшее впечатление. Он отдохнул от ряда мелких и крупных неприятностей, измучивших его на родине. За границей Андерсен повсюду встречал радостный прием и поддержку, несмотря на очень плохое знание языков, которые не давались ему всю жизнь. Не только иностранцы, но и земляки его, жившие там, относились к нему очень сочувственно. Он перезнакомился с массой художников, музыкантов и артистов и завязал со многими из них переписку. Его общительность и способность легко сходитьсь, а главное, любовь к людям и широкая гуманность делали его настоящим космополитом. Не было народа, который казался бы ему антипатичным сам по себе. Начиная близкими по духу немцами и кончая евреями, Андерсен отдавал должное всякой нации и во всех видел хорошие стороны. Да и вообще суждения его о людях отличались необыкновенной терпимостью и снисходительностью.

Он очень приятно провел время в Париже, где познакомился, между прочим, с Гейне и Виктором Гюго, но на этот раз не мог как следует изучить французской жизни. Это зависело не только от плохого знания французского языка, но также и от того, что, живя в Париже, он все время держался в кругу своих соотечественников. Андерсен осмотрел все достопримечательности Парижа, побывал и в Версале, и в Лувре, но все ограничивалось поверхностными наблюдениями. Париж ему нравился, но в описании его мы не видим той теплоты, которой отличаются рассказы Андерсена об Италии, «стране его мечтаний и счастья», как выражается он в своей автобиографии. Швейцария произвела на него более сильное впечатление, что и отразилось впоследствии в его сочинениях. Французская жизнь его не вдохновляла, вероятно, потому, что он не находил в ней ни отвлеченной поэзии немцев, ни артистической поэзии итальянцев.

Самое яркое воспоминание его жизни после детских лет — это Италия. Всего больше нравился Андерсену Рим, а затем Неаполь. В Неаполе восхищала его несравненная красота места, южное море, горы и Везувий. В Риме же поражало все, начиная с грандиозного величия древности и кончая уличной жизнью. Общество художников, известное своим радушием ко всем национальностям, приняло его прекрасно. Он примкнул к скандинавскому кружку, и здесь впервые проснулось в нем сознание общности датчан со шведами и норвежцами. Нигде не веселился Андерсен так, как в Риме в кругу художников. В общей сложности он провел там месяцев шесть, в том числе и дни Рождества и карнавала. Красота места, теплые южные ночи, итальянская живость и милая артистическая непринужденность художников — все его восхищало. Он участвовал в веселых попойках художников, сочинял застольные песни, играл видную роль при организации праздников — словом, всей душой отдавался веселью. В Риме поэт приобрел немало друзей, но больше всего сошелся со скульптором Торвальдсеном. Они подружились как-то сразу и навсегда сохранили друг к другу самые теплые чувства. Торвальдсен был значительно старше Андерсена, но это не мешало их близости. Мало кто выказал Андерсену столько участия, как его знаменитый соотечественник. Но для того чтобы дать настоящую оценку их отношениям, следует вернуться несколько назад.

Уехав из Дании, Андерсен долгое время не имел с родины ни одного письма; это его очень огорчало. Первое, что получил он из Дании после целого месяца пребывания в Париже, была посланная ему кем-то вырезка из газеты с анонимными стихами самого обидного содержания. В них говорилось, между прочим о том, что, прежде чем ехать в чужие края, Андерсену следовало бы поучиться родному языку и еще кое-чему. Его насмешливо призывали на родину, утверждая, что за границей некому слушать его скучных стихов, и так далее.

Можно себе представить, какое впечатление произвел на Андерсена этот первый привет с любимой родины. Он был совершенно подавлен. Но новизна впечатлений, сочувствие окружающих, а главное, живой родник фантазии, который еще только пробивался наружу из его ума и сердца, — все это спасло его и не дало ему окончательно упасть духом.

Еще живя в Париже, Андерсен задумал новую вещь, которую дописал в Швейцарии. То

была поэма на сюжет датской народной песни «Агнета и водяной». Окончив поэму, он послал ее в Данию, где она вскоре была напечатана и встречена очень холодно. Живя в Италии, Андерсен получил письма от нескольких друзей. Все писали ему приблизительно одно и то же. В последнем произведении его не нашли ничего нового, а между тем ожидали заметить влияние путешествия. Эта поэма имела все недостатки его прежних стихов и так далее. Все заканчивали свои письма просьбой поменьше писать и всецело отдаться впечатлениям путешествия. «Нельзя столько писать, – говорил один из его друзей. – С вашей стороны непростительный эгоизм описывать свои путевые впечатления. Оставьте заботу о деньгах и о писательстве. Все одного мнения о вашей новой поэме, и сочувствие к ней очень слабо», и так далее.

Эти письма производили на Андерсена удручающее впечатление. После каждого из них он становился мрачнее тучи, и, видя его печальным, римские друзья спрашивали у него: «Что, опять получили письма с родины?»

«Я бы на вашем месте не обращал на них внимания», – посоветовал ему раз Торвальдсен. Когда же Андерсен рассказал про анонимное стихотворение, полученное им в Париже, Торвальдсен гневно сжал зубы и сказал с сердцем:

– Да, да, знаю я, каковы они там на родине! Если бы я не уехал оттуда, мне бы, вероятно, не дали сделать ни одной статуи. Хорошо, что я вовремя ушел!

В его жизни было тоже тяжелое время. В молодости ему так не везло на родине, что он уехал в Италию и много лет провел в Риме. Там талант его быстро развернулся, он достиг большой известности и уже стариком вернулся в Данию, где его встретили с почестями. Торвальдсен был уже в большой славе, когда Андерсен познакомился с ним в Риме. Его пример и горячая дружба оказали на поэта самое благотворное действие. Андерсен прочел ему свою новую поэму. Великий скульптор одобрил ее и сказал между прочим следующее: «Это звучит точно привет от родного леса и моря». При чтении поэмы присутствовал также прежний враг Андерсена Генрик Герц, который приехал в Рим и, встретившись с Андерсеном, первый подошел к нему с сочувственным словом, дружески протянул ему руку и сознался, что был к нему несправедлив. Герц увидел Андерсена в очень тяжелую для того минуту. Только что перед тем получил он известие о смерти матери. С этой горестной вестью совпали неприятные

письма о плохом впечатлении, произведенном на родине новой поэмой. Андерсен был в большом унынии. Ему казалось, что нет на свете существа, которому он нужен, что его никто не любит и он совсем одинок на земле. В таком печальном настроении был Андерсен, когда встретился с Герцем, и, вероятно, искренность его горя тронула этого человека.

Большим утешением для Андерсена было письмо его старой приятельницы госпожи Лэссе. Это письмо дышало участием и теплотой; она называла его своим сыном, писала ему о матери и между прочим давала справедливую оценку его новой поэме, признавая ее поэтические красоты и находя неудачным только выбор сюжета, слишком хорошо знакомого датчанам в своем первоначальном безыскусственном виде. Неудачу поэмы приписывала она злостной несправедливости к Андерсену. Это было единственное сочувственное письмо, полученное им с родины за все время. По-видимому, даже друзья его находились тогда под влиянием его врагов. Удивительно, как много злобы и недоброжелательства сумел он возбудить на родине, между тем как за границей у него везде были друзья и почитатели.

Как ни старались внушить Андерсену его датские друзья, чтобы он оставил писать, это не помогло. Заставить его не писать в то время значило бы то же, что заставить реку не течь. Андерсену было тогда 28 лет, а по свежести чувств, по наивности и силе переживаний он казался еще моложе. Талант его еще не установился, мысли и образы теснились в его голове, ища исхода после новых и ярких впечатлений. Во время пребывания в Италии в уме его зародилось новое произведение – «Импровизатор». Эта повесть из итальянской жизни есть живое отражение его впечатлений. В ней много достоинств, но много существенных недостатков. Все, что касается итальянской народной жизни, полно интереса, живо, ярко, юмористично. Детство героя, его отношения к старой приемной матери и к покровительствующему ему аристократическому семейству, жизнь в школе – все это очень хорошо, но романическая сторона крайне слаба. Здесь мы видим наивность и мелодраматичность, доходящие иногда до смешного. Описание итальянских страстей не дается мечтательному и наивному Андерсену, не переживавшему ни до, ни после того ничего подобного. Но зато вполне удалось ему воспроизвести горькое чувство зависимого и непонятого поэта, столько раз испытанное им самим. Андерсен

начал писать свой роман еще в Италии. На обратном пути в Данию он остановился на некоторое время в Соре у Ингеманов, где и кончил первую часть романа (вторая часть написана в Копенгагене).

Андерсен медлил возвращаться на родину и делал это только потому, что деньги его подходили к концу. Возвращаясь из-за границы, он останавливался в разных немецких городах, повсюду встречая радушный прием и доброжелательное отношение. С тяжелым чувством приближался путешественник к Копенгагену. Он боялся будущего. И действительно, общество встретило его холодно и неприязненно. Все говорили ему: «Мы ошибались в вашем таланте». С трудом удалось Андерсену издать свой новый роман. Для издания ему пришлось собирать деньги по подписке и выпрашивать их у своих друзей. Выручка была, разумеется, самая жалкая. Андерсен посвятил книгу семейству Коллинов. Когда роман вышел в свет, успех его был настолько велик, что вскоре потребовалось второе издание. Критика долго молчала, но с разных сторон раздавались сочувственные голоса. Первый, кто осмелился похвалить печатно «Импровизатора», был поэт Баггер, редактор «Воскресного листка». В рецензии его мы читаем между прочим следующее: «Андерсен пишет хуже прежнего, он исписался, мы давно этого ожидали, — так говорилось во многих столичных кружках, быть может, в тех самых, где сначала его наиболее превозносили. Но то, что он не исписался, а напротив, поднялся на огромную высоту, доказал он самым блестящим образом в своем романе «Импровизатор». Эти слова заставили плакать от радости бедного Андерсена, измученного долгой несправедливостью и презрением.

«Импровизатор» был началом успехов Андерсена, а поездка за границу послужила толчком для его таланта. Вернулся на родину Андерсен с сожалением. Он оставил за собой столько светлых воспоминаний и к тому же думал, что ему больше не придется быть за границей. Особенно жаль ему было Италии. Пылкий мечтатель считал ее потерянным раем, в который он больше никогда не вернется. Последующие его путешествия тоже имели на него большое влияние, но первые впечатления уже не повторялись. Никогда не представлялась ему Италия в таком праздничном виде. Все народные и уличные сцены, описанные в «Импровизаторе», взяты им с натуры, и после ему уже не приходилось так много и удачно наблюдать итальянскую жизнь. В Италии же Андерсен впервые

ощутил вкус к живописи и скульптуре, в первый раз услышал настоящее хорошее пение, которое произвело на него потрясающее впечатление. Его прекрасные сказки «Медный кабан» и «Психея» — это отголосок впечатления, произведенного на него итальянским искусством и жизнью Флоренции и Рима.

С «Импровизатора» начинается новая эра в жизни Андерсена. Книга эта приобрела ему массу друзей и почитателей как в Дании, так и за границей. Она была переведена на все языки и выдержала много изданий. Иностранные журналы отзывались о ней с большой похвалой, между тем как в Дании, несмотря на сочувствие публики, критика по большей части относилась к этому произведению или холодно, или несочувственно. Так, например, в одном из иностранных журналов проводилась параллель между «Импровизатором» Андерсена и «Кориной» г-жи Сталь, причем отдавалось полное предпочтение Андерсену. «Андерсен наивен, г-жа Сталь сентиментальна, — говорилось в статье, — датчанин поэтичен, тогда как французенка риторична», — и так далее. В одном из датских журналов делалось то же сопоставление, но при этом предполагалось, что произведение г-жи Сталь, вероятно, есть первообраз «Импровизатора». Очень скоро начались обычные нападки на неправильную орфографию слов, на этот раз итальянских. Тем не менее успех книги и поворот общественного мнения в пользу Андерсена были очевидны. Ободренный этим успехом Андерсен продолжал писать. В 1836 году он выпустил в свет роман «О.Т.» [Роман так и озаглавлен двумя буквами. Они означают имя героя (Отто Тосруп), а также Odense Tugthuus (Оденсейский дом умалишенных)], а в 1837 — «Только скрипач». Оба эти романа имели некоторый успех в Дании и большой — за границей. Между прочим, их перевели и охотно читали в Швеции, где произведения Андерсена делались все более и более популярны. «О.Т.» — произведение чисто юмористическое; «Только скрипач», напротив, отличается меланхолическим характером. Здесь изображает Андерсен пережитую им самим борьбу поэтической натуры с тяжелыми житейскими обстоятельствами. Оба эти романа были очень известны в свое время, но ни один не был так популярен, как «Импровизатор».

Несмотря на сочувствие публики, положение Андерсена оставалось нелегким. За него раздавались открыто очень немногие голоса. Против него были почти все критики и многие литера-

торы, в том числе всеобщий любимец Хейберг, считавшийся непогрешимым. Он, когда-то подерживавший Андерсена в качестве начинающего писателя, теперь относился к нему с замечательным недоброжелательством и немало способствовал умалению его значения в обществе. Нападки критики обратились наконец против самой личности Андерсена. В какой-то критической статье писателя упрекали в неблагодарности к его благодетелям, выставя на вид сходство между его собственным положением и положением героя в романе «Импровизатор». На этот раз в защиту Андерсена выступил его бывший враг, поэт Палудан Мюллер, находя неприличными инсинуации критика.

Один из друзей Андерсена, профессор университета, очень опытный в корректурном деле, предложил Андерсену прокорректировать его роман «О.Т.». Он сделал это самым добросовестным образом, желая избавить Андерсена от обычных придинок. Но и это не помогло. В одной из датских газет стояла фраза: «Обычные грамматические ошибки, свойственные Андерсену, находим мы и в этой книге».

— Нет, это уж слишком, — сказал профессор, — я был так же внимателен, как со своими собственными книгами. К вам явно несправедливы.

Подобных примеров можно насчитать много, но, несмотря на пристрастие критики, недоброжелательство литераторов и шаткость общественного мнения, легко поддававшегося различным влияниям, положение Андерсена в обществе было теперь все-таки гораздо лучше, чем до выхода в свет «Импровизатора».

ГЛАВА VI

Поездка в Швецию. — Скандинавские симпатии. — Стесненные обстоятельства. — Пожизненная пенсия. — Театральные пьесы. — Еще поездка в Швецию. — Овации в Лунде. — «Что рассказывал месяц». — Второе путешествие за границу. — «Базар поэта». — Андерсен в Копенгагене. — Внимание к нему короля. — Поворот к лучшему. — Счастливая жизнь в кругу друзей. — Особенности его характера. — Сказки.

В 1837 году Андерсен поехал в Швецию. Он посвятил этой поездке все лето и вынес из нее самое приятное впечатление. Его поразила

живописность шведской природы, а радушный прием и сочувствие, встреченные им повсюду, оставили в его душе чувство живейшей благодарности. Андерсен завязал в Швеции не одно приятное знакомство. Между прочим, он встретился на пароходе с известной писательницей Фредрикой Бремер. Она не знала его произведений и только во время плавания прочла «Импровизатора», получив его из рук автора. Это послужило поводом к их сближению, так как роман чрезвычайно ей понравился.

В то время между Швецией и Данией было очень мало сношений. Все еще помнилась старинная вражда, и это разъединяло соседние нации. Андерсен находил большое сходство между датским и шведским языками и с удовольствием замечал, что шведы его понимают. Ему казалось, что Швеция есть не более как продолжение Дании; родство обеих наций бросалось ему в глаза, а радушный прием, встреченный им в Швеции, окончательно утвердил его в братских чувствах к этой стране. Под таким впечатлением он сочинил скандинавскую песню, начинавшуюся словами: «Мы все один народ, мы скандинавы». Эта песня очень понравилась в Швеции, но когда Андерсен вернулся на родину и песня сделалась известна его соотечественникам, ему сейчас же сказали: «По всему видно, что вас чествовали в Швеции». В то время еще не были в моде скандинавские симпатии, а несколько лет спустя, когда близость между скандинавскими народами вошла в моду, в Дании нашлись люди, которые говорили Андерсену, что скандинавская песня есть лучшее его произведение и переживет все, что он написал.

Через несколько лет после «Импровизатора» появился первый выпуск сказок Андерсена. Можно было бы подумать, что критики встретят сочувственно этот новый и совершеннейший род его поэзии. Но не тут-то было. Датские критики с сожалением говорили о том, что Андерсен впал в прежнее ребячество...

Помимо мелочных придинок и равнодушия критики, Андерсену приходилось терпеть также и от недостатка средств. Он жил одной литературой и получал самые жалкие гонорары. Так, например, за «Импровизатора» ему было заплачено немногим больше ста рублей. Примерно так же платили ему и за другие произведения. Андерсену приходилось писать из-за денег, а это само по себе казалось ему противным; заработок его был так незначителен, что, желая как-нибудь увеличить свои средства, он

пробовал, хотя и безуспешно, достать себе место при одной из библиотек. Из затруднительного положения помогли ему выйти старые друзья, Эрстед и Коллин, а также новый друг его, голштинский граф Ранцау-Брейтенбург. Граф Ранцау заинтересовался Андерсеном, прочтя «Импровизатора», и явился сам в убогую квартиру поэта, причем спросил его, не может ли быть ему чем-нибудь полезен. Тот в кратких словах описал свое затруднительное положение. Граф Ранцау обещал писателю свое содействие и вскоре выхлопотал ему у короля ежегодную пенсию в 200 рублей. Такие пенсии давались из государственных сумм бедным ученым, литераторам и художникам. Ими пользовались, между прочим, Эленшлегер, Ингеман, Герц и другие.

Теперь Андерсен мог жить спокойно, вполне отдаваясь своему призванию, так как знал, что у него есть верные средства на случай болезни. Он вздохнул свободнее, но испытания его еще не кончились. Особенно часто приходилось Андерсену терпеть неудачи при его попытках писать для сцены, тем более что в то время в копенгагенском театральном мире господствовали очень странные нравы, а дирекция продолжала относиться лично к Андерсену весьма недоброжелательно. По странно укоренившейся моде почти все новые пьесы, дававшиеся на копенгагенской сцене, освистывались на первом же представлении. Этой участи подвергались даже любимые авторы, такие, как Эленшлегер и Хейберг. Свистеть начинали часто прежде, чем поднимался занавес. Это вошло в обыкновение и сделалось какой-то своеобразной забавой. Всякое представление начиналось всеобщим свистом, затем в оркестре раздавались трубы. Если свистки не унимались, вмешивалась полиция. Удивительно еще, как мог держаться какой-нибудь репертуар при таком порядке вещей... В таких тяжелых условиях выступил Андерсен в качестве драматурга. Он писал в стихах и в прозе, пробовал свои силы и в комедии, и в драме. Большинство его пьес дирекция отсылала ему назад, те же, которые доходили до сцены, иной раз все-таки имели успех. Это показывает, что положение Андерсена в обществе до некоторой степени уже установилось в то время. Наибольший успех из того, что писал он для сцены в тот период, то есть до 1842 года, имела пьеса, переделанная им из французской повести «Les éraives» и названная «Мулат». В день представления этой пьесы по городу были расклеены огромные афиши и у театральной

кассы стоял длинный хвост. Но вследствие внезапной смерти короля Фредерика VI представление не состоялось, и пьеса дана была впервые уже по восшествии на престол Христиана VIII, в день открытия театров. Публика приняла пьесу Андерсена с восторгом. Ни одно произведение его не имело еще такого успеха, как эта драма. Вскоре она была переведена на шведский язык, и в шведских газетах и журналах появились о ней самые лестные отзывы. Андерсен еще раз отправился в Швецию, причем шведы отнеслись к нему даже лучше, чем при первых его посещениях. Между прочим, его пригласили осмотреть свой город студенты Лундского университета. Андерсен принял их предложение и был встречен необыкновенно радушно. В честь него говорились речи и провозглашались тосты. Вечером студенты устроили ему серенаду [Вечерняя, ночная почетная или приветственная музыка, обычно под окнами чествуемого (Словарь В. Даля)]. Это была первая овация, устроенная в честь Андерсена, а потому и неудивительно, что она произвела на него необыкновенно сильное впечатление. Поблагодарив студентов за оказанную ему честь и пожав руки ближайшим из стоявших около него, Андерсен ушел в свою комнату, забился в темный угол и дал волю душившим его слезам. Впоследствии он научился лучше владеть собою в подобных случаях, но все-таки никогда не был равнодушен к знакам внимания, которые получал много раз в своей жизни.

Когда Андерсен вернулся в Копенгаген, где совсем недавно имел большой успех, ветер уже переменился. Восторженный прием, оказанный ему шведами, возбудил зависть и насмешки. Кроме того, начались уже нападки на его пьесу «Мулат». Андерсену ставили в вину то, что он заимствовал ее сюжет, хотя другие писатели делали то же, и пьесы их не теряли от этого своей цены. Поэт Хейберг иронически заметил Андерсену:

— Когда я поеду в Швецию, вы должны быть со мной, чтобы и на мою долю выпала часть оваций.

Андерсен ответил ему на это:

— Поезжайте с вашей женой (она была известная актриса), тогда вам гораздо легче будет заслужить овации.

В 1840 году Андерсен написал новую книгу. Это был ряд небольших поэтических картинок, нечто вроде стихотворений в прозе. Книга называлась «Что рассказывал месяц». Она имела небывалый успех в Германии, была издана там

несколько раз и распространилась еще более, чем его сказки, хотя много уступала последним. В Швеции и Англии ее сейчас же перевели, как и другие книги Андерсена. В Дании же на нее почти не обратили внимания. Литературные неудачи на родине и несправедливости со стороны соотечественников до последней степени расстраивали нервного и самолюбивого Андерсена. Друзья посоветовали ему ехать за границу. Торвальдсен назначил ему свидание в Риме. Андерсен собрал немного, что накопил он за эти годы, и уехал.

Прошло семь лет со времени последнего путешествия Андерсена за границу, и за это время положение его сильно изменилось. Тогда он появлялся везде несмело, как безвестный начинающий писатель. Теперь имя его было известно повсюду, произведения его были очень распространены и благодаря им круг его знакомства расширялся необыкновенно быстро. На этот раз Андерсен ехал по железной дороге, которая только что проводилась. Он ехал через Лейпциг, где познакомился, между прочим, с Каульбахом и Мендельсоном-Бартольди. Последний особенно близко с ним сошелся, чему способствовал роман Андерсена «Только скрипач», который очень нравился знаменитому композитору. Андерсен явился знакомиться с Мендельсоном во время репетиции концерта в Геванд-гаузе; Мендельсон не хотел было говорить с ним, но, узнав, что перед ним стоит Андерсен, обнял его и повел в залу, а после репетиции – к себе домой обедать. С этого дня они сделались друзьями. Из Лейпцига Андерсен проехал в Гейдельберг, а оттуда через Тироль в Италию, куда стремился всей душой. В Рим он попал в декабре и тотчас же занялся осмотром картинных галерей, церквей и статуй, поджидая в то же время своего друга, поэта Хольста, который должен был вскоре к нему присоединиться, чтобы вместе путешествовать по стране. Андерсен заранее радовался как ребенок при мысли, что ему предстоит показать другу свою милую Италию. Но на этот раз ему не повезло. В Риме было очень сыро и холодно. Андерсен страдал от отсутствия печей и испытывал все неудобства итальянских помещений, не приспособленных к холоду. У него сделались лихорадка и сильная зубная боль. Он целые дни просиживал у камина в теплых сапогах. Впоследствии эти обстоятельства послужили сюжетом для сказки «Мои сапоги». Такова необыкновенная живость его фантазии. Нужно быть Андерсеном, чтобы сочинить

сказку из зубной боли и теплых сапог. Хольст приехал перед самым карнавалом. Его приезд очень ободрил Андерсена, сильно приунывшего за это время. Между прочим, его смущали неприятные письма с родины, мало отличавшиеся от тех, которые он получал в Риме семь лет тому назад. Андерсен начинал думать, что вечный город приносит ему несчастье. В письмах говорилось, будто его новая пьеса «Мавританка», написанная на этот раз на самостоятельный сюжет, была освистана, что впоследствии оказалось неправдой. Кроме того, до Андерсена дошли слухи, что Хейберг, с которым он расстался в очень плохих отношениях, написал стихотворение, где, как выразился кто-то из его соотечественников, «Андерсена по обыкновению утопили в воде». Андерсен не читал стихотворения и не знал, в чем заключается направленная против него насмешка. Эта неизвестность еще более усиливала его беспокойство. Он ожидал всего худшего и сильно упал духом, так что пребывание его в Риме было отравлено. Впоследствии Андерсен узнал, что он напрасно боялся стихотворения Хейберга. Намек на него был самого невинного свойства, а стихи показались ему прекрасными. Тем не менее они причинили ему в Риме много неприятных минут.

В феврале Андерсен уехал из Рима в сопровождении двух своих друзей, Хольста и Роте. Все трое отправились в Неаполь. Там было тоже очень холодно, и Андерсен окончательно разболелся. Лихорадка и нервное состояние его достигли апогея. Из Помпеи, куда друзья уже успели добраться, пришлось вернуться в Неаполь; Андерсен приехал туда в ужасном виде. Хозяин отеля, где он остановился, нашел нужным пустить ему кровь, что и подействовало на него самым лучшим образом. Через неделю Андерсен поправился настолько, что мог ехать дальше. Он предпринял длинное путешествие, а именно из Неаполя: отправился на пароходе в Сицилию, затем в Грецию и Константинополь, завернул в Сербию и вернулся в Данию через Австрию и Германию. Он побывал в Вене, Праге и Дрездене и приехал в Копенгаген через Оденсе.

Путешествие свое Андерсен описал в книге «Базар поэта», разделенной на несколько частей – по числу стран, которые он посетил. Каждая часть была посвящена кому-нибудь из его друзей.

(Продолжение смотрите на странице 41.)

Журнал в журнале 4 / 2026

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

Хочу сказать

Я вас поздравляю!

Недавно нам в литературном объединении рассказали о появлении поздравительной открытки. Появилась она в Западной Европе в XIX веке, а до России добралась только в конце столетия. В Российской империи к тому моменту было два основных праздника: Рождество и Пасха. Открытки в основном делали на эти два праздника, а также на именины.

Зимой крестьяне, когда работы на полях и в садах не было, уходили в город на заработки. Сначала им приходилось приезжать в родные деревни, чтобы поздравить родственников с праздниками. Однако это было очень затратно и невыгодно: время пути могло достигать даже месяца. И тогда крестьяне стали писать открытки своим родственникам. А кто не умел писать, те просили грамотных людей. Суммарно это обходилось в 6–7 копеек. Цена зависела от того, куда нужно было отправить открытку: по Российской империи или за границу.

После революции 1917 года боролись с буржуазными предрассудками, в том числе и с религиозными праздниками. Запретили оформление открыток под конкретный праздник, но появились нейтральные открытки с изображением цветов, детей, животных и т. д. Также появились новые, уже советские праздники, а в 1936 году разрешили Новый год.

Потом у нас был мастер-класс. Нам нужно было собрать из деталей свою собственную открытку. Нам дали необходимые

материалы, но сказали, что вынимать из пакетика их нужно по-отдельности, чтобы не растерять! Сначала мы обводили слово «Поздравляем» на основной части открытки маркерами. Маркеры нам выдали. Я взяла серебряный. После того, как мы обвели, можно было начинать украшать вазу (конечно, она была плоской). У всех получились адекватные красивые узоры, а у меня красивая, но непонятная ерунда. Мне сказали, что это похоже на китайский орнамент. Потом мы приклеили серединки цветов к самим цветам и приклеили вазу к основе, а цветы к вазе. Нам сказали, что выходить за края открытки нельзя, но я вышла, причем с обеих сторон. Рядом почти с каждым цветком я приклеила листья. По ним и по маленьким цветам я провела линии цветными ручками, розовыми и зелеными, чтобы придать им реалистичности. Я решила еще придать надписи теней и бликов цветкам черной и белой ручками соответственно.

**Мария НОВОЖИЛОВА, 16 лет,
г. Москва**

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ «ПУТЕВОДНОЙ ЗВЕЗДЫ»!

Мы рады получать от вас послания, в которых вы пишете обо всем, что вас волнует, радует, вдохновляет! Вы пишете о проблемах в школе и семье, о взаимоотношениях с одноклассниками и друзьями, о любимой музыке и своих хобби... Страницы «Путеводки» всегда открыты для умных размышлений, поиска, желания сделать жизнь интересней и лучше.

Ждем ваших писем по адресу: pzv@detfond.org

Спорить надо уметь!

Недавно в наше литературное объединение приходил писатель Виталий Маркович Каплан. Он рассказал нам про искусство споров: как правильно спорить, какие ошибки часто совершают спорящие.

В спорах часто есть основное утверждение – «тезис». Это утверждение, которое ты хочешь доказать. Ещё есть «антитезис» – убеждение, противоречащее тезису. Например:

– Я считаю, что школьная форма не нужна!

– Нет, нужна!

И так далее. Ещё есть «аргументы» – доказательства своей правоты. А есть и хитрости, такие, как подмена тезиса – человек заявляет одно, а доказывает другое.

Есть ещё и ошибки:

1) недооцениваем уровень противника;

2) не держим себя в руках, начинаем злиться и кричать, в итоге пропускаем важные детали;

3) не умеем слушать, перескакиваем на другое;

4) забываем про время и затягиваем спор так, что он становится неинтересен.

Есть ещё ловушки:

1) переходить на личности;

2) перебивать;

3) угрожать;

4) притворяться, что ничего не понимаешь;

5) закидывать вопросами, чаще всего не по делу.

Вот! Теперь мы знаем, как правильно и как неправильно спорить!

**Тоня ТУЗОВА, 13 лет,
г. Москва**

Моя бабушка подружится даже с инопланетянами

Моя семья – люди интересные! А какие у них увлечения! Мои родители работают программистами. У них есть общее увлечение – ролевые игры живого действия. Иногда они ездят на игры на полигоне, в лесу. На одну из таких игр и меня тоже привезли, на день рождения. У моих родителей есть и отдельные увлечения. Мама пишет стихотворения и рассказы, занимается историческим фехтованием. Папа любит историю, а уж в истории Средних веков просто души не чает. Не так сильно, как историю, но все же он любит и географию. И благодаря ему я тоже проявляю интерес к этим наукам.

Но самым удивительным человеком в семье был и остается мой дед по маминой линии. Он в двух словах может объяснить, почему трава зеленая, что такое десятичная дробь, и так далее – вплоть до теории о белых дырах и принципов работы андронного коллайдера. Для последнего, между прочим, он делал аппаратуру. А еще

дед удивляет меня своими запоминающимися фразами, некоторые из которых я сама использую в своей речи. Еще дед выделяется великолепным юмором, умением рассказывать притчи. А еще, вы не поверите, он выделяется своей великой, как я это называю, способностью издавать очень странный звук! Этот звук немного похож на кряканье и хрюканье. Этим звуком дед на даче дразнит соседских собак. Мы с мамой всю жизнь пытаемся этот звук повторить, но ни разу ни у одной из нас это не получилось.

И моя бабушка по папиной линии тоже удивительный человек. Сейчас она художник и занимается лепкой из глины, а раньше была учителем физики. С прошлой работы у нее есть куча историй! Да и не только оттуда. Я с удовольствием слушала истории про кота Графа, про крысок моей тети, и многое другое. Бабушка очень мудрый человек, она часто дает дельные советы – благодаря им я не делала лишний раз глупостей и сохраняла дружбу с друзьями. В любой ситуации она может сказать «Нет худа без добра!» или «А теперь поищем хорошие стороны!». Я думаю, что даже если на Землю упадет метеорит или прилетят инопланетяне с целью захвата, бабушка сохранит бодрое расположение духа или даже подружится с ними!

**Оля МИЩЕВА, 13 лет,
г. Москва**

Где замок встречает море

Привет! Меня зовут Варя, и мне всего 11 лет. Я живу в удивительном месте, которое называется Хрящёвка. Это не просто село – это мой родной дом, и я уверена, что здесь просто невероятно прекрасно!

Наше главное сокровище – это река Волга, которую мы называем Куйбышевским морем. Она такая огромная и величественная! Когда я стою на берегу, мне кажется, что другого края не видно, и это наполняет меня чувством бесконечности. Каждое лето мы с друзьями проводим здесь целые дни, купаясь и наслаждаясь теплом. Когда начинает садиться солнце, небо и вода окрашиваются в невероятные оттенки оранжевого, розового и фиолетового – это просто волшебство! В такие моменты чайки начинают громко кричать, как будто прощаются с уходящим днем и солнцем.

За пределами нашего села – бескрайние поля. Летом здесь растет пшеница, золотистая и блестящая на солнце! Когда ветер колышет ее, она издает звук, похожий на шум моря, и это создает удивительное ощущение. Мы с друзьями часто играем в прятки на этих полях, а иногда просто лежим на траве и смотрим на облака, придумывая, на что они похожи.

Но самым удивительным и необычным в нашей Хрящёвке, безусловно, является замок Гарибальди. Замок такой огромный и красивый, что кажется, будто он был перенесен сюда из сказки о рыцарях и принцессах. Каждый раз, когда я проезжаю мимо него на своем велосипеде, у меня возникает ощущение, что замок живой, и вот-вот из него выйдет настоящий король или даже дракон!

В Хрящёвке все друг друга знают. Когда я иду по улице, люди здороваются, спрашивают, как дела. Если что-то случится, соседи всегда готовы прийти на помощь.

Хрящёвка – это не просто село, это часть меня.

**Варвара ГЛУШКОВА, 11 лет,
Самарская область**

Бабушка и я: хрупкое счастье весны

На вопросы наших читателей
отвечает журналист
Любовь КОЖЕВНИКОВА

Дорогая Алина! Родители совершенно правы – бабушку забывать нельзя. Но и ты права – в жизни очень важно уметь договариваться. И с представителями разных поколений, и с ровесниками, да вообще с кем бы то ни было. Навыки диалога и взаимопонимания не раз помогут тебе в жизни. Особенно не хочется ссориться весной, еще и на праздники. Весна расцветает пышными красками, улицы наполняются ароматом первых цветов, воздух пропитан нежностью и теплом. Настроение приподнятое, хочется радовать окружающих красивыми поступками и добрыми словами. А каникулы

“

Здравствуй, дорогая редакция!

Совсем недавно поздравляла бабушку с Женским днем, но, если честно, подобрать поздравление было сложно. Родители ворчат, будто я про бабушку забыла, но это совсем не так – я ее все так же люблю, и хотела бы проводить с бабушкой побольше времени, но она с трудом понимает наши молодежные интересы. А на майские праздники меня отвезут к бабушке на дачу, и на все летние каникулы тоже. Я и хочу повидаться, но и боюсь, что будет скучно, что мы не поймем друг друга, что будем спорить. А родители говорят, что с бабушкой надо проводить как можно больше времени. Я их понимаю и согласна с этим, но как научиться не спорить, а договариваться?

Алина, 14 лет

и праздники даны для того, чтобы как можно больше времени провести со своими близкими, укрепить связь с семьей, начать лучше понимать свои корни – ведь иначе как ты поймешь и саму себя?

Но вдруг выясняется, что у многих подростков отношения с бабушкой далеко не безоблачные. Нередко слышится: «Она вечно критикует меня», «Ее советы раздражают», «Мы совсем не понимаем друг друга». Вместо благодарности появляется раздражение, недовольство и желание отдалиться. Так что же делать, если теплые отношения пока лишь мечта?

Признай, что бабушка действительно желает тебе добра. Даже если ее поведение выглядит странным или резким, поверь – ее поступки продиктованы любовью и беспокойством. Возможно, она сама сталкивалась с трудностями, набивала шишки и теперь пытается уберечь тебя от ошибок. Просто ее способ выражения заботы отличается от твоего представления о доброте.

Попробуй встать на сторону бабушки. Представь, какая огромная ответственность лежит на плечах

пожилого человека, выросшего в эпоху перемен и испытаний. Ее детство прошло в непростое время, в юности пришлось столкнуться с лишениями, а зрелые годы наполнены ответственностью за судьбу родных. Поэтому вполне естественно, что она стремится передать опыт, накопленный годами. Прислушайся к ее словам внимательнее, попытайся понять мотивацию действий.

Представь себе (а можно и спросить) какой девицей-красавицей была бабушка в твоём возрасте. Что ее волновало и беспокоило? Что делало счастливой? К чему она стремилась, о чем мечтала? С кем за одной партой сидела? Как звали лучшую подружку и где она теперь? Представь себе эту девочку, а потом и девушку, выросшую в сильную женщину, все преодолевшую. Частичка ее силы живет и в тебе, а значит, ты справишься со всеми невзгодами в твоей жизни.

Будь откровенной. Говори прямо и ясно, но мягко и вежливо. Избегай агрессивных формулировок вроде «Перестань указывать!» Лучше объяснить: «Я понимаю, что ты хочешь помочь, но мне важно научиться принимать собственные решения». Открытость порождает доверие, позволяет разобраться в ситуации глубже и устранить возможные недопонимания.

Ищи точки соприкосновения. Несмотря на раз-

ницу взглядов, наверняка найдутся общие интересы. Вместе приготовьте вкусное блюдо, послушайте музыку, почитайте книгу или сходите на прогулку. Проявляй инициативу, покажи, что хочешь сблизиться и узнать бабушку лучше. Ее пугают твои но-

вомодные увлечения? Расскажи ей больше о своих хобби, о том, какую пользу они тебе приносят. Научи справляться с гаджетами, объясни, что они больше удобны, чем опасны. Да и для бабушки будет полезно проводить больше времени с тобой, узнать хоть немного нового — ученые доказали, что мозг у людей развивается тем лучше, чем дольше они общаются с

молодежью и остаются открытыми новому.

Наконец, помни: семейные праздники предназначены для проявления любви и внимания ко всем членам семьи. Это прекрасный шанс напомнить родным людям о тепле своего сердца. Прости старые обиды, открой душу навстречу родственным чувствам. Поверь: однажды, оглянувшись назад, ты будешь благодарна себе за сделанный выбор.

Пусть весна подарит тебе настоящую гармонию и согласие с самыми дорогими людьми. Пусть именно в этот день бабушка поймет, как много значит для тебя ее присутствие рядом. Потому что истинная любовь — это умение видеть хорошее сквозь призму прошлого и настоящего.

“
**...семейные праздники
предназначены для проявления
любви и внимания ко всем членам
семьи. Это прекрасный
шанс напомнить родным людям
о тепле своего сердца**
”

А знаете ли вы?

...почему собаку-поводыря нельзя заменить гаджетом?

В последнюю среду апреля отмечается Международный день собак-поводырей. Для них существует особое обучение в специальных центрах, и даже новейшие технологии не могут их заменить. Но чем же они так важны?

Собаки-поводыри – это специально обученные животные, сопровождающие незрячих людей. Они нужны для того, чтобы сделать перемещение людей комфортным и безопасным, помочь человеку обойти препятствия или провести по сложным маршрутам. Лучше всего на эту роль подходят лабрадоры, чуть реже – золотистые ретриверы. Стать поводырем не так-то просто. Собака проходит тщательный отбор, долго готовится, сдает экзамен, который подтверждает ее готовность, и только после этого становится полноценным проводником – приезжает ее будущий хозяин и учится работать с ней. Однако статус поводыря собака может получить только при наличии паспорта, который подтверждает, что она успешно

прошла подготовку. Собаке-поводырю разрешен доступ во все общественные места.

Очередь на поводырей сейчас – около 100 человек, ожидание занимает до двух лет. Всего в России 1500 собак-поводырей и две обучающие школы, которые в год выпускают чуть больше ста собак. Быть поводырем – тяжелая работа, но собаки, в отличие от людей, не страдают выгоранием. У них другой образ мышления, и, пожалуй, людям стоит в этом у них поучиться. Ведь собаки живут здесь и сейчас, не думая о том, что было вчера. А еще они очень любят свою работу.

Конечно, технологии внедряются в нашу жизнь, и незрячие люди активно пользуются навигаторами и голосовыми помощниками. Но спрос на собак-про-

водников не исчезает. Также собака – отличный стимул быть активным. Ее нужно выгуливать, можно познакомиться с соседями, у которых тоже есть питомцы, или которые просто любят домашних животных. И уж этот аспект точно нельзя заменить гаджетами.

...У планеты Земля есть собственный праздник?

22 апреля отмечается Международный день Земли. Этот праздник имеет важное экологическое значение. Самое время задуматься о будущем нашей планеты и о том, что каждый из нас мог бы сделать для нашего общего дома.

Как можно принять участие в праздновании Дня Земли:

- организовать или принять

участие в уборке парков, берегов и лесополос;

- экономить ресурсы: выключать свет, выходя из комнаты; разделять отходы и отправлять их в соответствующие контейнеры;

- присоединиться к различным эко-проектам;

- изучать и распространять информацию о способах сохранения природы.

Подготовила Любовь КОЖЕВНИКОВА

«Океан чудес»: ЭМОЦИИ – ЭТО СИЛА!

Привет, ребята! А вы слышали про мультфильм «Океан чудес»? Ну тот самый, который вышел в начале года? Нет? Тогда сейчас все расскажу!

Вообще-то, в Китае мультфильм вышел еще в 2022 году, но в России его решили показать только сейчас. По сюжету у нас целая драма: девочка Шенсю теряет маму, мачеха и отец заняты младшим ребенком, и в морском круизе главная героиня случайно оказывается за бортом, теряет сознание и, пока ее спасают, она пребывает в ярких снах, из которых выносит важный урок: не надо фальшиво улыбаться, можно плакать, не скрывать эмоции. Для нас это обычное дело – быть искренними (или я ошибаюсь?), но на Востоке, особенно в Китае, Японии и Корее, такой урок очень актуален, ведь культурные обычаи этих стран как раз таки всегда делали упор на сокрытие чувств и беспристрастность. Но ведь все семьи разные, в любой точке мира найдутся властные или равнодушные родители, а значит, каждый ребенок из такой семьи сможет понять неправильную позицию такого воспитания и прекратить играть роль «идеального», верно?

Ситуация Шенсю и ее внешность напомнили мне Тихиро из «Унесенных призраками» Хаяо Миядзаки. Только героиня аниме спасала своих легкомысленных родителей, а в мультфильме Шенсю пытается спасти себя, цепляясь за прошлое. У японского режиссера Тихиро попадает на работу в купальню для духов, а Тянь Сяопэн отправляет Шенсю в морской передвижной ресторан к очеловеченным животным. Но Нанхе показан не как

злодей, а как обычный человек, пытающийся сохранить бизнес, и в кульминации видно, что он действительно хочет помочь Шенсю, он ее поддерживает и спасает, а у Миядзаки Юбаба – полноценная ведьма-антагонистка, откровенно отрицательный персонаж. В японских сказаниях работа героев в других мирах на духов и богов – довольно распространенный сюжет, но в Китае таких легенд крайне мало, и «Океан чудес» оказывается оригинальным проектом для культуры страны. Как же мне теперь хочется изучить эту тему!

Помимо сюжета, меня зацепили анимация и дизайн персонажей. Обычно глаза героям рисуют большие, неестественные, однако в этой картине они у всех почти как у реальных людей и животных. Да, тут, в ресторане-подводной лодке, все повара и официанты – моржи и каланы (морские выдры), а посетители – рыбы. Я еще никогда не видела рыб в одежде! Конечно, есть и минусы: слишком много деталей в кадрах и анимация слизи, например, желе. Еще заметно по мимике лица владельца ресторана Нанхе его немного неестественные эмоции, слишком пластичное лицо, как будто изначально создатели собирались создавать в формате 2D, а не в 3D. Но выглядит это так оригинально!

Эту волшебную и глубокую, как океан, историю действительно стоит посмотреть всем ценителям китайской культуры и уникального стиля анимации, а дети, изучающие китайский язык, могут начать знакомство с творчеством китайцев с этого мультфильма. И, возможно, в будущем «Океан чудес» станет классикой, и уже новые поколения детей будут в восторге от него, как нынешние зумеры и альфа ценят великую советскую анимацию.

Ваша Мультинка

Юлия Проскурякова

Как важно клавишам прикосновение рук...

Старый дом

Вот дом соседский опустел,
И всех жильцов переселили.
Он добрым был. В нем люди жили.
Теперь остался не у дел.

Теперь остался в стороне,
В кругу бывших воспоминаний,
И звуки горестных стенаний
Как эхо плыли в тишине.

Его скрипели половицы,
И шифер старый гроыхал,
А он надеялся и ждал,
Что встретит вновь родные лица.

Но время шло, ветра менялись,
А люди все не возвращались.
И старый начал понимать –
Настало время умирать.

В один осенний, хмурый день
Под грохот грозовых раскатов
Тот дом ударил экскаватор
И снес все стены набекрень.

Потом удар, еще удар...
И лишь тогда остановился,
Когда наш стойкий дом сложился,
Как старая колода карт.

А в доме рядом новоселье,
И люди в радостном веселье,
Присев за праздничным столом,
Достали старенький альбом.

Страницы желтые листали,
О жизни прежней вспоминали.
А с фото светом и добром
Им улыбался старый дом.

Яркой лазурью раскинулось море

Яркой лазурью раскинулось море,
Белой каймой отточив берега.
Шумные чайки, неистово споря,
Солнцу свои подставляют бока.

Греться в лучах им осталось недолго.
Осени ветреной близится срок.
Яркое лето горячим осколком
Тихо воткнется в остывший песок.

Взбесятся волны, как дикая стая
Тощих, голодных, уставших собак.
Хмурую осень взащей прогоняя,
Ревом истошным врезаюсь во мрак.

Тщетны попытки – она не отступит.
С высокомерием царских кровей,
Ветром пронзительным скоро остудит
Жар уходящих, пылающих дней.

Только во тьме серебристые звезды,
Светом холодным затмив облака,
В море уронят безмолвные слезы,
Что превратятся на дне в жемчуга.

Неслучившаяся встреча

На книжных полках вековая пыль
Давно хранит безмолвные
страницы.
В них уживаются и вымысел
и быль,
Грядущее и то, что не случится.

На тех листах, что временем всерьез
Потрепаны от буквы до пунктира,
Нам встретиться однажды довелось,
Заполнив нежностью
несовершенство мира.

И старый сад с опавшею листвою
Опять зацвел весенними цветами.
Над гулкой и широкой мостовой
Две белых птицы, с криками
взлетая,

Врывались в неба кружевную даль
И в облаках молочных исчезали.
Звучала музыка, как будто на рояль
Ложились чьи-то пальцы и играли.

Но звук прекрасных клавиш
навсегда
Умолк в тот поздний, одинокий
вечер.
В глубинах книг, как мерзлая вода,
Застыла неслучившаяся встреча.

Ход котом

Ася стояла перед зеркалом, дрожащими пальцамиправляя шапку. Я забежала за ней, чтобы пойти в шахматный клуб вместе, а в итоге стояла, прислонившись к стене, и ждала.

– Я вчера отрабатывала эндшпиль, а надо было, наверно, просто легонькие задачки на тактику порешать.

– Что ты так переживаешь? Это же просто игра.

– Это не просто игра, Альбина, – сказала Ася, наконец отлипая от зеркала. – Это турнир. Разные цели. В «просто игре» нужно научиться, в турнире – выиграть.

– Мне кажется, к таким вещам нужно относиться легче.

...Мы вышли сильно заранее: Ася боялась опоздать, но нам хотелось немного проветриться. Утром выпало много снега, теперь он сиял в свете солнца и скрипел под ногами. Такие дни всегда больше ценишь посреди монотонного серого мрака.

– Как ты думаешь, кто выиграет? Если Марина, то мы сравняемся по счету, но она займет первое место за счет коэффициента Бухгольца, – размышляла Ася вслух.

– Выиграет победитель, – ответила я ей с улыбкой.

Наш путь пролегал через гаражи, на один из которых можно было залезть по кривой дикой яблоне: подтягиваясь на руках, одну ногу вставляешь в дупло, вторую перекидываешь через толстую ветку, потом проползаешь по ней буквально метр и залезаешь на крышу. С гаража открывался замечательный панорамный вид на... другие гаражи, огороды частного сектора и мусорные баки. Первой залезла

Ася, потом я.

– Тихо! – вдруг скомандовала она, стоя уже на другом краю крыши.

Я замерла.

– Слышишь?

Подойдя к подруге ближе, я тоже услышала тихий писк.

– Смотри, – ахнула Ася и показала рукой на мусорный бак.

Сначала я не поняла, что такое – мусор как мусор, но потом увидела шевеление.

– Ничего себе!

Когда я слезла по яблоне и обошла гараж, Ася, прыгнувшая в сугроб, уже пыталась развязать синий пакет. Мы его разорвали и вытащили двух слепых котят – серого и рыжего. Ася много ругалась, смысл ее высказываний сводился к тому, что некоторых людей самих нужно было выбросить в мусорку.

Устроив котят во внутренний карман моей куртки, мы принялись гуглить, что с ними делать, и только тогда осознали, в какую авантюру ввязались.

– Ась, думаю, нужно отнести их ко мне домой, – сказала я. – Ко мне ближе. И еще нам понадобится смесь для вскармливания котят. На пикабушечке говорят, что им нельзя коровье молоко.

– И соску надо. Ты беги отогревай их, а я в зоомагазин и в аптеку, у меня деньги с собой.

Дома я взяла обувную коробку, в нее положила полотенце, чтобы у котят получилось уютное гнездо. Нашла пол-литровые бутылки, налила в них горячей воды, замотала в тряпки, чтобы мелочь не обожглась, и положила в коробку. Котята тоже без дела не остались – они истошно пищали. Вернее, пищал только рыжий, а

серый был какой-то вялый, что вызывало опасения за его жизнь.

Аси не было невыносимо долго. Она вернулась со смесью, и мы пытались кормить котят. Они ели плохо. Конечно: вместо теплой мамы – какая-то пахнущая пластиком неуютная соска. И если рыжий хотя бы что-то ел, то все, что я давала серому, каким-то непонятным образом оказывалось не в коте, а на коте.

Когда пришли родители, мы им не сразу сказали о случившемся, сначала дождались, пока поужинают и подбодрят, и только потом показали гнездо со спящими котятами, спрятанное за диваном. Надежды оправдались и нам разрешили «оставить их на время, чтобы отдать в добрые руки, когда подрастут».

Приближались новогодние каникулы, так что и мои предки, и Асины бабушка разрешили в школу не ходить. Следующие две недели мы с Асей жили в кошачьем режиме: мелочь нужно кормить каждые три часа, а потом делать массаж живота. Несмотря на то, что на ночные дежурства мы выходили по очереди (ночь – я, ночь – Ася), все равно обе были как сомнамбулы. Каждый день мы взвешивали котят на кухонных весах. В норме, по словам Гугла, они (не весы, а котята) должны были набирать по 10–15 граммов, но серый столько не наедал. Наверно, если бы не эти взвешивания, мы бы его потеряли. Воевать приходилось за каждую съеденную каплю.

Мне в те дни часто снились кошмары, где мы не успевали спасти котят.

– Тем, кто их выбросил, – размышляла Ася за завтраком, – на-

верно, кошмары не снятся.

На второй неделе стало легче. Серый котенок привык есть из соски, смешно дергал ушами и перебирал передними лапами во время кормления. Еще, вероятно, свою роль сыграло то, что я приноровилась и руки перестали трястись. Вскоре котята открыли глаза, и было жутко интересно наблюдать, как они учились фокусировать взгляд. Никто никому отдавать их, конечно, не стал. Как-то само собой получи-

лось, что веселый рыжий котенок уехал жить к Асе, а нежный серый, оказавшийся, кстати, девочкой, достался мне. Папа предложил назвать ее кошкой Шредингера, но я не согласилась.

— Во-первых, это имя слишком длинное, а во-вторых, я знаю, что она живая, даже если она сидит в коробке. И вообще, может, я хочу дать ей тривиальное имя. Пусть будет Дымка.

Кошечка каждый день приходит ко мне на кровать в шесть

утра, чтобы лизнуть в нос один раз, а потом уйти.

Когда закончился наш с Асей отпуск по уходу за котятами, первый вопрос в шахматном клубе был такой:

— А почему вы не появились на турнире? Ася, у тебя же были все шансы взять первое место, — окружили ее девочки.

И только я знала, что дома ее ждет рыжий котик по кличке Приз.

Александра ЗУЗЛЕВА

Медвежонок, который нашелся

На самой светлой опушке большого леса жил медвежонок. Он был еще маленький, но очень старательный: всегда ходил по тропинке, всегда возвращался домой до заката и никогда не уходил далеко.

— Лес любит тех, кто его уважает, — говорила мама-медведица.

Медвежонок кивал и старался все делать правильно. Однажды утром он пошел собирать ягоды. Солнце светило, птицы пели, и все было как обычно, пока над кустом не вспорхнула бабочка. Она была яркой, желтой, словно кусочек солнышка.

— Подожди! — сказал медвежонок.

Но бабочка не услышала. И тогда он побежал вслед за ней. Уж очень она ему понравилась. Ее мерцание озарило опушку, а ее свет манил все дальше в лес.

Когда бабочка исчезла, медвежонок оглянулся — а тропинки как ни бывало.

Маленький медвежонок сел и заплакал. Лес вокруг был большим и незнакомым. Деревья казались выше, а тени — длиннее. Но тут из-за куста появился ежик.

— Почему ты сидишь? — спросил он.

— Я потерялся, — всхлипнул медвежонок.

— Тогда не спеши, — сказал ежик. — Когда спешишь, теряешься еще сильнее.

Он дал медвежонку ягоду и ушел.

Медвежонок вытер слезы и пошел дальше — медленно, прислушиваясь.

Вскоре он увидел сову, сидящую высоко на ветке.

— Я не знаю, куда идти, — признался медвежонок.

— Тогда смотри не только под лапы, — сказала сова. — Иногда дорогу видно сверху.

Медвежонок поднял голову. Между ветвями он заметил полоску неба — и на душе стало спокойнее.

Он пошел дальше и вышел к ручью. Вода тихо журчала, будто что-то рассказывала.

— Ручей, ты знаешь дорогу домой? — спросил медвежонок.

— Я знаю только одно, — ответил ручей. — Если не знаешь, куда идти, просто иди. Куда-нибудь да придешь.

Наступил вечер. Лес потемнел. Медвежонок устал и испугался,

но вдруг понял: он больше не плачет.

Он вспомнил запах меда, мамины лапы, голос, который говорил: «Я рядом».

— Я потерялся... но я не один, — сказал он вслух.

И медвежонок пошел туда, куда велело его сердце.

На знакомой поляне его ждала мама-медведица. Она шагнула навстречу и крепко обняла медвежонка.

— Я ждала тебя, — тихо сказала она.

— Я здесь, — ответил медвежонок и прижался к ней.

Мама ничего не спрашивала и не ругала.

Она просто погладила его по голове и сказала:

— Когда становится страшно, нужно помнить: ты не пропадешь. Ты всегда найдешь.

Медвежонок посмотрел на лес — тот больше не казался таким страшным.

Теперь медвежонок знал: если вдруг снова потеряется, он обязательно найдет дорогу. Потому что дом — это не только место. Дом — это те, кто ждут.

**Амаль БЫХОВА, 9 лет
Республика Казахстан**

Как сказал Михаил Булгаков!

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891–1940)

Учиться читать совершенно ни к чему, когда мясо и так пахнет за версту.

Высказывание из повести М. А. Булгакова
«Собачье сердце» (1925 г.)

Учиться читать совершенно ни к чему, когда мясо и так пахнет за версту. Тем не менее (ежели вы проживаете в Москве, и хоть какие-нибудь мозги у вас в голове имеются), вы волею-неволей научитесь грамоте, притом безо всяких курсов. Из сорока тысяч московских псов разве уж какой-нибудь совершенный идиот не сумеет сложить из букв слово «колбаса».

В высказывании высмеивается позиция малограмотных людей, рассматривающих обучение чтению как бесполезную трату времени.

О прагматичном восприятии ценности образования; об умении читать и образовании в целом.

**Никогда и ничего не просите! <...>
Сами предложат и сами всё дадут!**

Фраза Воланда из романа М. А. Булгакова
«Мастер и Маргарита» (1928–1940 гг.)

– Мы вас испытывали, – продолжал Воланд, – никогда и ничего не просите! Никогда

и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут! Садитесь, гордая женщина!

Необходимо всегда сохранять чувство собственного достоинства, и это обязательно будет вознаграждено.

Используется в качестве совета, определяющего речевую стратегию поведения человека, который в любых условиях демонстрирует независимость.

**Никогда не разговаривайте
с неизвестными.**

Название первой главы романа М. А. Булгакова
«Мастер и Маргарита» (1928–1940 гг.)

Для героев романа «Мастер и Маргарита» – М. А. Берлиоза и поэта Ивана Бездомного – разговор с неизвестным, который оказался Воландом, закончился плачевно: Берлиоз попал под трамвай, а Бездомный оказался в сумасшедшем доме.

Используется в качестве негласного правила этикета – не начинать и не поддерживать беседу с незнакомыми людьми.

Рукописи не горят.

Афоризм из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1937 г.)

– Простите, не поверю, – ответил Воланд, – этого быть не может. Рукописи не горят. – Он повернулся к Бегемоту и сказал: – Ну-ка, Бегемот, дай сюда роман. Кот моментально вскочил со стула, и все увидели, что он сидел на толстой пачке рукописей.

То, что создано для вечности, нельзя уничтожить. О вечности и нетленности искусства.

Подготовил Алексей ДУНЕВ,
писатель, филолог

За лесами,

за озерами

Белозерье — необъятная земля на севере Вологодской области с городами, деревнями, лесами, реками и озерами, храмами и монастырями. Она богата великими творениями народа, притягательна своей историей и культурой и потому остается счастливым откровением для тех, кто ищет встреч с прекрасным в природе и в делах человека.

Прозрачно-серое жемчужное небо. Неброские краски. Длинные зимы и короткие месяцы лета. Озера и реки, от которых веет глубинным холодом, заповедные чащи и болота... Что привело сюда одиннадцать веков назад наших предков? Энергичные и не боявшиеся риска люди шли сюда в надежде обрести волю — свободу от княжеской власти, от жестоких набегов всадников из южных и восточных степей. К тому же в здешних дремучих лесах водились звери с ценным

мехом, озера и реки изобиловали рыбой. А еще отсюда можно добраться по воде к далеким северным морям, перетащив лодки через небольшие участки суши между реками и озерами, волоком. В Средние века на этой территории возникли ветви Великого Волжского пути, который вел к главной водной дорожке Европы — «из варяг в греки». В X веке у истока реки Шексны возник славянский город, ставший со временем центром Белозерского княжества. В 1352 году эпидемия чумы истребила почти всех его жителей, но он возродился на новом месте — в нескольких верстах к западу.

Древний Карголом, а ныне Белозерск, — один из симпатичнейших провинциальных городов русского Севера. В огромном Белом озере с песчаными берегами вода прохладна даже жарким летом. Оно, разумеется, вовсе не белое, но в часы, когда ветер приводит воду в движение, поднимая со дна ил, в самом деле выглядит белесым.

Когда заберешься на высокие земляные валы, некогда окружавшие здешний кремль, кажется, что стоишь на кромке кратера вулкана.

С высоты вала – двадцать метров внизу просматриваются на территории крепости пятиглавый Спасо-Преображенский собор XVII века и здания позапрошлого столетия. От кремля в сторону прилегающего к нему посада ведет старинный каменный арочный мост... В этом тихом небольшом городке жизнь нетороплива. До любой городской достопримечательности рукой подать. В их числе, помимо озера, Богоявленский храм восемнадцатого столетия и построенная еще раньше деревянная церковь Ильи Пророка, исторические улицы с купеческими особняками. Многие тут говорят о былом процветании города и о его последующем упадке. Когда торговая дорога с юга на север переместилась – купцы стали плавать по Сухоне и Северной Двине, и Белозерье оказалось на периферии экономической жизни страны. Однако с XIV века эта земля прославилась уже не земными богатствами, а духовными.

Северная Фиваида

Сюда, на берега тихих лесных рек и озер, в старину уходили монахи, чтобы в тишине вести разговор с Богом. Вот почему живший в позапрошлом веке писатель, историк и путешественник Андрей Николаевич Мурзьев назвал эти края «Русской Фиваидой на Севере», сравнив его таким образом с местом обитания первых христианских отшельников в египетской пустыне.

Городок Кириллов, сохранивший дух уютной провинции давних веков, тоже стоит на берегу большого озера. Оно называется Сиверским, по имени сурового здешнего ветра Сиверко. Но главная достопримечательность этого места – Кирилло-Белозерский монастырь. Крупнейший по размерам в России, он, благодаря множеству каменных сооружений, напоминает город. Количеством церквей монастырь превосходит даже знаменитую Троице-Сергиеву лавру!

А начался он с небольшой «пещеры» – землянки, которую вырыли в 1397 году на берегу озера два монаха московского Симонова монастыря: Кирилл и Ферапонт. Через некоторое время вместе с учениками Кирилл возвел деревянную Успенскую церковь – она и стала первым стро-

ением монастыря. Ученик Сергия Радонежского Кирилл, имевший большой жизненный опыт, сумел превратить основанный им монастырь в крепкое и процветающее хозяйство. Монастырские владения постоянно приращивались земельными, лесными, речными и озерными угодьями, которые давали зерно, рыбу и строительный лес. Помимо этого здесь была известная на всю округу иконописная мастерская и обширная библиотека, пополнявшаяся переписанными кирилловскими монахами книгами.

Сейчас в этих стенах, как и раньше, монашеская обитель, но значительная часть территории отдана под музей. В монастырских строениях можно увидеть коллекции иконописи, старинных книг и народного искусства. Здесь выставлены около полутора тысяч прялок конца XIX – начала XX веков, собранных в деревнях Русского Севера. Рядом с ними – многочисленные образцы народных тканей и кружев в витринах, костюмы и расписные предметы крестьянского быта.

Сегодня сюда, как в учебный класс, съезжаются будущие архитекторы, потому что тут можно увидеть и храмовые ансамбли шести столетий, и гражданскую архитектуру от произведений ита-

льянских зодчих семнадцатого века до русского классицизма века девятнадцатого, и достижения старинного фортификационного искусства. Ведь монастырь был еще и неприступной крепостью, которую в период Смуты осаждали, но не смогли взять интервенты.

Какими словами можно охарактеризовать панораму Кирилло-Белозерского монастыря с озера? Сила.

Неприступность. Величие. Не случайно называли его Твердыней на Сиверском озере.

Но есть в Белозерье монастыри, чье величие воплощено отнюдь не в камне. Там невольно вспоминаешь библейские пророчества о Граде Небесном и слова апостола Петра о церкви из живых камней – состоящей из людей, объединенных единой верой.

В гости к Нилу

В отличие от величественного Кирилло-Белозерского монастыря обитель преподобного Нила Сорского стоит в стороне от наезженных дорог, как будто прячась среди лесов. Однако это не ме-

Сюда, на берега тихих лесных рек и озер, в старину уходили монахи, чтобы в тишине вести разговор с Богом

шает ей быть одной из известнейших в этих краях.

Ее основатель Нил Сорский, родившийся в 1433 году в крестьянской семье, в юности стал монахом. Отправился паломником на Святой Афон и вернулся в Кирилло-Белозерский монастырь. Но однажды он понял, что его не устраивает жизнь в процветавшем многолюдном монастыре, и ушел в глухой болотистый лес верстах в сорока от него, в излучине реки Соры. Поставил там крест, построил часовню, келью и стал проводить время в уединенной молитве. В своих наставлениях и литературных сочинениях Нил учил «воздвигать совесть к лучшему», «внимать сердцу». Личность этого мудреца-аскета, привлекала сюда людей, искавших ответы на сложные вопросы жизни. Нил и его ученики были сторонниками исихазма, направления в монашестве, которое подразумевает жизнь, связанную с безмолвным уединенным созерцанием и молитвой.

Впрочем, уединенный образ жизни не помешал Нилу и его единомышленникам принять участие в движении нестяжателей, связанном с многолетним спором внутри Русской православной церкви, могут ли монастыри владеть землей и материальными ценностями. Нестяжатели считали, что это противоречит идеалам Евангельской морали, главное же для монаха — не иметь излишнего.

Противоположную точку зрения высказывали иосифляне во главе с Иосифом Волоцким. Спор этот, окончившийся победой иосифлян, имел большое значение для развития религиозной мысли в России.

Нило-Сорская пустынь и по сию пору не утратила духа своего основателя. Пусть в этом глухом месте не сохранились церкви и жилища монахов, построенные при жизни Нила, но облик храмов, возведенных его последователями в XIX веке, Нил, полагаю, одобрил бы. Их архитектура строга и лаконична, ее можно охарактеризовать словами «благородная бедность и красота». Кельи и хозяйственные службы образуют сплошную линию построек по контуру монастыря, выполняя одновременно и роль его стен. От надвратной Покровской церкви мощеная дорожка ведет к Тихвинскому собору, у юго-восточного угла которого находится могила Нила.

В советское время монастырь закрыли, здесь разместили исправительную колонию для преступников, потом инвалидный дом, затем интернат для людей с нарушенной психикой. И только семь лет назад, в праздник Рождества Христова, здесь состоялась первая за девяносто лет церковная служба. И сюда опять, как и при жизни преподобного Нила, потянулись паломники.

...На стене Покровской церкви угадывается на синем фоне старинный образ Спасителя на престоле, а по бокам фигуры Нила Сорского и Николая чудотворца. Смирненные и доверчиво обращенные к Богу.

Если Кирилло-Белозерский монастырь поражает мощью неприступных стен и башен, то Нило-Сорская пустынь смиренно открыта миру. Возможно, ее обитатели сознательно отказались от внешней защиты, открыто демонстрируя внутреннюю стойкость и веру в покровительство Бога.

Что-то удивительно ясное, спокойное разлито в здешнем воздухе. Здесь чувствуешь себя частью огромного мира, растворяешься в природе и обретаешь внутреннюю гармонию, думаешь о смысле бытия, о своем жизненном пути, о важности простых человеческих ценностей — добра, сострадания, терпения и любви.

Сокровища Дионисия

Ферапонтов монастырь, основанный монахом Ферапонтом, невелик: в нем всего четыре небольших каменных храма. Стоят они на холме между Бородаевским и Спасским озерами, которые соединяет небольшая речка. Вокруг луга, рощи, блестящие озера и островки. За годы существования монастырь повидал немало: пожары, разграбления, нашествие захватчиков в Смутное время, гонения и репрессии. Однако, несмотря на превратности судьбы, сохранил и здания свои, и главное свое сокровище — фрески великого иконописца конца XV — начала XVI веков Дионисия. Они наряду с живописью Андрея Рублева и Феофана Грека считаются шедеврами древнерусской живописи. Именно поэтому Ферапонтов

монастырь внесен в список особо охраняемых памятников ЮНЕСКО.

Центр монастыря — каменный собор Рождества Богородицы, построенный в 1490 году. Именно там находятся чудом уцелевшие фрески, которым уже более пятисот лет. Они словно обволакивают тебя со всех сторон невероятно нежными красками. Здесь нет ни одного чистого яркого цвета, художник их как бы смягчает, разбеляет. И судя по всему, таким приемом Дионисий старался вписать свою живопись в окружающую среду. Ведь в здешней природе тоже открытые цвета редки, вся цветовая гамма смягчена.

Поражает живопись Дионисия и тем, с какой свободой он изъясняется на языке античного искусства. Вот, к примеру, фреска западного портала храма, изображающая Рождество Богородицы и сцены ее младенческой жизни. На голубом воздушном фоне — светлые палаты с башенками и колоннами с перекинутыми между ними тканями для защиты от солнца. Среди них непринужденно движутся женщины, полные грации. Их русские лица с мягкими удлиненными овалами изящно обрамляют изысканно простые одежды, достойные древних греков. Запечатленный Дионисием в красках акафист Рождеству Богородицы — хвалебный гимн единству «видимого и невидимого» и «человеческого рода» на земле.

На встречу с фресками Дионисия, можно приезжать вновь и вновь — созерцать и размышлять, наслаждаться цветом и линиями фресок, уникальной атмосферой этих мест.

В этом и состоит смысл культуры — в передаче памяти, тепла предыдущего опыта, которое входит в тебя и переходит к следующим поколениям. Памяти о лучшем, что было на земле.

Илья МЕДОВОЙ
Фото автора

Мои бабушка Люба и дедушка Володя живут под Армавиром в деревне Марьино. Село большое, расположено на левом берегу реки Кубани. Кругом степь, пахнет донником и шалфеем.

Дедушка рассказывал мне, что раньше наше село называлось Мариенфельд, что в переводе с немецкого означает «Марьино поле». Название не случайно. Когда-то здесь проживали семьи обрусевших немцев.

У бабушки большой огород, цветники с красивыми цветами. У дома стоят гордые мальвы разных расцветок. Вдоль забора пышной зеленью раскинулись важные георгины. У дорожек пестреют циннии.

Бабушка ласково кличет их паньчи, или майоры.

Но особенно мне нравится, что у бабушки есть собака. Она вся белая, похожа на полярного медвежонка, мультфильм про которого я очень люблю, поэтому называли её Умка.

Умка любит греться на солнышке, обожает, когда дед отдаёт ему косточку из супа. Пёс долго точит об неё зубы, замурив от удовольствия хитрые карие глаза.

Как-то раз бабушка решила посадить дельфиниум. Соседка тётя Лида дала ей несколько больших корней. В книге про растения мы прочли, что дельфиниум любит солнечные места, защищённые от ветра. При посадке в лунки можно вносить перепревший навоз и компост.

Дедушка выкопал ямки по количеству черенков,

а я насыпала туда «питательную» смесь из навоза и компоста. Умка с любопытством наблюдал за нашими действиями, и когда лунки были готовы для посадки, он всей своей медвежьей тушей бухнулся в них и начал валяться.

Когда я увидела, как наш белоснежный пёс валяется в навозе, я хмыкнула: почему-то вспомнилась Баба-яга из сказки с её присказкой «покатаясь, поваляюся, Ивашкина мясца поевши»!

А бабушке Любе было не до смеха! Умка так измазался в навозе – ну, не пёс, а вылитый поросёнок! Мы решили его искупать. Бабушка налила в большой

пластмассовый тазик нагретой на солнышке воды и поставила туда собаку.

Умка не очень любил воду. Вернее, пить он её любил, а купаться в ней – нет. Пёс начал крутиться, качаться, кряхтеть. Недолго думая, Умка выплескал всю воду из тазика.

Бабушка охнула, взяла ведро и пошла за новой порцией воды. Хитрый пёс воспользовался тем, что сторожить его осталась я, выпрыгнул из тазика и убежал.

Бабушка принесла воду, а тазик пуст! Она попыталась приманить чумазого Умку колбасой, сахарной косточкой, но пёс издали вилял хвостом, а за лакомством не подходил.

Так и остался наш Умка немытым.

Валентина МУРАВСКАЯ, 11 лет, участница творческого объединения «ЛИТОШКА», г. Саров

Умка

Глупый мопс

Один мопс услышал слово «кофейник». Он не знал, что это такое, и стал думать. «Может, кофейник – это муравейник? – размышлял мопс. – А может, это массивик-затейник?»

А кофейник в это время стоял на полке в кухне и думал: «Какой этот мопс глупый! Кофейник – это же я!»

**Мария МИССА, 9 лет,
читательница библиотеки № 225
им. М. Н. Задорнова, г. Москва**

*(Продолжение.
Начало смотрите
на странице 24.)*

За границей эта книга имела успех, но датская критика отнеслась к ней очень странно. Андерсену делали совсем бессмысленные замечания, его попросту ловили на словах и придирались к его поэтическим выражениям, доискиваясь их буквального смысла или не понимая самых простых вещей. Между прочим, его упрекали в самомнении, потому что в одном месте он говорит: «Если бы я был художником, то нарисовал бы эти мосты и башни, но я не художник, а поэт, а потому только пытаюсь писать вариации в лирическом стиле». «Как можно говорить про себя "я поэт". Это нескромно», – упрекали его рецензенты.

Несмотря на значительную литературную известность, доставившую Андерсену внимание самого короля, ему нередко приходилось терпеть унижения из-за своей бедности и низкого происхождения. Король Христиан VIII, который знал его, еще будучи принцем, открыто выказывал ему свое расположение. Тем не менее высшее общество продолжало относиться к Андерсену свысока. Случилось раз, что во время представления пьесы Андерсена король поклонился ему из ложи.

– Вам кланяется король, – шепнул ему сидевший рядом Торвальдсен.

Андерсен не поверил ему, но, взглянувши в королевскую ложу, увидел, что король опять ему кланяется. Тогда Андерсен понял, что приветствие относилось к нему, но не отдал поклон, боясь, что движение его будет дурно истолковано его врагами. На другой день он пошел к королю и лично поблагодарил его за внимание. Через несколько дней после этого он получил приглашение на дворцовый бал, устраиваемый для разных классов общества. Андерсен говорил об этом бале у одного ученого.

– Что вы будете там делать? – спросил его тот.

– Это тот круг, где меня лучше всего принимают, – шутя отвечал Андерсен.

– Но вы к нему не принадлежите, – резко ответил ученый.

Андерсен сделал вид, что не замечает укола, и ответил, смеясь:

– Если король сам кланяется мне из ложи, то я могу быть у него на балу.

– Кланяется вам из ложи? – удивился ученый – Но это еще не дает вам права выстав-
ляться.

– Но ведь на этом балу будут люди всех сословий, значит, и того, к которому принадлежу я, – там будут студенты.

– Да, но какие? – спросил ученый.

Андерсен назвал одного из его родственников.

– Еще бы! Ведь он сын статского советника. А кто был ваш отец?

– Мой отец был простой мастеровой, – ответил Андерсен, – а я с помощью Божией сам завоевал себе то положение, которое у меня есть, и вы, кажется, могли бы это уважать!

В это время Андерсену было уже далеко за 30 лет, и вот как третировали его в том самом кругу, который он по праву мог бы считать своим.

Но поворот к лучшему, начавшийся, как мы уже говорили раньше, со времени выхода в свет «Импровизатора», был замечен. Круг знакомых Андерсена все расширялся. Он приобрел много новых друзей и все больше сближался со старыми. Свободнее всего чувствовал он себя в семействе Коллина, особенно в доме одного из женатых его сыновей. Его молодая жена, веселая, живая и милая женщина, была в самых дружеских отношениях с Андерсеном. Андерсен играл с ее детьми и всегда охотно проводил время в ее доме. Затем он относился очень хорошо к Эрстеду, но ближайшим его другом был композитор Гартман, с которым он виделся ежедневно. В 1830 году приехал в Копенгаген Торвальдсен. Город устроил ему необыкновенно торжественную встречу. Скульптора приняли с великим энтузиазмом, и с тех пор он жил в Дании, окруженный почетом. Быть его другом считалось большой честью. Андерсен принадлежал к числу этих счастливых. Отношения между ним и Торвальдсеном вплоть до смерти последнего оставались самыми теплыми и душевными. Они виделись очень часто и взаимно любили и уважали друг в друге истинных художников, сердечных и честных людей. Торвальдсен был человек открытого и веселого нрава, мужественный и здоровый по натуре. Андерсен очень высоко ставил его как скульптора, а Торвальдсен являлся большим поклонником таланта поэта. Живя в Копенгагене, оба часто встречались в театре. Андерсен имел там в партере, среди людей высшего общества, почетное место по праву писателя, поставившего три пьесы. Он ходил в театр каждый вечер. Это был для него своего рода клуб, где он встречал всех знакомых литераторов, ученых и людей из общества. Чаще всего соседом его оказывался Торвальдсен. Андерсен искренно любил своего знаменитого друга, но, без сомнения, ему так-

же очень льстило внимание великого человека. Вообще Андерсен был далеко не бесчувствен к разного рода отличиям и к милостям сильных мира сего. Он встречался с Торвальдсеном также в имении баронессы Штампе Низоэ. В этом аристократическом семействе он был принят как дорогой гость и проживал иногда целые месяцы в прекрасном имении баронессы. Там же часто жил и Торвальдсен, которого окружали величайшим вниманием. Оба друга охотно работали в прекрасной обстановке деревенского приволья, соединенного с комфортом и приятным обществом.

В Низоэ, так же как и в других богатых домах, где бывал Андерсен, его принимали действительно хорошо и обращались с ним не так, как с бедным малым, которого нужно накормить обедом и поскорее от него отделаться. Его ценили как замечательного человека с исключительным поэтическим талантом. Вероятно, в этих аристократических семействах и выучился Андерсен тому светскому такту, который впоследствии делал его столь желанным гостем при разных мелких дворах. Его импровизаторский талант часто оказывал ему большие услуги. Он очень удачно сочинял стихи и песни, подходящие к случаю, и развлекал этим общество. Эта способность Андерсена сильно забавляла веселого и добродушного Торвальдсена, и Андерсен нередко доставлял подобного рода невинные удовольствия старому скульптору, до самой смерти не потерявшему бодрости и веселости.

Дни, проведенные Андерсеном в гостеприимных аристократических домах среди природы, были едва ли не лучшими в его жизни. Среди природы Андерсен чувствовал себя в своей стихии. Здесь его душа приходила в равновесие, и он всего свободнее предавался творчеству. В городе, особенно в Копенгагене, многое было не по нем: докучливые критики, завистливые собраты по искусству, тысячи неприятностей и, наконец, политика, которой никогда не интересовался Андерсен – этот чистейшей воды поэт и притом оптимист, искавший в жизни и в людях только доброе и прекрасное, что делало его самым настоящим космополитом, самым широким гуманистом. Потому, может быть, ему и не было никакого дела до политики. Всем сердцем любя свой народ и родину, он не считал, однако, Данию первой страной в мире. И как друг всего человечества, мог бы он сказать от души вместе с Шиллером: «Обнимитесь, все народы. Ниц падите, миллионы.

Чувствуешь Творца ты, мир?» Сам он говорил про себя: «Политика – не мое дело. Бог дал мне другое назначение. Я всегда это чувствовал. На озерах, в лесах, на зеленых полях, где выступает аист на своих красных ногах, я не слышал ни о политике, ни о Гегеле, и никто не вступал со мной в полемику. Природа вокруг меня указывала мне на мою миссию».

В этом излюбленном уединении среди природы написал Андерсен роман «Две баронессы» и многие из своих сказок. Первый выпуск сказок вышел вскоре после «Импровизатора»; на следующий год он издал второй выпуск, и так далее. Сказки эти были оценены не сразу. Долго еще датские критики сожалели о том, что Андерсен тратит свое время на детскую литературу, но мало-помалу и в Дании появились настоящие ценители этого совершеннейшего рода андерсеновской поэзии. Сам поэт с годами все больше и больше входил во вкус сочинения сказок. Время от времени он еще писал комедии, которые теперь имели успех, написал биографии своих друзей Гартмана и Торвальдсена, описывал свои путешествия, но все это бледнеет перед его сказками. В них-то и выявилась вся свежесть и прелесть его таланта. В них развертывается бесконечное богатство его фантазии, проявляется вся сила и глубина его поэзии, идеальная чистота души и теплота его сердца.

Мы проследили теперь биографию Андерсена до середины его жизни, даже несколько долее, так как он жил 70 лет, и можем сказать, что юность его была печальна и горька. Он долго жил подавляем, и это нелегко ему давалось. Его поздние школьные годы полны лишений и омрачены тяжелой зависимостью. Его первые шаги на литературном поприще были неудачны, редкие успехи, выпадавшие на его долю, отравлялись недоброжелательством и завистью. Долго бился Андерсен, прежде чем завоевал себе прочное место в литературе. И вот в зрелом возрасте, когда талант его окреп и вышел на настоящую дорогу, популярность его начала возрастать с необыкновенной быстротой. Вся вторая половина жизни Андерсена представляет собой ряд счастливых лет. Число поклонников его таланта постоянно возрастало. Сначала он видел доказательства этого главным образом за границей, преимущественно в Германии и Англии, но потом и упрямая Дания сложила оружие перед его талантом. Несмотря на то, что некоторые из датских писателей и критиков до конца своей жизни оставались врагами Андерсена, общий голос был в его пользу.

ГЛАВА VII

Андерсен в славе. – Еще несколько слов о его сказках. – Поэма «Агасфер». – Автобиография Андерсена. – Его немецкие друзья. – Война 1848 года. – Необыкновенная популярность Андерсена за границей. – Страсть его к путешествиям. – Некоторые черты его характера. – Отношение к женщинам.

ойдя до того момента, когда талант Андерсена окончательно созрел и был признан, мы не будем уже следить за его жизнью шаг за шагом, как делали раньше. Можно сказать, что с этих пор его жизнь становится однообразна в своем разнообразии. Почти ежегодные путешествия, прекрасный прием во всех странах, всевозможные чествования, внимание высокопоставленных особ, любезные письма, ордена, лестные приглашения и время от времени новые книжки сказок – вот общая картина жизни Андерсена за последние 30 лет его существования. Его жизнь в Копенгагене и в деревенских домах аристократических друзей, уже описанная нами, шла своим чередом в промежутках между его многочисленными поездками. Андерсен бывал много раз в Германии и Швеции, посещал Париж и Швейцарию, был еще два раза в Италии и в Англии, объездил Испанию, Португалию и Голландию. Таким образом, он объездил всю Европу и не был только в России, что просто удивительно при его страсти к путешествиям. Почти каждое путешествие свое описывал он в особой книге. Эти книги сами по себе не имеют большого значения, но в них попадались иногда прекрасные сказки, которые впоследствии присоединялись к тому или другому тому по мере того, как он издавался. Мы не будем разбирать сказок поэта отдельно и подвергать их обстоятельной критике. Это повело бы нас слишком далеко и заставило бы переступить рамки настоящего очерка. Упомянем только о том, как возникали эти сказки. Первый выпуск сказок Андерсена, изданный под названием «Сказки для детей», вышел в свет в 1835 году, второй – в 1836, и так далее. Первые его сказки были «Огниво», «Спутник», «Маленькая морская царевна», «Цветы маленькой Иды», «Новое платье короля» и так далее. Почти всякий год выходило несколько новых сказок, иногда по одной, иногда по несколько зараз, и по мере накопления они издавались особым томом. Сюжет некоторых сказок Андерсен заимствовал из народных пре-

даний и песен, придавая им только свою окраску и форму; сюжетом других были рассказы, слышанные в детстве от госпитальных старух, но очень многие сказки являлись плодом фантазии самого автора. Достаточно было самого пустого повода, чтобы в голове Андерсена зародилась мысль, которую он облакал в сказочную форму. Часто на него действовала определенная обстановка и природа. Он сочинял и писал под впечатлением какой-нибудь местности. Так сочинена известная его сказка «Ледяная дева», написанная в Швейцарии, на месте ее действия. «Психея» написана в Риме, «Медный кабан» – во Флоренции или вскоре после пребывания там Андерсена. Некоторые сказки зародились в его голове вследствие какого-нибудь рассказа или слов, слышанных в детстве. Так написана прекрасная сказка «Она никуда не годилась», построенная на разговоре его матери, пожалевшей какую-то бедную соседку. Многие положения и лица в сказках взяты Андерсеном с натуры. Все окружающее наводило его на те или другие мысли; не только люди и животные, но и неодушевленные предметы имели для него значение живых существ. Кто не восхищался его милыми сказками «Стойкий оловянный солдатик», «Кубарь и мячик», «Уличный фонарь», «Свинья с деньгами» и так далее. Всякая мебель, всякая вещь, находящаяся в комнате, обретает под его пером неповторимые черты: кажется, что именно так должен говорить и чувствовать оловянный солдатик, а так воротничок или мячик...

В 1846 году Андерсен жил летом с Торвальдсеном в поместье Низоэ. Как-то раз прочел он вслух свои сказки «Гадкий утенок» и «Влюбленная парочка». Торвальдсен пришел в восторг и воскликнул:

– Ну-ка, напишите нам еще какую-нибудь забавную вещицу. Ведь вы можете написать сказку даже про штопальную иголку!

И Андерсен написал свою известную «Штопальную иглу». Это одна из лучших его сказок, замечательная по тонкому юмору и по жизненности подробностей.

Раз на пароходе по дороге в Ливорно у Андерсена оказалась монета, которую никто не хотел брать, принимая ее за фальшивую. Сначала Андерсена огорчила эта потеря, но потом ему пришла в голову сказка «Серебряная монета», и он совершенно утешился. Таким способом утешался Андерсен иногда и в случаях более серьезных, чем потеря франка. Не одни только явления обыденной жизни служили Андерсену

темой для сказок. Он отзывался на все крупные явления исторической жизни и современного ему культурного и научного прогресса. Таковы его сказки «На дюнах» и «Вольдемар и его дочери», написанные на исторические темы, и связанные с современной общественной жизнью «Подводная змея» и «Дриады».

После второй своей продолжительной поездки за границу Андерсен задумал большую поэму с философской подкладкой, где хотел представить мировую историю. Поэма называлась «Агасфер» и написана в смешанной форме: отчасти в стихах, отчасти в прозе. Произведение это стоило Андерсену немалого труда. Он много читал, основательно занимался историей всех стран, но все-таки поэма не удалась. Друг его Эленшлегер, заранее предсказывавший ему неуспех, оказался совершенно прав. Этот сюжет был не по плечу Андерсену.

В 1846 году в Италии во время страшного летнего жара Андерсен начал писать свою автобиографию, известную под названием «Сказка моей жизни». Эта автобиография, которую он писал и в Дании, и во время путешествий, составляет два больших тома и включает в себе богатейший биографический материал. Она доведена до последнего года его жизни. Лучшая часть ее относится к детству Андерсена, к неудачам и превратностям его судьбы. Здесь попадаются прекрасные страницы. Вторая часть биографии Андерсена вышла в его передаче гораздо бледнее. Автобиография эта, представляющая значительный интерес, имеет большие недостатки. Самое существенное в автобиографии всякого замечательного человека – правдивость и искренность тона. Первая часть автобиографии Андерсена, или, лучше сказать, ее начало, дышит правдой и глубоко прочувствована; вторая же половина при очевидной достоверности фактов написана формально, поверхностно и едва ли вполне искренно...

Когда читаешь вторую часть автобиографии Андерсена, то устаешь наконец от избытка имен с прибавлением слов «любезный», «почтенный», «умный» и так далее. Исключение в этом случае выпало на долю немногих, особенно если принять в соображение длинный ряд лиц, о которых упоминается в книге. Более живыми вышли в передаче Андерсена Диккенс, отчасти Рашель и Мендельсон-Бартольди. Еще можно упомянуть о Йенни Линд, занимающей особое место в его воспоминаниях. Со всеми этими «любезными» и «почтенными» Андерсен был в переписке, которая разрослась в послед-

ние годы его жизни до необычайных размеров. Между своими многочисленными корреспондентами Андерсен более других ценил Диккенса, с которым он, по-видимому, действительно сблизился и к которому чувствовал особую симпатию. Андерсен по неделям жил у Диккенса и описывал свое пребывание у него несравненно теплее и живее, чем многое другое в своей разнообразной скитальческой жизни.

Во время странствий своих Андерсен очень сошелся с несколькими немецкими семействами и вообще пользовался в Германии особенной любовью. Даже война 1833 года не испортила их отношений, и хотя Андерсен в это печальное для его родины время выказал себя горячим патриотом, но не изменил своему космополитизму и все время сожалел о том, что Дания воюет с немцами, которые были ему особенно симпатичны. Тем не менее он несколько лет не входил ни в какие сношения со своими голштинскими и немецкими друзьями. Только через много лет после заключения мира он снова поехал в Германию. Ему было все-таки очень тяжело ехать по местам, служившим театром войны... Популярность Андерсена за границей была удивительна. К нему очень часто подходили знакомиться, узнавая его по портрету. Матери подводили к нему своих детей, мечтавших пожать ему руку и услышать от него хоть одно слово. Едва знакомые люди затаскивали его с улицы к себе в дом, чтобы показать детям, которые упрашивали рассказать им хоть одну сказку. Но особенно лестно было Андерсену, когда он слышал, что книги его имеют влияние.

Замечательно, что Андерсена читали и любили люди всех сословий. Мы расскажем два анекдота, служащие поразительным доказательством его популярности как человека и писателя. Путешествуя по Шотландии, он оставил в отеле на берегу одного из озер пальмовую палку, вывезенную из Неаполя, которой он очень дорожил. Между тем пора было садиться на пароход. Андерсен не имел времени пойти за палкой и поручил своему знакомому переслать ее в Данию. Он доехал до Эдинбурга и на другой день собирался уже отъезжать на пароходе в Лондон. Каково же было его удивление, когда кондуктор поезда, незадолго перед отходом парохода приехавшего из Шотландии, подошел к нему, очевидно узнавши его в толпе, подал ему его палку и с улыбкой проговорил: «Она отлично доехала одна». К палке была прикреплена маленькая дощечка с надписью: «Датскому пи-

сателю Гансу Христиану Андерсену». Она, очевидно, переходила из рук в руки и так нашла дорогу к своему владельцу, причем сначала ехала на пароходе, потом в дилижансе, затем опять на пароходе и наконец в вагоне железной дороги. Можно себе представить, как тронуло это обстоятельство Андерсена.

Но еще более поразительный случай произошел в Америке. Одна знакомая дама писала Андерсену, что ее племянник, служивший где-то в очень дикой части Америки, нашел, охотясь в лесу, дом, где была всего одна книга: «Сказки Андерсена». И книга эта стала для него большим утешением в его одиночестве.

Внимание, которым окружали Андерсена во время его путешествий за границей, поистине удивительно. В его честь устраивались праздники, ему делали подарки, с ним знакомились необыкновенно охотно и принимали его с первого раза как давно знакомого и дорогого человека. Раз в Риме в день его рождения какая-то дама сделала ему необыкновенно трогательный подарок. Она прислала ему букет «из сада импровизатора», то есть действительно из сада, описанного в романе Андерсена, действие которого происходит главным образом в Риме. Такой необыкновенный успех за границей был, конечно, одной из главных причин страсти Андерсена к путешествиям, тем более что в Дании ему еще долго приходилось испытывать на себе доказательства обидного и непонятного недоброжелательства. В 1847 году он побывал в Англии, где его приняли необыкновенно радушно. Не было конца любезностям и почету, которыми окружали его англичане. На возвратном пути он встретил где-то своих соотечественников, приветствовавших его таким образом:

– Ах, это вы, Андерсен! Если бы вы видели, как смешно представлено ваше путешествие по Англии в «Корсаре» (юмористический журнал)! Уморительно! Вы изображены в лавровом венке на голове и с кошельком в руках.

Это было первое приветствие родины после опьяняющего успеха за границей. Но далее его ожидала еще одна, худшая обида. Приехав в Копенгаген, он остановился у открытого окна своей квартиры и смотрел на улицу. Мимо шли два прилично одетых господина. Один из них засмеялся и сказал, указывая пальцем на Андерсена:

– Смотри, вот наш знаменитый иностранный орангутанг!

Худощавая высокая фигура Андерсена с длинными руками, быть может, действительно

немного напоминала обезьяну, но сколько же нужно грубости и недоброжелательства, чтобы бросить ему в лицо подобную фразу! Понятно поэтому, что Андерсен страстно любил путешествовать и считал путешествие лучшим лекарством от всех зол и несчастий. Во время своих скитаний по свету он забывал все горькое, что приходилось ему испытывать дома, и возвращался освеженный, с запасом новых сил и впечатлений.

Единственная неприятность, неизменно сопровождавшая Андерсена во время его зарубежных поездок, – это вечное затруднение с паспортами.

В числе почестей, сыпавшихся на Андерсена в последние годы его жизни, было множество орденов от разных государей. Первый орден, который он получил, – немецкий, а именно прусский орден Красного орла, пожалованный ему в 1846 году королем Фридрихом Вильгельмом; второй он получил от датского короля, третий – от шведского, и так далее. В 1851 году Андерсена сделали профессором, затем статским советником и конференц-советником.

Все эти знаки отличия доставили Андерсену большое удовольствие. Не подлежит никакому сомнению, что он был не только очень самолюбив, но и тщеславен. Эту недостойную слабость особенно странно видеть в человеке, который так осмеивал ее в своих произведениях и выказывал столько презрения к преимуществам богатства и высокого положения. Увы, в жизни он был далеко не таким философом и чувствовал сильное пристрастие ко всякому внешнему блеску и величию.

Андерсен пользовался большим расположением датских королей, в царствование которых протекла его жизнь, и являлся желанным гостем при дворе многих иностранных государей и принцев. Он читал им свои произведения и охотно участвовал в придворных празднествах, прогулках и увеселениях. Такое препровождение времени казалось ему роскошным сном, волшебной сказкой и доставляло какую-то детскую радость. Так же точно радовался он орденам и не идущему ему титулу конференц-советника. В его письмах к эрцгерцогу Саксен-Веймарскому выражается такое благоговение, такое искреннее, бесхитростное восхищение, которые даже странно видеть в зрелом человеке, испытанном жизнью. Такова натура Андерсена. В нем до самого конца оставалось много детского...

Близкие друзья Андерсена, кроме Торвальдсена и Гартмана, склонны были относиться к нему

очень критически и говорили ему часто горькие истины вроде следующих: «Вы хороший человек, но вы о себе ужасно высокого мнения». Несмотря на разные недостатки, приписываемые Андерсену, его очень любили в обществе. Необыкновенная живость, общительность и редкий талант рассказчика делали его чрезвычайно интересным собеседником. Рассказывая про свои путешествия, он весь преображался, само лицо его менялось и казалось почти красивым благодаря тем переживаниям, которые его освещали. Вообще Андерсен любил говорить и говорил очень легко, так же как и писал. При этом он с необыкновенной легкостью сочинял стихи. Поэт Эленшлегер, произведения которого Андерсен любил до страсти, говорил про него, что он слагал плавные и красивые стихи раньше, чем научился писать и читать.

Неудивительно, что при нежном сердце и ясном взгляде на жизнь он приобрел такую массу друзей. Прибавим еще, что, несмотря на всемирную известность, на почетные титулы, ордена и постоянные сношения с высокопоставленными особами, Андерсен всегда оставался простым человеком, доступным для всех, и среди разных чествований, от которых у него буквально кружилась голова, особенно любил вспоминать про то время, когда бегал в дырявых сапогах по улицам Копенгагена, питался чем Бог пошлет и читал книжки, купленные на последние гроши у букинистов. Эти воспоминания наполняли его душу умилением и глубокой благодарностью к людям и к Богу, в которого он горячо верил. Несмотря на его наивное благоговение перед высокопоставленными особами, он особенно ценил, когда ему выражали симпатию люди из народа. Так, Андерсену очень приятно было узнать, что кучер одного из его знакомых пришел в хорошее расположение духа, побывавши на представлении пьесы Андерсена, в которой проводилась та мысль, что бедные люди могут быть не менее счастливы, чем богатые. Еще больше удовольствия доставил Андерсену один бедный мастеровой, подошедший к нему в театре после представления его пьесы. Мастеровой пожал ему руку и сказал: «Спасибо, господин сочинитель Андерсен, какая поучительная и хорошая пьеса!» Андерсен говорил, что эти слова лучше самых блестящих оваций. Прибавим еще последнюю черту к нашей характеристике Андерсена: его бескорыстие. Едва ли найдется много людей, которые бы меньше его думали о своих выгодах при сношениях с влиятельными и высокопоставленными лицами. То небольшое,

что имел он помимо заработка, то есть пенсия, получаемая им сначала в размере 200 рублей, а потом увеличенная почти до 1800 рублей, досталось ему стараниями его друзей или по личному желанию короля. Андерсен просил только раз в жизни, когда нуждался в путевой стипендии, причем действовал почти против желания и очень неловко.

Конечно, при его скромных требованиях и отсутствии семьи ему было достаточно этой пенсии и доходов с книг и пьес, но он проживал почти все, что у него имелось. Без сомнения, большая часть денег уходила на путешествия. При этом он доставлял себе иногда удовольствие повезти на свой счет за границу кого-нибудь из друзей. Нужно думать, что Андерсен немало помогал бедным, хотя он нигде об этом не упоминает и говорит только о массе получавшихся им письменных просьб. Вероятно, эти письма не всегда оставались без ответа. Другой на его месте, может быть, сумел бы даже составить себе порядочное состояние, но Андерсен не принадлежал к тем, кто способен копить. Он никогда не был богат, а если получал неожиданные деньги, то ехал лишний раз за границу и брал с собой кого-нибудь из близких друзей. Однажды, когда у него не хватило денег, он не задумался продать свои ордена... События последних тридцати лет его жизни заставили Андерсена забыть впечатления прежних обид. Он считал себя необыкновенно счастливым человеком. Вот какими словами начинается его автобиография:

«Моя жизнь – прекрасная, роскошная сказка. Если бы в то время, когда я вступил в свет маленьким, бедным, одиноким мальчиком, ко мне явилась всемогущая фея и сказала: «Выбирай свою цель и направление, а я буду тебя наставлять и защищать» – моя судьба не могла бы быть счастливее, умнее и лучше. Моя жизнь скажет миру то же, что она сказала мне: есть милосердный Бог, который все приводит к лучшему».

Последняя фраза особенно характерна для Андерсена. Светлый и радостный оптимизм ее можно проследить во всех его произведениях. Он не верил ни во что окончательно дурное и находил, что все хорошо кончается. Даже сказка его «Ледяная дева», несмотря на свой крайне печальный конец, завершается фразой: «Все к лучшему»...

Между прочим, может показаться странным, что Андерсен не страдал от отсутствия семьи. У него были братья и сестры по духу, были люди,

к которым он относился как к родителям. Что же касается его отношений к женщинам, то они носили совсем особую окраску. Сам он упоминает только об одной привязанности к женщине. Это была его первая несчастная любовь, которую Андерсен долго не мог забыть. Он не имел успеха у женщин. Они смотрели на него как на милого товарища, брата, и только. Андерсен был слишком женствен по натуре, чтобы возбуждать к себе иные чувства. Без сомнения, ему вредила также некрасивая наружность. В молодости Андерсен, вероятно, страдал от такого отношения к себе женщин, но потом свыкся с ролью их друга и вполне довольствовался своим положением. Его взгляд на женщин отличался возвышенным, идеальным характером. Он глубоко уважал женщин и особенно ценил в них чистоту, сердечность и чуткость. Как и во всем остальном, в отношении Андерсена к женщинам всегда преобладала духовная сторона над материальной. В жизни он был такой же идеалист и романтик, как и в своих произведениях.

Из всех женщин, имевших влияние на Андерсена, первое место занимала известная шведская певица Йенни Линд. Андерсен познакомился с ней в Копенгагене, когда она приезжала туда в первый раз. Они встретились у общих знакомых. В тот раз она не показалась ему замечательной как женщина, но сразу поразила его своим пением и драматическим талантом. Ни одна певица не производила на него такого сильного впечатления. Восхищала она его также как актриса, умеющая соединять женственную грацию и чистоту с драматизмом, глубокой жизненной правдой и простотой. Но больше всего ценил он в ней страстную любовь к своему искусству. Йенни Линд была весталкой искусства, как выражается Андерсен. Чистота ее жизни и возвышенность характера действовали на Андерсена до того обаятельно, что, по его словам, только глядя на нее, он научился ценить искусство так высоко, как оно им ценилось. Йенни Линд очень любила Андерсена, называла его братом и при встречах с ним в Дании и за границей выказывала ему всегда самые дружеские чувства. Между прочим, она была большой поклонницей его таланта. Отношение к ней Андерсена было совершенно исключительное. Оно похоже на почтительную и восторженную любовь человека, не имеющего никакой надежды на взаимность и поклоняющегося прекрасной звезде, облагораживающей и вдохновляющей его своим сиянием. Мы ду-

маем, что только особая деликатность и стыдливость, свойственные женственной натуре Андерсена, заставляют его умалчивать о том, что именно такое чувство внушала ему эта необыкновенная женщина, представляющая редкий тип истинной артистки, для которой искусство было святыней и которая сумела сохранить идеальную чистоту на театральных подмостках.

Чтобы довершить картину отношения Андерсена к женщинам, мы считаем уместным рассказать один маленький анекдот, случившийся с ним в Париже. Однажды Андерсен отправился в знаменитый Баль-мабиль, где провел не более четверти часа. Какой-то знакомый указал ему на развеселую парижскую красавицу и спросил:

– Что скажете вы о такой поэзии и о таком личике?

К большой обиде красавицы Андерсен посмотрел на луну, сиявшую полным блеском, и сказал:

– Мне больше нравится вот это старое, но вечно юное лицо.

– Monsieur! – воскликнула оскорбленная парижанка. Пренебрежение некрасивого поэта к ее прелестям было слишком очевидно.

ГЛАВА VIII

Празднества в честь Андерсена. – Семидесятилетняя годовщина. – Начало болезни – Памятник. – Последние дни жизни и смерть Андерсена.

Андерсен мог бы считать себя вполне счастливым, если бы последние годы его жизни не омрачились сначала тяжелым общественным бедствием, а потом болезнью. Несчастная война 64-го года была для Андерсена временем тяжелых испытаний. Он невыносимо страдал, переживая неудачи, выпавшие на долю его родины. Все время находился он в подавленном, печальном настроении, почти ничего не писал и лихорадочно следил за ходом военных действий. По его словам, этот год был самым тяжелым в его жизни и все печали и неудачи его молодости бледнеют перед этим общественным бедствием.

Наступило наконец время, когда и Дания возвеличила Андерсена, признавши то, что давно уже было признано другими странами. В 1867 году Андерсен получил первое доказательство

своей популярности также и в Дании. В этом году его родной город Оденсе устроил в честь знаменитого писателя особое празднество. Весь город был разукрашен флагами и гирляндами, и школьники были освобождены от занятий, но главное торжество происходило в ратуше. Там при большом стечении народа Андерсену поднесли диплом почетного гражданина. В его честь был устроен обед и бал, говорились речи и пелись песни со словами его сочинения. Громадная толпа народа провожала любимого писателя из ратуши до дверей его квартиры. Вечером в городе зажгли иллюминацию, так что Андерсен невольно вспомнил предсказание знахарки. Празднество длилось несколько дней, и знаки внимания и симпатии граждан родного города глубоко взволновали и растрогали Андерсена.

Через два года после этого, в день пятидесятилетней годовщины прибытия Андерсена в Копенгаген, город этот устроил ему еще более торжественный праздник. Комната его была засыпана цветами. Он получил больше пятидесяти роскошных букетов. В его честь опять давали торжественный обед, говорились речи, и было получено множество поздравительных телеграмм со всех концов света, в том числе и от датского короля. Сочувствие было всеобщее и полное. Андерсен был счастлив, растроган и утомлен донельзя.

Теперь Андерсен чувствовал себя настолько счастливым, что ничего более не желал. Но ему не раз приходила в голову мысль: «Долго ли еще продлится это счастье? Много ли остается мне жить?» Предчувствие его не обманывало, так как на 66-м году жизни уже начались его старческие болезни, проявившиеся вначале припадками кашля и ревматизма.

Болезнь Андерсена усилилась после несчастного случая во время одной из его поездок за границу, когда он сильно расшибся, упав с постели. По определению врачей, у него был рак печени. Он чувствовал боль в боку, слабость и судорожные сжатия в сердце.

Друзья не оставляли Андерсена во время болезни. Между прочим, его неоднократно посещал наследный принц, и раз даже был у него сам король. Вообще его не забывали.

Уже вторую зиму Андерсен принужден был не покидать своих комнат. Обыкновенно он проводил Рождество у кого-нибудь из своих деревенских друзей и присутствовал на елке. Отказаться от этого удовольствия было ему очень тяжело, так что на третью зиму его хорошая знакомая г-жа Мельхиор устроила для больного

писателя елку в его квартире, причем сделала так, что он не заметил приготовлений. Это невинное удовольствие доставило писателю много радости.

Врачи посоветовали Андерсену поездку на юг, но путешествие на этот раз не принесло ему почти никакой пользы. Болезнь его продолжала развиваться. Он был все время очень слаб, ноги его не слушались, нервы пришли в сильное расстройство. Все его волновало. Малейшая неприятность уже казалась ему несчастьем. Между прочим, очень раздражали его неверные сведения о его жизни, появившиеся в американских газетах.

Но особенно тяжело было Андерсену видеть упадок своего творчества. В последние годы он не писал уже сказок и мог сочинять только мелкие стихотворения. Последняя его сказка была «Садовник и господина». Значительно утешило Андерсена еще одно проявление его популярности среди соотечественников: зимой 1875 года, в день его рождения, к нему явилась депутация и прочла адрес, в котором говорилось, что по приказу короля Андерсену будет поставлен памятник в королевском саду. Старый писатель был глубоко взволнован этой новой честью. В ответной речи он упомянул о том, как приятен ему выбор места для памятника. «Помню, — сказал он, — как в тяжелые дни я часто ходил в этот сад и ел сухой хлеб в одной из пустынных аллей, а теперь мне ставят здесь памятник».

Однако разговоры о памятнике чрезвычайно волновали Андерсена. Ему не нравилась ни одна из моделей скульпторов, изображавших его непременно окруженным детьми. Он вовсе не считал себя исключительно детским писателем и был, конечно, совершенно прав.

Последнее лето своей жизни Андерсен провел у своих друзей Мельхиоров в загородной вилле Ролигед на берегу моря, в прекрасной местности. Силы его быстро угасали. Сначала он выходил из своей комнаты и немного гулял по саду или сидел на берегу моря, потом прекратились и эти прогулки. По целым дням больной лежал в полузабытии с закрытыми глазами. Под конец у него началась водянка ног и постоянный кашель, но состояние его духа в эти последние дни отличалось удивительной ясностью и спокойствием.

— Мне было бы совсем хорошо, если бы не кашель и не слабость, — говорил он — Люди так добры ко мне, мир так прекрасен.

Последние дни Андерсен был почти без сознания, но когда приходил в себя, то постоянно

возвращался к своей литературной деятельности. За несколько дней до смерти он продиктовал г-же Мельхиор небольшое стихотворение.

Андерсен умер в ночь с 3-го на 4-е августа совершенно тихо, во сне. Восемь дней спустя после кончины его тело перевезли в Копенгаген и поставили в одной из больших церквей.

Несметное количество народа пришло поклониться дорогому праху. Гроб любимого писателя положительно тонул под массой цветов и венков, присланных со всех концов света. В церкви присутствовала и королевская семья.

Так чествовали память сына бедного башмачника, который когда-то бегал в деревянных башмаках по улицам родного города, мечтая о славе. Детские мечты его сбылись, и действительность даже превзошла его честолюбивые грезы.

И вот, проследив до конца жизнь величайшего датского писателя, мы можем сказать вместе с ним, что жизнь его походила на прекрасную сказку, полную разнообразных и неожиданных превращений. Сам он, со своим скромным началом, золотыми грезами и блестящим концом, вполне годится в герои одной из своих сказок. Редкий писатель представляет такое полное соответствие личного характера и своих произведений, как Андерсен. Главные черты как самого автора, так и его произведений – возвышенная поэзия и гуманное, светлое миросозерцание.

Пока люди будут признавать за искусством способность возвышать душу и примирять с жизнью, до тех пор будут они ценить и творения Андерсена, оставившего миру столько сокровищ поэзии.

1892 г.

Константин Паустовский **ВЕЛИКИЙ СКАЗОЧНИК**

Мне было всего семь лет, когда я познакомился с писателем Кристианом Андерсеном.

Случилось это в зимний вечер 31 декабря 1899 года – всего за несколько часов до наступления двадцатого столетия. Веселый детский сказочник встретил меня на пороге нового века.

Он долго рассматривал меня, прищурив один глаз и посмеиваясь, потом достал из кармана

белоснежный душистый платок, встряхнул им, и из платка выпала большая белая роза. Сразу же вся комната наполнилась ее серебряным светом и непонятным медленным звоном. Оказалось, что это звенят лепестки розы, ударившись о кирпичный пол подвала, где жила тогда наша семья.

Я должен сказать, что этот случай с Андерсеном был тем явлением, которое старомодные писатели называли «сном наяву».

Просто это мне, должно быть, привиделось.

В этот зимний вечер, о котором я рассказываю, у нас в семье украшали елку. По этому случаю взрослые отправили меня на улицу, чтобы я раньше времени не радовался этой елке.

Я никак не мог понять, почему нельзя радоваться раньше какого-то твердого срока. Помоему, радость была не такая частая гостья в нашей семье, чтобы заставлять нас, детей, томиться, дожидаясь ее прихода.

Но, как бы там ни было, меня усадили на улицу. Наступило то время сумерек, когда фонари еще не горели, но могли вот-вот зажечься. И от этого «вот-вот», от ожидания внезапно вспыхивающих фонарей, у меня замирало сердце. Я хорошо знал, что в зеленоватом газовом свете тотчас появятся в глубине зеркальных магазинных витрин разные волшебные вещи: коньки «снегурки», витые свечи всех цветов радуги, маски клоунов в маленьких белых цилиндрах, оловянные кавалеристы на горячих гнедых лошадях, хлопушки и золотые бумажные цепи. Непонятно почему, но от этих вещей сильно пахло клейстером и скипидаром. Я знал со слов взрослых, что вечер 31 декабря 1899 года был совершенно особенный. Чтобы дожждаться такого же вечера, нужно было прожить еще сто лет. А это, конечно, почти никому не удастся.

Я спросил у отца, что значит «особенный вечер». Отец объяснил мне, что этот вечер называется так потому, что он не похож на все остальные.

Действительно, зимний вечер в последний день 1899 года был непохож на все остальные. Снег падал медленно и важно, и хлопья его были такие большие, что казалось, с неба слетают на город легкие белые розы. И по всем улицам слышался глухой перезвон извозчицких бубенцов.

Когда я вернулся домой, елку тотчас зажгли, и в комнате началось такое веселое потрескивание свечей, будто вокруг лопались сухие стручки акации.

Около елки лежала толстая книга – подарок от мамы. Это были сказки Ханса Кристиана Андерсена.

Я сел под елкой и раскрыл книгу. В ней было много разноцветных картинок, прикрытых папиросной бумагой.

Приходилось осторожно отдувать эту бумагу, чтобы увидеть картинки, еще липкие от краски.

Там сверкали бенгальским огнем стены снежных дворцов, дикие лебеди летели над морем, в котором, как лепестки цветов, отражались розовые облака, и оловянные солдатики стояли на часах на одной ноге, сжимая длинные ружья.

Я начал читать и зачитался так, что, к огорчению взрослых, почти не обратил внимания на нарядную елку.

Прежде всего я прочел сказку о стойком оловянном солдате и маленькой прелестной плесунье, потом – сказку о снежной королеве. Удивительная и, как мне показалось, душистая, подобно дыханию цветов, человеческая доброта исходила от страниц этой книги с золотым обрезом. Потом я задремал под елкой от усталости и жара свечей и сквозь эту дремоту увидел самого Андерсена. С тех пор мое представление о нем всегда было связано с этим приятным сном.

Тогда я еще не знал, конечно, двойного смысла андерсеновских сказок. Я не знал, что в каждой детской сказке заключена вторая, которую в полной мере могут понять только взрослые.

Это я понял гораздо позже. Понял, что мне просто повезло, когда в канун трудного и великого двадцатого века мне встретился милый чудак и поэт Андерсен и научил меня светлой вере в победу солнца над мраком и доброго человеческого сердца над злом. Тогда я уже знал пушкинские слова: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» – и был почему-то уверен, что Пушкин и Андерсен были закадычными друзьями и, встречаясь, хлопали, наверное, друг друга по плечу и смеялись.

Биографию Андерсена я узнал значительно позже. С тех пор она всегда представлялась мне в виде интересных картин, похожих на рисунки к его рассказам.

Андерсен всю свою жизнь умел радоваться, хотя детство его не давало для этого никаких оснований. Родился он в 1805 году, во время наполеоновских войн, в старом датском городе Оденсе, в семье сапожника.

Оденсе лежит в одной из котловин среди низких холмов на острове Фюн. В котловинах на этом острове почти всегда застаивался туман, а

на вершинах холмов цвел вереск и уныло шумели сосны.

Если хорошенько подумать, на что был похож Оденсе, то, пожалуй, можно сказать, что он больше всего напоминал игрушечный город, вырезанный из почернелого дуба.

Недаром Оденсе славился своими резчиками по дереву. Один из них, средневековый мастер Клаус Берг, вырезал из черного дерева огромный алтарь для собора в Оденсе. Алтарь этот, величественный и грозный, наводил оторопь не только на детвору, но даже на взрослых.

Но датские резчики делали не только алтари и статуи святых, — они предпочитали вырезать из больших кусков дерева те фигуры, что, по морскому обычаю, украшали форштевни парусных кораблей.

То были грубые, но выразительные статуи мадонн, морского бога Нептуна, nereид, дельфинов и изогнувшихся морских коньков. Эти статуи раскрашивали золотом, охрой и кобальтом, причем клали краску так густо, что морская волна не могла в течение многих лет смыть ее или повредить.

По существу, эти резчики корабельных статуй были поэтами моря и своего ремесла. Не зря же из семьи такого резчика вышел один из величайших скульпторов XIX века, друг Андерсена, датчанин Бертель Торвальдсен.

Маленький Андерсен видел замысловатые работы резчиков не только на кораблях, но и на домах Оденсе. Должно быть, он знал в Оденсе тот старый-престарый дом, где год постройки был вырезан на деревянном толстом щите в рамке из тюльпанов и роз. Там же было вырезано целое стихотворение, и дети выучивали его наизусть. Он даже описал этот дом в одной из своих сказок.

А у отца Андерсена как у всех башмачников, висела над дверью деревянная вывеска с изображением орла с парой голов – в знак того, что башмачники всегда шьют только парную обувь.

Дед Андерсена тоже был резчиком по дереву. В старости он занимался тем, что вырезал всякие причудливые игрушки – людей с птичьими головами или коров с крыльями – и раздаривал эти фигурки соседским мальчишкам. Дети радовались, а родители, как водится, считали старого резчика слабоумным и дружно насмеялись над ним.

Андерсен вырос в бедности. Единственной гордостью семьи Андерсенов была необыкновенная чистота в их доме, ящик с землей, где густо

разрастался лук, и несколько вазонов на окнах. В них цвели тюльпаны. Их запах сливался с дребезжащим перезвоном колоколов, стуком отцовского сапожного молотка, лихой дробью барабанщиков около казармы, свистом флейты бродячего музыканта и хриплыми песнями матросов, выводивших по каналу неуклюжие барки в соседний фиорд.

По праздникам матросы устраивали борьбу на узкой доске, перекинутой с борта одного корабля на другой. Победенный падал в воду под хохот зрителей.

Во всем этом небогатом разнообразии людей, небольших событий, красок и звуков, окружавших тихого мальчика, он находил повод для того, чтобы выдумывать невероятные истории.

Пока он был еще слишком мал, чтобы решиться рассказывать эти истории взрослым. Решимость пришла позже. Тогда оказалось, что эти истории называются сказками, дают людям повод для размышления и приносят им много радости.

В доме у Андерсенов у мальчика был только один благодарный слушатель – старый кот по имени Карл. Но у Карла был крупный недостаток: кот часто засыпал, не дослушав до конца интересную сказку. Кошачьи годы, как говорится, брали свое. Но мальчик не сердился на старого кота: он все ему прощал за то, что Карл никогда не позволял себе сомневаться в существовании колдуний, хитреца Клумпедумпе, догадливых трубочистов, говорящих цветов и лягушек с бриллиантовыми коронами на голове.

Первые сказки мальчик услышал от отца и старух из соседней богадельни. Весь день эти старухи пряли, сгорбившись, серую шерсть и бормотали свои нехитрые рассказы. Мальчик переделывал эти рассказы по-своему, украшая их, как бы расцвечивая свежими красками, и в неузнаваемом виде снова рассказывал их, но уже от себя, богаделкам. А те только ахали и шептались между собой, что маленький Кристиан слишком умен и потому не заживется на свете.

Прежде чем рассказывать дальше, надо остановиться на том свойстве Андерсена, о котором я уже вскользь говорил: на его умении радоваться всему интересному и хорошему, что попадает на каждой тропинке и на каждом шагу.

Пожалуй, неправильно называть это свойство умением.

Гораздо вернее назвать его талантом, редкой

способностью замечать то, что ускользает от ленивых человеческих глаз.

Мы ходим по земле, но часто ли нам приходится в голову желание нагнуться и тщательно рассмотреть эту землю, рассмотреть все, что находится у нас под ногами. А если бы мы нагнулись или даже больше – легли бы на землю и начали рассматривать ее, то на каждой пяди мы бы нашли много любопытных и прекрасных вещей.

Разве не прекрасен сухой мох, рассыпающийся из своих кувшинчиков изумрудную пыльцу, или цветок подорожника, похожий на сиреневый пышный султан? Или обломок перламутровой ракушки, такой крошечный, что из него нельзя сделать даже карманное зеркальце для куклы, но достаточно большой, чтобы бесконечно переливаться и блестеть таким же множеством опаловых красок, каким горит на вечерней заре небо над Балтикой?

Разве не прекрасна каждая травинка, наполненная пахучим соком, и каждое летучее семечко липы? Из него обязательно вырастает могучее дерево, и однажды тень от его листвы стремительно рванется от порывистого ветра и разбудит девушку, уснувшую в саду. И она медленно откроет глаза, полные свежей синевы и восхищения перед зрелищем поздней весны.

Да мало ли что увидишь у себя под ногами! Обо всем этом можно написать поэмы, рассказы и сказки – такие сказки, что люди будут только качать головами от удивления и говорить друг другу: «Откуда только взялся такой благословенный дар у этого долговязого сына башмачника из Оденсе? Должно быть, он все-таки колдун!» Но детей вводит в волшебный мир сказки не только народная поэзия, но и театр. Спектакль дети почти всегда принимают как сказку.

Яркие декорации, свет масляных ламп, бряцание рыцарских доспехов, гром музыки, подобный грому сражения, слезы принцесс с синими ресницами, рыжебородые злодеи, сжимающие рукоятки зазубренных мечей, пляски девушек в воздушных нарядах – все это никак не походит на действительность и, конечно, может происходить только в сказке.

В Оденсе был свой театр. Там маленький Кристиан впервые увидел пьесу с романтическим названием – «Дунайская дева». Он был ошеломлен этим спектаклем и с тех пор стал ярым театралом на всю свою жизнь, до самой смерти.

Но на театр не было денег. И мальчик заменил подлинные спектакли воображаемыми. Он подружился с городским расклейщиком афиш

Петером, начал помогать ему, а за это Петер дарил Кристиану по одной афише каждого нового спектакля.

Кристиан приносил афишу домой, забивался в угол и, прочитав название пьесы и имена действующих лиц, тут же выдумывал свою захватывающую дух пьесу, под тем же названием, которое стояло на афише.

Выдумывание это длилось по нескольку дней. Так создавался тайный репертуар детского воображаемого театра, где мальчик был всем: автором и актером, музыкантом и художником, осветителем и певцом. Андерсен был единственным ребенком в семье и, несмотря на бедность родителей, жил вольно и беззаботно. Его никогда не наказывали. Он занимался только тем, что мечтал. Это обстоятельство помешало ему вовремя научиться грамоте: он одолел ее позже, чем все мальчики его возраста.

Больше всего времени Кристиан проводил на старой мельнице на реке Оденсе. Мельница эта вся тряслась от старости, окруженная обильными брызгами и потоками воды. Зеленые бороды тяжелой тины свешивались с ее дырявых лотков. У берегов запруды плавали в ряске ленивые рыбы.

Кто-то рассказал мальчику, что прямо под мельницей, на другом конце земного шара, находится Китай и что китайцы довольно легко могут прокопать подземный ход в Оденсе и внезапно появиться на улицах заплесневелого датского городка в красных атласных халатах, расшитых золотыми драконами, и с изящными веерами в руках. Мальчик долго ждал этого чуда, но оно почему-то не произошло. Кроме мельницы, еще одно место в Оденсе привлекало маленького Кристиана. На берегу канала была расположена усадьба старого отставного моряка. В своем саду моряк установил несколько маленьких деревянных пушек и рядом с ними – высокого, тоже деревянного, солдата.

Когда по каналу проходил корабль, пушки стреляли холостыми зарядами, а солдат палил в небо из деревянного ружья. Так старый моряк салютовал своим счастливым товарищам – капитанам, еще не ушедшим на пенсию.

Несколько лет спустя Андерсен попал в эту усадьбу уже студентом. Моряка не было в живых. Юного поэта встретил среди цветочных клумб рой красивых и задорных девушек – внучек старого капитана.

Впервые тогда Андерсен почувствовал любовь к одной из этих девушек, — любовь, к сожалению, безответную и туманную. Такими же были

все увлечения женщинами, случавшиеся в его беспокойной жизни.

Кристиан мечтал обо всем, что только могло прийти ему в голову. Родители же мечтали сделать из мальчика хорошего портного. Мать учила его кроить и шить. Но мальчик если что-либо и шил, то только пестрые платья из шелковых лоскутков для своих театральных кукол (у него уже был свой собственный домашний театр. А вместо кройки он научился виртуозно вырезать из бумаги замысловатые узоры и маленьких танцовщиц, делающих пируэты.

Этим искусством он поражал всех даже в годы своей старости. Умение делать прочные швы впоследствии пригодилось Андерсену. Он так перемарывал рукописи, что на них не оставалось места для поправок, – тогда Андерсен выписывал эти поправки на отдельных листках и тщательно вшивал их нитками в рукопись: ставил на ней заплатки.

Когда Андерсену исполнилось четырнадцать лет, умер его отец. Вспоминая об этом, Андерсен говорил, что всю ночь над умершим пел сверчок, в то время как мальчик всю ночь проплакал.

Так под песню запечного сверчка ушел из жизни застенчивый башмачник, ничем не замечательный, кроме того, что он подарил миру своего сына – сказочника и поэта.

Вскоре после смерти отца Кристиан отпросился у матери и на жалкие сбереженные гроши уехал из Оденсе в столицу Копенгаген завоевывать счастье, хотя он сам еще толком не знал, в чем оно заключается.

В сложной биографии Андерсена нелегко установить то время, когда он начал рассказывать свои первые прелестные сказки.

С раннего детства его память была полна разных волшебных историй, но они лежали под спудом. Юноша Андерсен считал себя кем угодно – певцом, танцором, декламатором, поэтом, сатириком и драматургом, но только не сказочником. Несмотря на это, отдельный голос сказки давно слышался то в одном, то в другом его произведении, как звук чуть затронутой и тотчас же отпущенной струны.

Не помню, кто из писателей сказал, что сказки делаются из того же вещества, из которого состоят сны.

Во сне частности нашей реальной жизни свободно и причудливо соединяются во множестве комбинаций, как разноцветные стеклышки в калейдоскопе. Ту работу, которую проводит во сне сумеречное сознание, во время бодрство-

вания совершает наше безграничное воображение.

Отсюда, очевидно, и возникла мысль о сходстве снов и сказок.

Свободное воображение ловит в окружающей нас жизни сотни частных и соединяет их в стройный и мудрый рассказ. Нет ничего, чем пренебрег бы сказочник: будь то горлышко пивной бутылки, капля росы на пере, потерянном иволгой, или заржавленный уличный фонарь. Любая мысль – самая могучая и великолепная – может быть выражена при дружеском содействии этих незаметных и скромных вещей.

Что толкнуло Андерсена в область сказки?

Сам он говорил, что легче всего писал сказки, оставаясь наедине с природой, «слушай ее голос», особенно в то время, когда он отдыхал в лесах Зеландии, почти всегда окутанных неплотным туманом и дремлющих под слабым мерцанием звезд. Далекий ропот моря, долетавший в чащу этих лесов, придавал им таинственность.

Но мы также знаем, что многие свои сказки Андерсен писал среди зимы, в разгар детских елочных праздников, и придавал им нарядную и простую форму, свойственную елочным украшениям.

Что говорить! Приморская зима, ковры снегов, треск огня в печах и сияние зимней ночи – все это располагает к сказке.

А может быть, толчком к тому, что Андерсен стал сказочником, послужил один случай в Копенгагене.

Маленький мальчик играл на подоконнике в старом копенгагенском доме. Игрушек было не так уж много – несколько кубиков, старая бесхвостная лошадь из папье-маше, много раз уже выкупанная и потому потерявшая масть, и сломанный оловянный солдатик.

Мать мальчика, молодая женщина, сидела у окна и вышивала. В это время в глубине пустынной улицы со стороны Старого порта, где усыпительно и монотонно покачивались в небе реи кораблей, показался высокий и очень худой человек в черном. Он быстро шел несколько скачущей, неуверенной походкой, размахивая длинными руками, и говорил сам с собой.

Шляпу он нес в руке, и потому был хорошо виден его большой покатым лоб, орлиный тонкий нос и серые сощуренные глаза.

Он был некрасив, но изящен и производил впечатление иностранца. Душистая веточка мяты была воткнута в петлицу его сюртука.

Если бы можно было прислушаться к бормо-

танию этого незнакомца, то мы бы услышали, как он чуть нараспев читал стихи:

Я сохранил тебя в своей груди,

О роза нежная моих воспоминаний...

Женщина за пальцами подняла голову и сказала мальчику:

— Вот идет наш поэт, господин Андерсен. Под его колыбельную песню ты так хорошо засыпaeшь.

Мальчик посмотрел исподлобья на незнакомца в черном, схватил своего единственного хромого солдата, выбежал на улицу, сунул солдата в руку Андерсену и тотчас убежал.

Это был неслыханно щедрый подарок, и Андерсен понял это.

Он воткнул солдата в петлицу сюртука рядом с веточкой мяты, как драгоценный орден, потом вынул платок и слегка прижал его к глазам, – очевидно, недаром друзья обвиняли его в чрезмерной чувствительности.

А женщина, подняв голову от вышивания, подумала: как хорошо и вместе с тем трудно было бы ей жить с этим поэтом, если бы она могла полюбить его. Вот, говорят, что даже ради молодой певицы Иенни Линд, в которую он был влюблен, – все звали ее «ослепительной Иенни», – Андерсен не захотел отказаться ни от одной из своих поэтических привычек и выдумок...

А этих выдумок было много. Однажды он даже придумал прикрепить к мачте рыбацкой шхуны золотую арфу, чтобы слушать ее жалобное пение во время угрюмых северо-западных ветров, постоянно дующих в Дании.

Андерсен считал свою жизнь прекрасной, но, конечно, лишь в силу детской своей жизнерадостности. Эта незлобивость по отношению к жизни обычно бывает верным признаком внутреннего богатства. Таким людям, как Андерсен, нет охоты растрачивать время и силы на борьбу с житейскими неудачами, когда вокруг так явственно сверкает поэзия, и нужно жить только в ней, жить только ею и не пропустить то мгновение, когда весна прикоснется губами к деревьям. Как бы хорошо никогда не думать о житейских невзгодах!

Что они стоят по сравнению с этой благодатной, душистой, ослепляющей весной!

Андерсену хотелось так думать и так жить, но действительность совсем не была милостива к нему.

Было много, слишком много огорчений и обид, особенно в первые годы в Копенгагене, в годы нищеты и пренебрежительного покрови-

тельства со стороны признанных поэтов, писателей и музыкантов.

Слишком часто, даже в старости, Андерсену давали понять, что он «бедный родственник» в датской литературе и что ему – сыну сапожника и бедняка – следует знать свое место среди господ советников и профессоров.

Андерсен говорил, что за свою жизнь он выпил не одну чашу горечи. Его замалчивали, на него клеветали, над ним насмехались.

За что?

За то, что в нем текла «мужицкая кровь», что он не был похож на спесивых и благополучных обывателей, за то, что он был истинным поэтом «божьей милостью», был беден, и, наконец, за то, что он не умел жить.

Неумение жить считалось самым тяжким пороком в филистерском обществе Дании. Андерсен был просто неудобен в этом обществе – этот чудак, этот, по словам философа Кьеркегора, оживший смешной поэтический персонаж, внезапно появившийся из книги стихов и навсегда забывший секрет, как вернуться обратно на пыльную полку библиотеки.

«Все хорошее во мне топтали в грязь», – говорил о себе Андерсен. Говорил он и более горькие вещи, сравнивая себя с тонущей собакой, в которую мальчишки швыряют камни, но не из злости, а ради пустой забавы.

Да, жизненный путь этого человека, умевшего видеть по ночам тихое сияние шиповника и слышать воркотню старого пня в лесу, не был усыпан венками.

Андерсен часто страдал, страдал жестоко, и можно только преклоняться перед мужеством этого человека, не растерявшего на своем жизнейском пути ни доброжелательства к людям, ни жажды справедливости, ни способности видеть поэзию всюду, где она есть.

Он страдал, но он не покорялся. Он часто негодовал. Он гордился своей кровной близостью к беднякам – крестьянам и рабочим. В «Союзе рабочих» он первый из датских писателей начал читать рабочим свои удивительные сказки.

Он становился ироничен и беспощаден, когда дело касалось пренебрежения к простому человеку, несправедливости и лжи.

Рядом с детской сердечностью в нем жил едкий сарказм. С полной силой он выразил его в своей великой сказке о голом короле.

Когда умер скульптор Торвальдсен, сын бедняка, то Андерсену была невыносима мысль, что за гробом великого мастера впереди всех будет напыщенно шествовать датская знать.

Андерсен написал кантату на смерть Торвальдсена. Он собрал на похороны детей бедняков со всего Копенгагена. Дети шли цепью по сторонам похоронной процессии и пели кантату Андерсена, начинавшуюся словами:

*Дорогу дайте к гробу беднякам, —
Из их среды почивший вышел сам...*

Андерсен писал о своем друге поэте Ингемане, что тот разыскивал семена поэзии на крестьянской земле. С гораздо большим правом эти слова относятся к самому Андерсену. Он собирал зерна поэзии с крестьянских полей, согревал их у своего сердца, сеял в низких хижинах, и из этих семян вырастали и расцветали невиданные и великолепные цветы поэзии, радовавшие сердца бедняков.

Были у Андерсена целые годы душевной путаницы и мучительных поисков своей настоящей дороги. Сам Андерсен долго не знал, какие области искусства сродни его таланту.

«Как горец вырубает ступеньки в гранитной скале, – говорил о себе под старость Андерсен, – так я медленно и тяжело завоевывал свое место в литературе».

Он толком не знал своей силы, пока поэт Ингеман не сказал ему шутя: «Вы обладаете драгоценной способностью находить жемчуг в любой сточной канаве».

Эти слова открыли Андерсену самого себя.

И вот – на двадцать третьем году жизни – первая подлинно андерсеновская книга «Прогулка на остров Амагер». В этой книге Андерсен решил наконец выпустить в мир «пестрый рой своих фантазий».

Первый легкий трепет восхищения перед неизвестным до тех пор поэтом прошел по Дании. Будущее становилось ясным. На первый же скудный гонорар от своих книг Андерсен устремился в путешествие по Европе.

Беспрерывные поездки Андерсена можно с полным правом назвать путешествиями не только по земле, но и по своим великим современникам: потому что, где бы Андерсен ни был, он всегда знакомился со своими любимыми писателями, поэтами, музыкантами и художниками.

Такие знакомства Андерсен считал не только естественными, но просто необходимыми. Блеск ума и таланта великих современников Андерсена наполнял его ощущением свежести и собственной силы.

И в этом длительном, светлом волнении, в постоянной смене стран, городов, народов и попутчиков, в волнах «дорожной поэзии», и уди-

вительных встречах и не менее удивительных размышлениях прошла вся жизнь Андерсена.

Он писал всюду, где его заставляла жажда писать. Кто сочтет, сколько царапин оставило его торопливое перо на оловянных чернильницах в гостиницах Рима и Парижа, Афин и Константинополя, Лондона и Амстердама!

Я сознательно упомянул о торопливом пере Андерсена.

Придется на минуту отложить рассказ о его путешествиях, чтобы объяснить это выражение.

Андерсен писал быстро, хотя потом долго и придирчиво правил свои рукописи.

Писал он быстро потому, что обладал даром импровизации.

Андерсен был чистейшим образцом импровизатора. Бесчисленные мысли и образы роились у него во время работы. Нужно было спешить, чтобы записать их, пока они еще не ускользнули из памяти, не погасли и не скрылись из глаз. Нужно было обладать необыкновенной зоркостью, чтобы ловить на лету и закреплять те картины, что вспыхивали и мгновенно гасли, как ветвистый узор молнии на грозовом небе. Импровизация – это стремительная отзывчивость поэта на любую чужую мысль, на любой толчок извне, немедленное превращение этой мысли в потоки образов и гармонических картин.

Она возможна лишь при огромном запасе наблюдений и великолепной памяти.

Свою повесть об Италии Андерсен написал как импровизатор.

Поэтому он и назвал ее этим словом – «Импровизатор». И может быть, глубокая и почтительная любовь Андерсена к Гейне объяснялась отчасти тем, что в немецком поэте Андерсен видел своего собрата по импровизации.

Но вернемся к путешествиям Кристиана Андерсена.

Первое путешествие он совершил по Каттегату, заполненному сотнями парусных кораблей. Это была очень веселая поездка. В то время в Каттегате появились первые пароходы – «Дания» и «Каледония». Они вызвали целый ураган негодования среди шкиперов парусных кораблей.

Когда пароходы, надымив на весь пролив, смущенно проходили сквозь строй парусников, их подвергали неслыханным насмешкам и оскорблениям. Шкиперы посылали им в рупор самые отборные проклятия. Их обзывали «трубочистами», «дымовозами», «копчеными

хвостами» и «вонючими лоханками». Эта жестокая морская распря очень забавляла Андерсена.

Но плавание по Каттегату было не в счет. После него начались «настоящие путешествия» Андерсена. Он много раз объездил всю Европу, был в Малой Азии и далее в Африке.

Он познакомился в Париже с Виктором Гюго и великой артисткой Рашель, беседовал с Бальзаком, был в гостях у Гейне. Он застал немецкого поэта в обществе молоденькой прелестной жены-парижанки, окруженной кучей шумных детей. Заметив растерянность Андерсена (сказочник втайне побаивался детей), Гейне сказал:

— Не пугайтесь. Это не наши дети. Мы их занимаем у соседей.

Дюма водил Андерсена по дешевым парижским театрам, а однажды Андерсен видел, как Дюма писал свой очередной роман, то громко ссорясь с его героями, то покатываясь от хохота.

Вагнер, Шуман, Мендельсон, Россини и Лист играли для Андерсена свои вещи. Листа Андерсен называл «духом бури над струнами».

В Лондоне Андерсен встретился с Диккенсом. Они пристально посмотрели друг другу в глаза. Андерсен не выдержал, отвернулся и заплакал. То были слезы восхищения перед великим сердцем Диккенса.

Потом Андерсен был в гостях у Диккенса, в его маленьком доме на взморье. Во дворе заунывно играл шарманщик-итальянец, за окном в сумерках блестел огонь маяка; мимо дома проплывали, выходя из Темзы в море, неуклюжие пароходы, а отдаленный берег реки, казалось, горел, как торф, – то дымили лондонские заводы и доки.

— У нас полон дом детей, – сказал Диккенс, хлопнул в ладоши, и тотчас несколько мальчиков и девочек, сыновей и дочерей Диккенса вбежали в комнату, окружили Андерсена и расцеловали его в благодарность за сказки.

Но чаще всего и больше всего Андерсен бывал в Италии. Рим стал для него, как и для многих писателей и художников, второй родиной.

Однажды, по пути в Италию, Андерсен проезжал в дилижансе через Швейцарию.

Была весенняя ночь, полная крупных звезд. В дилижанс село несколько деревенских девушек. Было так темно, что пассажиры не могли рассмотреть друг друга. Но несмотря на это, между ними начался шутливый разговор. Да, было так темно, что Андерсен заметил только, как поблескивали влажные зубы девушек. Он

начал рассказывать девушкам о них самих. Он говорил о них, как о прекрасных сказочных принцессах. Он увлекся. Он восхвалял их зеленые загадочные глаза, душистые косы, рдеющие губы и тяжелые ресницы.

Каждая девушка была по-своему прелестна в описании Андерсена и по-своему счастлива.

Девушки смущенно смеялись, но, несмотря на темноту, Андерсен заметил, как у некоторых из них блестели на глазах слезы, – то были слезы благодарности доброму и странному попутчику.

Одна из девушек попросила Андерсена, чтобы он описал им самого себя.

Андерсен был некрасив. Он знал это. Но сейчас он изобразил себя стройным, бледным и обаятельным молодым человеком, с душой, трепещущей от ожидания любви.

Наконец дилижанс остановился в глухом городке, куда ехали девушки. Ночь стала еще темнее. Девушки расстались с Андерсеном, причем каждая горячо и нежно поцеловала на прощание удивительного незнакомца.

Дилижанс тронулся. Лес шумел за его окнами. Фыркали лошади, и низкие, уже итальянские, созвездия плыли над головой.

Андерсен был счастлив так, как, может быть, еще никогда не был счастлив в жизни. Он благословлял дорожные неожиданности, мимолетные и милые встречи.

Италия покорила Андерсена. Он полюбил в ней все: каменные мосты, заросшие плющом, обветшалые мраморные фасады зданий, обрванных смуглых детей, померанцевые рожи, «отцветающий лотос» – Венецию, статуи Латерана, осенний воздух, холодноватый и пьянящий, мерцание куполов над Римом, старинные холсты, ласкающее солнце и то множество плодотворных мыслей, которые рождала Италия в его сердце.

Умер Андерсен в 1875 году.

Несмотря на частые невзгоды, ему выпало на долю подлинное счастье – быть обласканным своим народом.

Я не перечисляю тут всего, что написал Андерсен. Вряд ли это нужно. Я хотел только набросать беглый облик этого поэта и сказочника, этого обаятельного чудака, оставшегося до самой своей смерти чистосердечным ребенком, этого вдохновенного импровизатора и ловца человеческих душ – и детских и взрослых.

Он был поэтом бедняков, несмотря на то что короли считали за честь пожать его сухощавую руку. Он был народным певцом. Вся его жизнь свидетельствует о том, что сокровища подлин-

ного искусства заключены только в сознании народа и нигде больше.

Поэзия насыщает сердце народа подобно тому, как мириады капелек влаги насыщают воздух Дании. Поэтому, говорят, нигде нет таких широких и ярких радуг, как там.

Пусть же эти радуги почаще сверкают, как многоцветные триумфальные арки, над могилой сказочника Андерсена и над кустами его любимых белых роз.

Лола Звонарёва,

Лидия Кудрявцева

Приключение сказок Андерсена в России

В России нет ни одной семьи, ни одного ребенка, ни одного человека, кто бы не знал и не любил сказки Андерсена. На его популярных сказках выросли поколения русских детей XX века, и дети нынешнего века тоже растут и воспитываются на сказках Андерсена. Он так же нам близок, как и великий русский поэт Александр Пушкин. Сказки Андерсена постоянно переиздаются и с иллюстрациями старых мастеров, и новых молодых художников – каждый считает за счастье быть его иллюстратором. Русским художникам детской книги, в большинстве своем романтикам и сказочникам, оказался близок духовный мир сказок Андерсена. Их покорили уникальное соединение бытового и фантастического, всеискупающая христианская доброта, философия и оригинальная символика в бессмертных текстах великого датчанина.

Немало русских художников откликнулось выдающимися произведениями книжной графики, удостоенными международного признания. Мы расскажем об этих работах, обращая внимание на индивидуальное восприятие сказок Андерсена и их интерпретацию, рассмотрим во времени иллюстрацию к детской книге как самостоятельный пласт отечественной культуры. Наша задача также – вернуть в историю русского книжного искусства несправедливо забытые достойные имена художников и оригинальные графические циклы, книги сказок Андерсена давали для этого полную возможность. На протяжении уже почти полутора веков Андерсен иллюстрируется в России, как правило, лучшими художниками.

Первое иллюстрированное издание сказок Андерсена вышло с иллюстрациями русского художника, академика, барона Михаила фон Клодта (1835–1914). Это интересная история. Издание «Новых сказок» Андерсена в переводе с немецкого появилось в Петербурге в 1868 году. С этого года мы ведем отсчет истории иллюстрированных изданий Андерсена на русском языке.

Восхищенные сказками издательницы, русские феминистки, высокообразованные женщины Надежда Стасова (1822–1895) и Мария Трубникова (1835–1897) эту книгу, выпущенную в Петербурге, послали Андерсену с сопроводительным письмом. В нем они выразили преклонение перед его великим талантом. Андерсен им достаточно скоро ответил, он был доволен изданием и рисунками художника Михаила Клодта.

Но Андерсену не понравилось его изображение – русский гравер использовал его фотографию из немецкого издания. Андерсен прислал свою красивую свежую фотографию 1868 года с автографом для дальнейшей публикации. Но она не состоялась.

Первые датские иллюстраторы Андерсена – Педерсен и Фрелих и, конечно, в России в XIX веке были хорошо известны великолепные работы художника Тегнера. Они были опубликованы у нас впервые в 1899 году – в роскошной книге, как бы завершив ею издания Андерсена в XIX веке. Работы западных художников к сказкам Андерсена (Доре, Робинсона, Дюлака, Бирменгена) постоянно издавались в России. Солидные российские издательства и сегодня выпускают сказки Андерсена с иллюстрациями замечательных датских художников Педерсена, Фрелиха и Тегнера.

Мы очень благодарны господину Йохану де Мюлиусу, который в конце прошлого века в великолепном издании издательства «Гюльдендаль» опубликовал иллюстрации Оскара Клевера, долгое время хранившиеся в коллекции русских художников-иллюстраторов Андерсена в Одессе. Его статья о работах Клевера, переведенная на русский язык, восхищает глубоким анализом иллюстраций.

Но есть художники, чьи иллюстрации были совсем не известны русскому читателю. В первую очередь, это Михаил Клодт – первый иллюстратор сказок Андерсена в России, чьи работы видел Андерсен в 1868 году. Но его работы остались в истории, оказались забыты. А также Иван Билибин (1876–1942), Александр Алек-

сеев (1901–1982), оказавшиеся в эмиграции, упомянутый Оскар Клевер (1887–1975), изданный лишь в Дании. К этим художникам, давно ушедшим из жизни, мы присоединили нашего современника Геннадия Спирина (родился в 1948 г.), живущего ныне в США и в начале этого века исполнившего для итальянского издательства интересные иллюстрации к пяти сказкам Андерсена.

Опубликованные в двух изданиях иллюстрации к сказкам Андерсена выдающихся русских художников Клодта, Билибина, Алексеева, Клевера – это открытия для русского читателя. Оригинально и выразительно русские художники разных эпох интерпретировали сказки Андерсена. Они открывают в великих текстах датского классика новые подтексты, созвучные их размышлениям о сиюминутном и вечном. Их работы высокохудожественны по исполнению.

Михаил Клодт некоторыми сторонами творческой натуры – впечатлительностью, склонностью к сентиментальной грусти, безграничной влюбленностью в простых людей – был близок к Андерсену. К 47 сказочным историям, включенным издательницами в книгу «Новые сказки Андерсена» (1868) Клодт рисовал в основном небольшого размера заставки и концовки, правда, далеко не ко всем сказкам. Время искусства книги еще не наступило. Всего шесть иллюстраций введено в сам текст. Художника-жанриста, воспитанного на демократических принципах, интересуют судьбы простых людей, их характеры. Им он, прежде всего, уделяет внимание. Тут нарисованы городские и деревенские типы, молодые и старые, с той долей психологизма, что уместна в сказочном жанре. Клодта может увлечь и буря на море, и всевозможные жуки, и другая живность, встречающаяся в сказках.

Сказка Андерсена «Мать» была издана в Дании в 1875 году, к 70-летию Андерсена – в подлиннике и 13 переводах на европейские языки. Петер Ганзен воспользовался этим изданием, прибавив еще восемь переводов. На обложке русского издания книги «Мать», выпущенного в Петербурге в 1894 году, – портрет Андерсена работы известного гравера-портретиста, академика Василия Матэ (1856–1917), он поэтично окружен весенней зеленой листвой. Автор флористической декоративной композиции – Мечислав Далькевич (1861–1941).

В элегантно-ироническом стиле сказки Андерсена «Соловей» Георгий Нарбут (1886–1920) мог почувствовать что-то родное. При иллюстрировании «Соловья» (книга вышла в 1912

году в Москве) обложку, заставки, фронтиспис, две полосные иллюстрации, концовку Нарбут выполнил изящными черными силуэтами на желтоватом фоне листа, они рифмуются с плотным черным шрифтом текста сказки. Художник создал сказочный образ Китая.

Из всех сказок Андерсена известный своим искусством график Мстислав Добужинский (1875–1957) выбрал «Свинопаса» и работал над ним в роковом 1917 году. Книга была издана только в 1922 году в Берлине на русском языке. Все рисунки подчинены единому замыслу: сделать книгу цельной, изящной, остроумной. Именно в «Свинопасе» появился виртуозно беглый рисунок художника. Прелестный, полный искрящегося юмора сюжет он воплотил в лукавых, изысканных сценках. Поместил героев в условный, богатый пышными декоративными деталями мир барокко, сдобренный артистичным юмором, он заключен в самой стихии графического рисунка.

В советское время самым востребованным иллюстратором Андерсена стал Владимир Конашевич (1888–1963). Будущий выдающийся художник детской книги обратился к Андерсену еще в юности. В 1909 году, в первый год пребывания в художественном училище, Конашевич переписал от руки сказку Андерсена «Мать» и украсил ее своими рисунками. Мастер владел безукоризненным чувством сказочного стиля и на протяжении многих десятилетий создавал в рисунках к Андерсену увлекательный для ребенка ласково-простодушный мир игры, проникнутый поэзией.

Великий русский художник Иван Билибин проиллюстрировал «Русалочку» в Париже, перед возвращением в Советскую Россию. Книга – подлинный шедевр книжной графики – вышла в 1937 году в крупнейшем парижском издательстве «Фламарион» и с тех пор никогда не переиздавалась. Иллюстрации Билибина производят яркое впечатление ювелирной отделкой и красотой деталей. «Русалочка» вышла в серии книжек-картинок «Альбомы папаши Бобра», для которой Билибин работал. Создателем этой серии был профессиональный французский педагог и издатель Поль Фоше, взявший псевдоним Pere Castor.

Изысканный рисунок фигуры Русалочки, тончайшее кружево линий, очерчивающих детали природы – деревья, струи воды, чистота эмоций впервые проявляются в творчестве Билибина так сильно и нежно. «Русалочка» – пожалуй, единственная подлинно романтическая работа

Билибина – он прославился иллюстрациями к русским народным сказкам. Целомудренность героини подчеркнута самим ракурсом. Если она обнажена, то дается обычно только со спины.

Тема большой любви, за которую необходимо заплатить жизнью, как это сделала Русалочка, парадоксальным образом отразилась в судьбе художника. Вернувшись на родину после многолетней эмиграции, Билибин погибает от истощения в блокадном Ленинграде. «Русалочка» стала фактически его творческим завещанием.

Художник Александр Алексеев (1901, Казань – 1982, Париж) жил в США, когда в 1942 году с его иллюстрациями в Париже в издательстве «Maximilien Vox» вышла на французском языке «Книга картин без картинок» Андерсена, названная «Образы Луны». В ней – 33 сказочные миниатюры («Тридцать два вечера»). 28 иллюстраций и портрет Андерсена в технике офорта с акватинтой.

Лунный свет – главное в изображении. Художник на себе ощущал его влияние в мастерской с застекленным верхом. Богатство преобразований лунного света в его удивительных офортах неисчерпаемо, бесконечно. Алексеев испытывает психоделическое состояние, находясь под завораживающим воздействием лунного света. Оно приводит его к неизбежному переживанию краткости земной жизни. Он сопереживал Андерсену, был заморожен текстом. Писал об этом. Теперь это уникальное издание можно найти лишь у коллекционеров.

Иллюстрированием сказок Андерсена в технике цветной продольной (обрезной) гравюры известный ксилограф Владимир Домогацкий (1909–1986) начал заниматься с 1936 года, когда сделал одну гравюру и форзац к «Стойкому оловянному солдатику». Его гравюры вошли в датскую книгу «Сто лучших зарубежных иллюстраторов Андерсена». Сама техника гравюры на дереве, глубокий черный цвет, добавление серо-коричневой цветовой гаммы передают атмосферу «Старого дома», даже его запахи. А в «Соловье» есть ощущение вечности. Эти иллюстрации хранятся в музее в Оденсе.

Одной из первых книг талантливых художников – братьев из Петербурга Александра (р. 1931) и Валерия (1935–2011) Траугот – любимейшая ими с детства сказка «Новое платье короля» 1963 года. Они иллюстрировали ее вместе с отцом Георгием Трауготом и с тех пор сохранили в имени три буквы, ставшие брендом ГАВ.

Сказку «Новое платье короля» они иллюстрировали заново много раз – в разных техниках

и по-разному ее толкуя. Трауготы проиллюстрировали все сказки Андерсена в двухтомнике для взрослого читателя 1969 года (157 сказок) – это утонченные изящные перовые рисунки, полные философского смысла. Двухтомник переиздавался по всей стране, и его тираж – более двух миллионов экземпляров. В том же 1969 году вышел двухтомник для детей с цветными рисунками художников, коллекционеры его очень ценят.

Книги насыщены иллюстрациями, выполненными пером и акварелью тончайших оттенков. Они жизнерадостны и полны тонкого юмора. Богатство мира Андерсена буквально притянуло к себе Трауготов. Последние издания сказок Андерсена с их работами – это дань любви автору, которому они посвятили немалую часть обширного творчества. К 200-летию Андерсена они написали сказку «Принцесса на горошине» от руки белой гуашью на черных лакированных листах школьным стальным пером своего детства. Все рисунки выполнены так же – они невероятно затейливо откликаются почти на каждую фразу сказочника. А рисунки на обложке, форзацах, на титульном листе дополняют эту феерию. Надо ли говорить, что многие рисунки Трауготов к сказкам Андерсена есть и в музее Андерсена в Оденсе. Александру Трауготу была вручена Государственная премия за высочайший вклад в культуру детской книги.

В 1960-е годы наступает новый расцвет в нашей книге. Молодые художники смело вносят свои художественные идеи в детскую книгу. Среди них – Виктор Пивоваров (р. 1937). Его иллюстрации к «Оле-Лукойе», вышедшем отдельным изданием в 1969 году, и к сборнику сказок Андерсена (1979 год) мгновенно привлекли к себе внимание. В сборнике художник создал цельный художественный книжный организм – подчинил всю структуру единому замыслу: выразить фантастический волшебный мир, открытый датским писателем. Пивоваров нашел в сказках игру в метафору, в иносказание и виртуозно воплотил ее в пластически оригинальных, сложных композициях.

В эти же годы маститый график, академик Анатолий Кокорин (1908–1987) отправляется в путешествие по Дании, чтобы увидеть своими глазами места обитания писателя и его героев и приглядеться к датским типажам. Он неустанно рисовал. И создал дневник своих путешествий по «Стране великого сказочника», где есть разнообразные портреты Андерсена, словно схваченные с натуры. Создается впечатление: художник увидел Андерсена и рисовал

его. Свои цветные картинки Кокорин создавал для самых маленьких читателей-зрителей. Для них он придумывал множество очаровательных подробностей, кое-что и из подмеченного в Дании, например, торговки рыбой. Достоверность вместе с милым юмором сделали рисунки Кокорина популярными, их переиздают до сих пор.

Петербургская художница Наталия Басманова (1906–2000) иллюстрировала всего одну сказку Андерсена – «Дюймовочка». Но мы считаем эту работу одной из лучших в русской изобразительной андерсениане. Басманова дала возвышенное поэтическое прочтение сказке. Создается впечатление: мир создан из тончайших линий светоносного цвета. Мир этот светящийся. В нем божественное дыхание жизни. Иллюстрации выполнены то в сложно-розовой, то в сложно-голубой гамме тончайших цветовых оттенков. В акварелях – пленительность без умиления, любовь без сентиментальности. Маленькая девочка сама как душа мира. Теплое и радостное настроение излучают эти иллюстрации, выстроенные художницей по законам высокого пластического искусства.

Анастасия Архипова (р. 1955) увлеклась рисованием сказок Андерсена совсем юной. Ей не было и двадцати лет, когда она готовила к изданию в ведущем московском издательстве «Детская литература» сказки «Дурень Ганс» и «Принцесса на горошине». Уже в зрелом возрасте художница сделала сборник сказок, красиво изданный. Ее иллюстрации привлекают современного зрителя тщательным точным рисунком, психологизмом, настроением, вниманием к бытовым деталям, костюмам, погружением в ту или иную европейскую бытовую культуру. Все эти качества иллюстраций Архиповой пригланулись многим европейским издательствам и даже бразильским. Книги Андерсена с ее работами изданы в 18 странах мира.

Мы уже упоминали о Геннадии Спириной, успешно работающей для США и Европы. Книжки его с удовольствием переиздают новые частные российские издательства. Он знаток истории культуры, старого европейского искусства, его утонченное стилизаторство, а то и цитирование старых европейских мастеров вызывает у зрителей восхищение. Борис Диодоров назвал его мастерство головокружительным. Все это можно увидеть в его иллюстрациях к «Русалочке», «Дюймовочке», «Гадкому утенку», «Соловью», «Принцессе на горошине», «Стойкому оловянному солдатику». В России пока эти иллюстрации издать не удастся.

А вот художница иной формации, иных художественных убеждений. Юлия Гукова (р. 1961). У нее тоже есть поклонники и приверженцы ее стиля, хотя она и сама часто близка современным западным художницам. Она иллюстрировала лишь «Дюймовочку» в 1990 году, но весьма оригинально, введя в рисунки фантазийное виденье ситуаций, отсутствующих в сказке Андерсена.

Мир, в котором пребывают персонажи, подчеркнуто искусственен и существует в сюрреалистическом пространстве. Когда «Дюймовочка» с иллюстрациями Гуковой вышла в Торонто, ее назвали лучшей книгой года.

Оскар Клевер открыт нам господином де Мюлеусом, но, увы, в России только для читателей наших книг и коллекционеров. Его иллюстрации к 28 сказкам полны экспрессии, затаенной боли. В них столько страдания! И художественных находок. Как, например, в трагической иллюстрации к сказке «Красные башмаки», где в сцене на кладбище – обугленные деревья, словно трубы храмового органа, напоминают о вечности.

Совершенное новое прочтение Андерсена, условно, связано с судьбой Клевера. Он почти два года провел во Вторую мировую войну в немецком концентрационном лагере, о чем пишет де Мюлиус. Мы продолжили изыскания дальше, узнали о жизни молодого Клевера в последние послевоенные годы в Ленинграде. Как признавался сам художник, в лагере его спас Андерсен, над которым он работал, рисуя сказки по памяти. Клевер писал: «Я отдаю Андерсену полжизни и становлюсь от этого только богаче духовно, питаюсь его мудростью и душевной теплотой».

Хорошо всем знаком Борис Диодоров (1934 г.р.). Он иллюстрировал три сказки: «Снежная королева», «Русалочка», «Дюймовочка». В результате родилась цельная сюита о любви, о преданности, о победе добра над злом. Диодоров – великий мастер офорта. В этой сложной технике с использованием акватинты и акварели он создал поэтичный мир, андерсеновский мир, наполненный красотой и любовью и какой-то романтической тайной. Диодоров признается: он нашел в Андерсене религиозного писателя, ему чрезвычайно близкого. Хочется отметить – художник внутренне общается и с детским зрителем, увлекая его не только художественной образностью, но массой очаровательных деталей, которые интересно разглядывать.

Бок о бок с Диодоровым работала в Москве над Андерсеном известная художница Ника Гольц (1925–2012). Она в детстве, как и многие, зачитывалась сказками Андерсена. И была невероятно счастлива, когда ей, начинающей в книге художнице, в издательстве «Детская литература» дали иллюстрировать «Стойкого оловянного солдатика». Это была скромная книжица с черно-белыми рисунками. Потом она сделала еще несколько подобных. В 1990-е годы, трудные для наших художников книги, Гольц вновь оказалась востребованной. А в нынешнем веке сказки Андерсена начали выходить с ее цветными иллюстрациями постоянно. В ее мастерских рисунках привлекает легкая ирония, изящный юмор и доброта.

Анатолий Зверев (1931–1986) – замечательный московский художник, автор портретов, хранящихся в лучших музеях мира. Чувства Андерсена живут в слове, у Зверева они воплощены в линиях. Легкие, свободные, порывистые штрихи словно разговаривают с тобой. Они музыкальны, певучи, нежны, а порой и смешливы.

Любимую героиню Андерсена русалочку художник рисует струящимися, изысканными линиями или одним точным мягким, словно поющим движением руки. Мы словно слышим негромкие всплески воды и грустим вместе с русалочкой, мечтающей о любви принца. А какими острыми линиями нарисована дощатая палуба свадебного корабля, где танцует девушка! Они, словно безжалостные ножи, вонзаются в её тонкие, больные, нежные ножки. На крыльях двух летящих лебедей расположилось покрытое перьями название другой сказки – «Дикая лебеди». Приглядишься: совсем по-другому звучат иллюстрации Зверева к этой сказочной истории.

Напряжённым, нервным штрихом рисует художник таинственный лес, мрачное кладбище. Художник обрушивает на лист каскад стремительных линий. Героиня сказки Элиза словно растворяется в лесной чаще. Она – живая часть могущественного зелёного царства природы, способного и погубить, и победить злое волшебство. А в иллюстрациях к «Новому платью короля» заметнее звучат насмешливые, сатирические нотки. Посмотри: на обложке к этой сказке лицо доверчивого короля нарисовано волнистой, насмешливо-добродушной линией. А сам он спрятан в весёлом белом облаке. При изображении обманщиков портных линия становится торопливой, беспокойной, ершистой.

Художнику жаль обманутого глупого правителя. Анатолий Зверев без симпатии рисует грубо кричащего мальчишку и бурно радующуюся хохочущую толпу. Видимо, он посчитал, что не очень-то хорошо смеяться над обманутым человеком, даже если это король. В рисунках к сказке «Свинопас» линии Анатолия Зверева легки, полны скрытой иронии. Разжиревший хряк волочит на себе лиру, а пузатые свинюшки носятся рядом... Сплошное хрюканье уже на обложке! По мнению художника, самый замечательный герой этой сказки – крохотная птичка соловей, чистое и скромное дитя природы. Как и живая роза, что лежит под крестом на могиле отца принца. Соловья он нарисовал на первой же картинке. Испокон веков соловей считался символом талантливого творческого человека. Любому творцу сродни чудесно поющих соловей. От его пения «на душе становится так радостно, словно матушка целует», как говорил Андерсен. Может быть, именно потому с такой симпатией рисует его Анатолий Зверев и описывает Андерсен?

А вот четыре художника, начавшие работать в детской книге уже в этом веке. Новое поколение иллюстраторов, достаточно амбициозное, стремящееся утвердить свое индивидуальное виденье работы в книге.

Кирилл Челушкин (р. 1968). Он иллюстрировал «Снежную королеву» в 2005 году для Южной Кореи и краткое изложение биографии Андерсена для детей для Тайваня в 2002-м. В биографической книге Андерсен сам предстает загадочным сказочным персонажем. В «Снежной королеве» – тоже парадокс. Художник восхищен этой героиней, считает ее воплощением красоты и благородства, а к Герде относится снисходительно. Художник применял изобретенную им технику – масло на фотобумаге, специально обработанной, а также перо с тушью. На больших листах создавалось ирреальное пространство. Диодоров пишет: «Буйство фантазии и красота. В целом и частном. Челушкин совершенно по-новому прочел "Снежную королеву". Влюбленно, как он сам сказал. Он даже в полемике с Андерсеном».

Екатерина Силина (1960–2014) была фантазеркой и в образах, и в пластике. Для южно-корейских издателей она сделала «Снежную королеву» (2004), «Новое платье короля» (2005), «Стойкого оловянного солдатика» (2006). Художница играла с пространством, играла с персонажами, преображая их иногда до неузнаваемости. Снисходительную иронич-

ность Андерсена Силина трактовала как колючий гротеск. Видимо, на языке графики она рассуждала о механической поступи цивилизации, которая теснит и корежит мир подлинной культуры. Это вновь предельная авторизация андерсеновского текста, культивируемая субъективность. Слово Андерсена не стало для художницы доминантой в изображении.

Виктория Фомина (р.1963). Иллюстрировала «Дюймовочку» для южно-корейского издательства в 2004 году. Художница стремится соединить душевную теплоту образов с авангардным подходом к решению композиции и пространства. В динамике ее рисунков есть и ощущение космогоничности мира. Ей нравится вносить в рисунки приметы нынешней жизни. Дюймовочка – современный подросток, входящий в мир с аквалангом. Но романтика прелестной сказки все же перевешивает все ухищрения.

Игорь Олейников (р. 1953). Сегодня он востребованный художник в издательствах Москвы и Петербурга. В 2018 году стал обладателем Золотой медали Андерсена – самой престижной награды в области детской литературы. В 2004 году для тайваньского издательства блистательно иллюстрировал «Соловья» Андерсена, сделав красиво решенные иллюстрации. Они погружены в некую туманную зыбкость, ассоциирующуюся с загадочностью и ирреальностью происходящего. Художник не устает при этом любоваться экзотичностью садов, мостов, пагод и пластически выверенными фигурами в китайских одеждах. Все изысканно стилизовано. На этом богатом фоне не пропадает соловей, свободно парящий в чистом светлом небе...

А завершить этот парад иллюстраций мы хотим работой одного из наших мастеров, приверженца русской классической школы иллюстрации и рисунка. Николай Устинов (1937–2023) знаменит иллюстрациями к русской поэзии, к русской классике. Он – мастер лирического пейзажа. В 2010 году вышел сборник сказок Андерсена с его иллюстрациями. Они проникнуты русским духом. Здесь русская королева и русская тройка коней, которой она управляет как ямщик. Здесь русское небо. Русское поле. Это русский Андерсен. Наша любовь к нему.

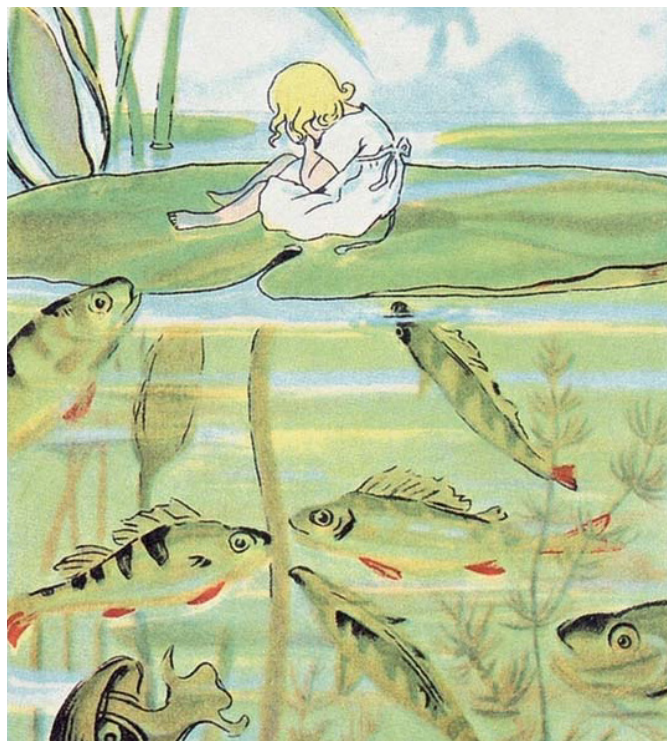
Старый церковный колокол. Художник М. Клодт. 1868.

Снежная королева (фрагмент). Художник Н. Каразин. 1896.

Соловей. Художник Г. Нарбут. 1912.

Дюймовочка. 1912. Илл. Художник Э. Нерман.

Свинопас. Художник М. Добужинский. 1922.

Дикие лебеди. Художник В. Конашевич. 1950.

Русалочка. Художник И. Билибин. 1937.

Новое платье короля. Художник Г А В Траугот. 1979.

Дюймовочка. Художник Б. Диодоров. 2004.

Новое платье короля. Художник Н. Гольц. 2009.

УЧИТЕЛЮ И УЧЕНИКУ

Вопросы к обсуждению сборника рассказов о Гансе Христиане Андерсене

В конце практически каждого номера «Путеводной звезды» редакция предлагает вопросы для обсуждения прочитанного произведения — в классе, библиотеке или в кругу семьи. В журнале «Путеводная звезда. Школьное чтение» № 4 за 2026 год опубликованы биографический очерк о Гансе Христиане Андерсене, написанный Марией Бекетовой, рассказ «Великий сказочник» классика русской литературы Константина Паустовского, а также эссе, посвященное основным русским иллюстраторам сказок датского писателя, авторы которого — замечательные искусствоведы Лола Звонарева и Лидия Кудрявцева. Собранные в этом номере «Путеводки» материалы обязательно пригодятся вам для изучения жизни и творчества писателя, который обессмертил свое имя волшебными произведениями, где утверждается милосердие и любовь к жизни.

Надеемся, эти вопросы помогут вам составить интересный разговор о Гансе Христиане Андерсене.

1

Какие сказки Андерсена вы читали? Почему они вам понравились?

2

Вы согласны с Чарльзом Диккенсом, который назвал Андерсена «лучшим сказочником мира»? Как вы думаете, почему на сказки датского писателя откликаются души людей всего мира?

3

Где и когда родился Андерсен? Что вы можете сказать про его родителей? Как они повлияли на своего сына?

4

Как складывалась жизнь у Андерсена-подростка? А что вы можете сказать о последующих годах его жизни? Вы согласны с высказыванием Гейне, что художник — то самое дитя, которое плачет жемчужинами? Насколько они справедливы по отношению к Андерсену?

5

Как вы думаете, почему люди иногда не могут понять истинную духовную ценность произведений современного им писателя? Только ли Андерсен страдал от этого?

6

Найдите разные иллюстрации сказок Андерсена. Какие из них вам кажутся наиболее интересными? Как вы думаете, почему так много художников делали свои иллюстрации к сказкам Андерсена? Постарайтесь проиллюстрировать свою любимую сказку Андерсена.

Журналы Российского детского фонда

Став инициатором создания и учредителем нескольких журналов, Российский детский фонд считает их своей нравственной программой защиты детей, программой помощи взрослым — учителям, врачам, родителям, вообще — защитникам детства. Поэтому, привлекая внимание взрослых к этому своему

проекту, прежде всего губернаторов, глав территорий, руководителей органов образования, здравоохранения, социальной защиты, иных госструктур, в полномочия и задачи которых, безусловно, входит духовная защита детства, Российский детский фонд надеется на партнерство и сотрудничество.

Наши координаты для связи:

101990, Москва, Армянский пер., 11/2а.

Тел. (495) 625 82 00, факс (495) 624 24 90. E-mail: izdatelstvo@defond.org

Журнал «Путеводная звезда. Школьное чтение» (с 1996 по 2000 год — «Школьная роман-газета») рекомендован Министерством образования РФ для программного и внеклассного чтения всех средних учебных заведений. «Путеводная звезда» — это еще и помощь учителю литературы, истории и иных гуманитарных дисциплин. В конце каждого номера публикуется конспект учительских вопросов ученикам, которые позволяют провести содержательный диалог по обсуждению каждого опубликованного произведения. Внутри номера — журнал в журнале «Большая перемена», постоянно публикующий письма, стихи и прозу детей, публицистику, обращенную к ним, юмор, а также другие материалы.

Подписные индексы журнала «Путеводная звезда. Школьное чтение»:
в каталоге «Роспечать» — 72722 (полугодовой), 71895 (годовой),
в каталоге «Почта России» — П 1953, П 5924 (годовой).

Ярко иллюстрированный журнал для детей и юношества. Издается по благословию Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Его цель — православное воспитание и просвещение. В увлекательной форме журнал рассказывает о тысячелетней истории Русской Православной Церкви, о нашем Отечестве — его духовной основе, культуре и искусстве. Материалы «Божьего мира» могут быть использованы на занятиях в православных гимназиях, в школах — воскресных и общеобразовательных, для чтения в семейном кругу. Выходит 6 раз в год.

Подписные индексы журнала «Божий мир»:
в каталоге «Роспечать» — 71168,
в каталоге «Почта России» — П 5266.

«Дитя человеческое» — это журнал для родителей, учителей, врачей — всех, кому дороги дети и детство. А еще у него есть подзаголовок: взрослым о детях. Журнал публикует законы Российской Федерации, а также наиболее значимые законы регионов на тему детства. Публикует материалы об образовании и здоровье детей, постоянно специальные свои номера он посвящает положению детей в России — как независимые доклады общественной организации взрослых в защиту детства — Российского детского фонда. Публикуются репортажи и иные материалы о работе общественных организаций страны, Российского детского фонда, Международной ассоциации детских фондов. Цветное иллюстрированное издание. Выходит 6 раз в год.

Подписные индексы журнала «Дитя человеческое»:
в каталоге «Роспечать» — 72462, в каталоге «Почта России» — П 5192.

Общероссийский общественный благотворительный фонд «**РОССИЙСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОНД**»

**QR-код
для финансовой
поддержки**

Российский детский фонд – это организация взрослых в защиту детства. Является правопреемником Советского детского фонда им. В. И. Ленина, учредительное собрание которого состоялось 14 октября 1987 года в Колонном зале Дома Союзов.

Российский детский фонд – это первая и самая крупная в стране благотворительная организация.

Отделения Фонда работают в 67 регионах.

Почти 40 лет помощь получают страждущие дети – сироты, инвалиды, ребята из многодетных семей, те, чьи родители погибли, выполняя служебный долг... Все те, кто остро нуждается в поддержке.

Работа активно ведется по 30 программам, среди которых «1 июня – Международный день защиты детей», «Дети Донбасса», «Панда», «Начеку!», «Духовная защита», «Детский туберкулёз», «Детский диабет», «За решёткой – детские глаза», проекты «Мили доброты» и «Звуки жизни»...

Девиз Фонда:

«Ни дня без доброго дела!»

Главный принцип:

**«Дети вне политики, вне
национальности»**

Во времена трудных испытаний Детский фонд всегда был вместе со страной. И всегда – на переднем крае.

Вы можете стать Волонтером
Российского детского фонда!
Присоединяйтесь к нам!

Российский детский фонд

Адрес:

101990 Москва, Армянский пер. 11/2а

Телефоны:

+7 (495) 625-82-00 (приёмная Председателя Фонда)

+7 (495) 623-10-95 (секретариат)

Электронная почта:

info@detfond.org